

Калдовские

Миры

СТРУНЫ ВОЛШЕБСТВА

Книга первая

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ ЗАКРЫТОГО КОРОЛЕВСТВА

МИЛЕНА
ЗАВОЙЧИНСКАЯ

Annotation

Привычная жизнь Рэмины рушится в день смерти отца, наследство которого желает заполучить ее единокровный брат, бастард графа дас Рези. Нет больше никого, кто мог бы защитить от беды. Спасая свою жизнь, девушка бежит из фамильного замка, оставив всё: состояние, титул, имя и даже свой облик. Отныне ее путь лежит прочь из родного королевства, в котором магия под запретом, а всех одаренных ждет мучительная смерть на костре. Под личиной бродячего менестреля Рэми учится выживать без чьей-либо поддержки и пытается овладеть открывшимися у нее таинственными способностями. Ее мечта – найти новый дом и узнать, кто же она на самом деле. Но это еще впереди...

- [Милена Завойчинская](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Милена Завойчинская

Струны волшебства. Книга первая.

Страшные сказки закрытого королевства

© Завойчинская М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

– Мама, Гаспа́р приехал! – в ужасе ворвалась я в покои отца. Тут же вспомнила, что мне не подобает носиться, словно я простолюдинка, выпустила из пальцев подол черного траурного платья и спешно расправила его, украдкой покосившись на завешенное зеркало.

– Явился, ублюдок... – Мама сжала зубы и бросилась в коридор, чтобы выглянуть во двор замка, а я побежала за ней.

Оттуда уже доносились громкое ржание лошадей и зычный гогот пьяной разудалой компании. Мой беспутный единокровный брат, бастард, нагулянный отцом от одной из служанок еще в юности, задолго до женитьбы на моей матушке, ныне графине Альенде дас Рези, верховодил своими приятелями и подпевалами. Судя по их бурному веселью, они уже праздновали... А больше всех ликовал он, Гаспар. Тот, кого я по малолетству искренне любила, считая братом. Пусть всего лишь единокровным, незаконнорожденным, но братом, родной кровью.

Увы, так считала лишь я. А ему притворства хватило ненадолго, только до первой стычки с отцом относительно наследства и титула. Мне тогда было шесть, Гаспару двадцать пять. И когда папа ему прямо сказал, что наследницей стану я, законнорожденная дочь, единственный ребенок, появившийся в браке с обожаемой женой... Вот тут-то и закончился шаткий мир между детьми графа дас Рези.

Гаспар еще готов был терпеть искреннюю привязанность малолетней сестрицы, родившейся от ненавистной мачехи, но не то, что титул, земли и состояние уйдут к «мелкой мерзавке». С того разговора не проходило ни одной нашей встречи, чтобы я не получала толчка, щипка, подножки, «случайно» опрокинутого на мое светлое платье вина, едкого оскорбления или шепотка, что я сдохну как нищенка, а уж он об этом позаботится. Причем делал это так, чтобы никто не видел.

Недостойно мужчины, недостойно аристократа (пусть и незаконнорожденного, но признанного официально), недостойно человека вообще относиться так к девушке. Тогда еще девочке.

А потом он стал много пить, кутить, играть в карты, связался с нехорошей компанией...

С тех пор минуло десять лет. И вот... нашего отца не стало сегодня ночью, а с утра пораньше приехал Гаспар. И судя по тому, как веселится его пьяная свора, праздновали они уход графа дас Рези с той минуты, как в

город прискакал посольный папы. И совсем не спешили в замок. Хотя граф хотел проститься со старшим сыном и отправил нарочного, сообщив, что до рассвета еда ли дотянет, но хочет увидаться до того, как испустит последний вздох.

– Рэмина, ты всё помнишь? – повернулась ко мне мама, трясущимися руками поправляя растрепавшиеся после бессонной ночи у одра умирающего мужа волосы.

– Да, но, мам... Он не посмеет. Ведь завешание...

– Рэми, милая... – Мама глубоко вдохнула воздух и медленно выпустила его сквозь зубы. – Ты ничего не забыла? Родная, у меня не больше недели, ты же знаешь. Поклянись, что не выйдешь! Если я не выпущу тебя сама в течение восьми дней, то ты...

– Да, мама, – опустила я глаза, пряча слезы. – Месяц. Я помню.

– Люблю тебя, доченька. Помни об этом. – Я очутилась в крепких объятиях.

– И я люблю тебя. – Слезы уже не удавалось сдерживать. И хотя мне казалось, что я выплакала их еще ночью, горюя о смерти папы, но простаться с мамой оказалось не менее больно.

– Беги! – подтолкнула меня вдова графа дас Рези. – Прячься! Я попробую избавиться от него, но...

И я побежала. Прочь от пьяных голосов, разносящихся уже по замку. Подальше от старшего брата, ненавидящего меня и свою мачеху. Туда, где всё готово, где предстоит спрятаться, пока ситуация немного не прояснится. А дальше...

Мы с мамой надеялись на лучшее, только вот и она, и я понимали: мне не справиться с Гаспаром, не удержать власть. Отца больше нет, значит, скоро не станет и мамы. А я... Если за эти восемь дней не успеют приехать стряпчие короля и назначенный короной опекун, то у меня один выход – бежать. Оставляя в живых соперницу Гаспар не станет, подстроит мою гибель мгновенно, я и мяукнуть не успею. Или не подстроит, а просто прирежет... Либо, если не захочет руки марать, то проведу я остаток жизни в самом дальнем храме Неумолимой, у подножия горных кряжей. И, разумеется, я сама туда захочу, скорбя о безвременно ушедших родителях. И конечно же, добровольно откажусь от титула и состояния в пользу единственного близкого родственника... А «остаток жизни» моей в тех условиях будет совсем недолгим, мне там не протянуть и двух лет. Либо сама умру, подорвав здоровье, либо мать-настоятельница и сестры заметят мои способности и убьют.

Неслышимый шелест песчинок казался мне грохотом сходящей с гор лавины. Минута за минутой, час за часом, день за днем... Песочные часы безучастно отсчитывали время. Им неведомы людские страсти и переживания, им безразлично, что каждый их переворот, обозначающий двадцать пять часов очередных прошедших суток, приближает неизбежное.

Я отмечала каждый этот переворот на листе, чтобы не заблудиться в безвременье, не потерять представление о том, сколько дней прошло с той минуты, как я забежала в тайный ход. Здесь все было готово для беглянки, прячущейся от единокровного брата, жаждущего денег и власти... Я знала, никто, кроме мамы, меня не найдет и не выпустит.

А она знала, что, помимо нее, некому позаботиться о ее дочери. И преодолевая страх перед разоблачением и неминуемой смертью, графиня Аленда дас Рези, сильная магичка, скрывающая свой дар ото всех, чтобы ее немедленно не сожгли, зачаровывала и дверь в тайный ход, ведущий из моей комнаты, и то, что хранилось внутри. Стазис-ларь, забитый едой на месяц. Три стазис-бочонка с питьевой водой. Одежда и толстый тюфяк, чтобы не отсырели. Книги, которые не позволили бы мне сойти с ума от одиночества в этом темном замкнутом пространстве. Песочные часы, чтобы они сами переворачивались, ведь я могла заснуть, забыть. Мама продумала всё. Даже закуток, отведенный под отхожее место, был прикрыт чарами. И главное – свет-камень, ровного неяркого сияния которого хватало мне для чтения.

Мама рассказывала мне сказки. Точнее, я думала, что это сказки, лишь пока была крохой. А уже лет с пяти стала осознавать, что это истории о тех государствах, в которых нет запрета на магию. Там живут волшебные народы – эльфы, драконы, оборотни и многие другие. В тех краях магов ждут почет и уважение, а не пытки и мучительная смерть в очищающем огне.

В нашем закрытом королевстве, кроме людей, обитало лишь немного гномов. Да и то, им позволено держать банки и обслуживать купленные у них механизмы, но не торговать своими другими изделиями или добывать руды и камни. А банковская сфера – это да. Наши правители не желали отказываться от преимуществ банковской системы гномов. Так же как и от механических приспособлений, не содержащих ни капли магии.

Другим народам ход к нам, в королевство Дагра, чистое от злокозненной магии, был закрыт. Скорее всего, убить ни эльфа, ни дракона не хватило бы сил, но международный скандал вышел бы знатный. Ведь им запрещено появляться на наших землях. А нас, жителей изолированного государства, никто не выпускал в большой мир. Лишь немногочисленные

проверенные купцы возили товары через перевалы на юге и севере. Ну и, само собой, беспрепятственно проезжали дипломаты и люди короля.

Наше графство располагалось у западных границ Дагры. А тот страшный храм, куда я панически боялась попасть, на севере. Ни за что не пойду в ту сторону. Сестры Неумолимой, как говорят, сразу видят, есть ли в ком-то хоть искра дара. В народе об этой их способности ходили страшные байки. Ведь никто не знал, какими умениями обладают жрицы богини смерти, но боялись их панически. Воображали и домысливали то, что не могли проверить и подтвердить, ведь у страха глаза велики. Ими пугали детей и отчаянно боялись сами. Мол, будешь себя плохо вести, станешь ведьмой (магом), придут за тобой сестры Неумолимой...

Аристократы, те не позволяли себе такого, воспитание не допускало. А вот простой необразованный люд от своей дремучести придумывал всякое. Я, пока росла и играла с детворой замковой прислуги (за неимением других сверстников в своем окружении), чего только не наслушалась. Мама, когда я пересказывала всё это, грустно улыбалась, глядя меня по голове, но не опровергала и не давала своих объяснений.

Я потеряла глаза, уставшие от долгого чтения. Встала, сделала несколько приседаний и наклонов. Мама настрого приказала двигаться, не сидеть, не позволять застояться крови и одеревенеть телу. Обязательно упражняться, как она учила: наклоняться, приседать, прыгать, вращать руками. А больше в этом маленьком помещении заняться все равно было нечем. Восемь шагов в длину, шесть в ширину, сорок ступеней вверх к секретной двери, ведущей в мои покои. Меня мама и переселила-то именно в них, когда случайно наткнулась в архиве на старинный план замка. На новом чертеже, лежавшем в отцовском сейфе, отчего-то этот потайной ход и ведущий из него тоннель отсутствовали. Графиня, обнаружив несоответствие, всё сама проверила, украдкой зачаровала древний механизм открывания двери, прятанной за зеркалом в гардеробной, и после этого во всеуслышание объявила, мол, так как я девочка уже большая, то имею право выбрать себе новые покои вместо маленькой детской возле спальни родителей. А она готова пройтись со мной по всему замку и даст согласие на любое помещение, какое мне приглянется, если только оно не будет располагаться на чердаке или на этаже прислуги.

Надо ли говорить, что я уже знала, какие именно комнаты мне необходимо выбрать? Я и выбрала, послушно разыграв капризы и недовольство всем, что мне настойчиво предлагали, пока не «наткнулась» на нужные. За идущим в обветшалых комнатах ремонтом графиня Альенда

дас Рези бдительно следила, так что тайна осталась никем не раскрытой. Хотя сейчас я уже и не вспомню, как ей удалось сделать так, что секретную дверь за зеркалом не обнаружили. Старинный чертеж мы с ней уничтожили, предварительно выучив назубок, так, чтобы смогли нарисовать по памяти. Да и по тоннелю, ведущему прочь из замка, мы не единожды вместе проходили. Я должна была там хорошо ориентироваться.

Папа над нашими развлечениями с ремонтом давно пустующих покоев и переселением меня в них посмеивался, но не мешал. Хотя не уверена, был ли он в курсе существования потайного хода. Граф очень любил и жену, и дочь. Знал, что его жена сильная магичка, знал и скрывал ото всех. А мне с младенчества приходилось носить блокирующий магические способности амулет, чтобы ненароком себя не выдать. По этой причине я до сих пор не догадываюсь, к чему имею склонность, какой у меня дар и есть ли он вообще. Мама говорила, что наверняка есть, но проверять опасно, могут засечь всплеск силы. Ведь дети совершенно не умеют контролировать себя.

Я могу управлять огнем? Или водой? Возможно, умею летать с ветром наперегонки? Или же я целитель и могла бы спасать людям жизни? Не знаю.

И вот, папы больше нет в живых. Мамы... мамы тоже больше нет.

Напрасно я ждала бесконечные восемь дней, вздрагивая от каждого шороха, порываясь бежать наверх, навстречу ей, идущей за мной.

Не пришла даже попрощаться перед тем, как ее сердце остановится.

И уже никогда не придет... А может, не было у нее и этой недели. Наверное, как она и говорила, Гаспар подстроил всё так, словно она наложила на себя руки от горя или «случайно» упала с лестницы.

Лучше бы она сама уничтожила Гаспара! Ненавижу! Как же я его ненавижу! За годы травли единокровным братом у меня не осталось к нему никаких теплых или родственных чувств. Ведь я говорила маме об этом, рассказывала, как он меня обижает, а она грустно улыбалась, утирала мои слезы, гладила по волосам и отвечала, что поклялась на крови не причинять ему вреда. Давно, тогда, когда мы еще не были для него врагами...

Слез у меня уже не осталось, выплакала. Боли... наверное, ее тоже не осталось. Не знаю. Просто сердце застыло ледяным комком. Я знала, что стану полной сиротой через неделю после того, как умрет мой отец, граф дас Рези. Всё мне было известно, мама готовила меня с детства, чтобы это не стало ударом. Говорила, что их с папой судьбы и души связаны с того

самого момента, как они поженились. Ведь она маг и прошла обряд соединения с супругом... Но одно дело – знать о чем-то. И совсем другое – вдруг потерять всех членов семьи, а вместе с ними и титул, наследство, дом, слуг.

Теперь всё приберет к рукам Гаспар Рези, бастард графа. А ведь у него даже нет приставки к фамилии. Но он единственный прямой потомок отца, кроме меня...

А потому лучше лишиться всего, но жить, чем принять наследство и стать графиней, но очень ненадолго.

Я о многом передумала за этот месяц взаперти. И о прошлом, перебирая каждое светлое воспоминание и нанизывая их на ниточку памяти. И о грустных вещах, пряча их подальше. И о будущем, которое мне предстоит выстроить самой. Надо всего лишь выбраться из замка и уйти далеко. Так далеко, чтобы Гаспар Рези никогда не смог меня найти.

Знаете, что самое страшное для человека? Одиночество. Полная изоляция... Я не сошла с ума в этом своем убежище лишь потому, что твердо верила – это не навсегда. Мне нужно продержаться четыре недели, тридцать два дня, восемьсот часов... А потом уйти по тайному тоннелю, ведущему отсюда на волю, за пределы графского замка, в неприметный овраг в лесной чаще.

За месяц погоня, которую наверняка отправил за сбежавшей сестрой Гаспар, должна продвинуться далеко, проверить все окрестности, перетрясти город и ближайшие деревни. Добраться и до столицы. Ведь куда могла направиться наследница старинного аристократического рода, опасаясь за свою жизнь? Конечно же, к его величеству, искать королевской справедливости.

Время моего заточения приблизилось к завершению. Закончились продукты, строго рассчитанные на конкретный срок пребывания. Остались лишь те, что долго не портятся, и приготовленные специально для путешествия – твердый сыр, вяленое мясо, орехи, сухари. Воды осталось на доньшке одного из бочонков. А потому настала пора собираться в дорогу.

Мужскую одежду мы с мамой купили чуть больше двух месяцев назад, когда ездили в соседний городок за нарядами и шляпками. Среди кучи свертков и коробок сиятельных аристократок легко затерялся неприметный комплект, состоящий из двух скромных удобных брюк, пары серых рубашек, кожаной куртки, свитера крупной вязки из козьего пуха. Такие носили пастухи и наемники, так что никому и в голову бы не пришло

заподозрить, что их владелец богат. Белье, сапоги и ремень тоже взяли мужские, никто не должен догадаться, что я девушка. Мало ли, а вдруг кто-то влезет в мои вещи... И плащ с капюшоном – неперенный атрибут путешественников. Нателный широкий пояс-корсаж, чтобы спрятать под одеждой кое-какие важные бумаги. Простенький недорогой кинжал на всякий случай и пристегивающаяся к поясу фляга для воды. В котомке мелочи, необходимые всем, кто отправляется в дальний путь, сменная одежда и съестные припасы. Вот и всё имущество...

Если я выберусь... *Когда* я выберусь, то куплю нужные вещи подальше отсюда. Мы с мамой всё продумали и обсудили на всякий случай. Ни я, ни она не питали иллюзий о благородстве Гаспара. Надеялись на лучшее, но готовились к худшему.

Она верила в меня, а я, хоть и обмирала от ужаса при мысли, что мне придется одной уходить в неизвестность, не показывала вида, чтобы не расстраивать. Не представляю, как справлюсь, насколько это трудно – передвигаться по стране одной, без охраны, сопровождения и надежного спутника, получится ли... Но выбора у меня нет, а значит, придется бороться за свою жизнь.

Осталось последнее – отрезать волосы. Мою гордость и красу, длинные, тяжелые, каждая толщиной в руку косы цвета пшеницы... Этого я, кажется, страшилась больше всего, откладывала до последнего. Вот и сейчас. Пальцы, сжимающие кинжал, занесенный над одной из них, дрожали. Невыносимо сделать всего одно движение и лишиться этого богатства.

Смалодушничала, честно признаюсь. Не стала я отрезать волосы так, как велела мама, до самых мочек ушей. Просто не смогла. Зажмурилась и чиркнула чуть ниже плеча. Все равно не видно станет, какой они длины, а я хотя бы в глубине души буду знать, что не острижена как мальчишка-простолудин.

Золотая толстая коса с шорохом сползла на пол, и я поспешила избавиться от второй, пока не накрыла новая волна отчаяния. Хотя что уж теперь... Потеряв всё, по прическе не плачут. Да и мама обещала, что всё наладится со временем, а волосы отрастут, когда я смогу разблокировать свой магический дар и потоки силы начнут свободное движение в теле и ауре. При условии, что он есть у меня, этот дар. Ну а если нет, то спустя время всё наладится и красота вернется естественным путем.

Остаток последнего дня в потайной комнате я потратила на то, чтобы полностью скрыть следы своего присутствия. Наполнила остатками воды из бочонка дорожную флягу. Переложила подходящие продукты в котомку.

Все несъеденное, но то, что брать в дорогу нельзя, бросила в лохань, заменявшую мне отхожее место. Туда же ушли и косы, на которые я долго смотрела, прощаясь с прошлой жизнью, а потом все же позволила им выскользнуть из моих пальцев. Их зеленый всполох магического огня пожрал быстро и довольно. Не зря, похоже, мама утверждала, что в волосах особая сила.

Как она рассказывала в своих сказках, в далеких краях живут ведьмы, они никогда не стригутся. Мол, вся сила у них скапливается в волосах. Возможно. Я не ведьма, а, вероятнее всего, магичка, пусть и с неизвестным и нераскрытым даром. Мне, наверное, можно. Хотя опять же, по словам мамы, древние магические народы, к примеру эльфы или драконы, тоже растят косы, даже мужчины, подумать только. Но почему, не объяснила.

Вслед за остатками пищи и мелким мусором в магический огонь ушли исписанный и изрисованный блокнот и простенькие, купленные в городе романчики и сказки на дешевой серой бумаге и без картинок. С тех пор как около сорока лет назад гномы, не обладающие магией, но являющиеся талантливыми механиками, изобрели печатные станки, книги перестали быть роскошью, доступной лишь богатеям. Теперь их печатали и для прочих сословий. И даже у нас, не принимающих магию ни в каком виде, изобретение гномов прижилось. И вот такие дешевенькие книжонки низкого качества не жалко уничтожить. Оставлять нельзя, никто не должен догадаться, что именно я тут пряталась, а тащить с собой лишний груз неразумно, ведь мне предстоит передвигаться пешком. В ту же заколдованную лохань отправились порезанные на куски платье, сорочка, белье и туфельки. Я же полностью переделалась в мужскую одежду.

Вроде всё.

Я обошла со свет-камнем в руках всё помещение. Проверила каждый угол. Убедилась, что не осталось ничего, кроме тюфяка и одеял, а также ларя и бочонков. Последние спустя несколько часов распадутся трухой, лишившись стазис-чар. Постельные принадлежности мама сказала тоже не уничтожать, так как они зачарованы и совсем скоро истлеют и превратятся в пыль. Песочные часы уже начали осыпаться кучкой мелкого мусора. А лохань, служившая мне ночным горшком и местом уничтожения всего ненужного, сама себя сожжет в тот момент, когда спадут и все прочие заклинания.

Где же графиня Альянда дас Рези научилась всему этому?! Где?! Как она смогла зачаровать столько предметов такими разными заклинаниями и при этом не всколыхнуть пространство, раз сестры Неумолимой ничего не почувствовали?

Она так и не рассказала. Обещала, что позднее, когда я стану взрослой, непременно всё узнаю, но...

Куртку и плащ я надела на себя, чтобы меньше нести в руках. Спрятала подальше кошелёк с мелкими монетами на первое время (несколько золотых зашито в подкладку плаща и куртки, в ремень и разложено под стельками сапог), прицепила к поясу флягу и кинжал. Наконец подхватила котомку и обвела последним взглядом мрачные темные стены подземного помещения отцовского замка.

Прощайте, мама и папа. Пусть богиня будет милосердна, позволит вам встретиться и после смерти, ведь вы так любили друг друга.

Прощай и ты, мой единокровный брат, мой враг. Тот, кто убил мою маму, своими ли, чужими ли руками. Она предвидела это. Если бы не внезапная смерть, то ничто не помешало бы ей зайти ко мне, чтобы освободить или попрощаться, в зависимости от обстановки в замке.

Повинуясь какому-то внезапному импульсу, порыву души или интуиции, уж не знаю, я уколола мизинец, наклонилась и мазнула каплей крови по стене у самого пола, там, где это будет незаметно.

– Прощай, милый дом. Я твоя последняя законная хозяйка. А Гаспар... Что ж, если он будет хорошим правителем для своего народа, то так тому и быть. Но если нет, если он примется проигрывать в карты и пропивать то, что веками копили и возводили наши предки, устроит тут притон для своих разнузданных приятелей, начнет притеснять людей... Отомсти ему за меня и за мою маму. Пусть родные стены станут ему могилой. А ты не пропадешь. Его величество найдет тебе новых хозяев. У папы есть какая-то очень дальняя родня, которую он никогда не видел, лишь слышал о ней. Пусть лучше они, чем Гаспар. А я не вернусь.

Под моими пальцами чуть дрогнул камень. А может, мне показалось. Я так эмоционально устала за эти дни, что порой теряла связь с реальностью.

Наверное, все же примерещилось. Землетрясений в наших краях не бывает.

Глава 2

Свет-камень занял свое место в чехле, не пропускающем ни отблеска наружу, лишь в специально приоткрытое отверстие. Так можно направлять луч под ноги, чтобы не свернуть себе шею, но при этом его не видно издалека.

По тоннелю я шла долго, намного дольше, чем когда мы ходили тут вдвоем с мамой. Или мне так показалось, потому что я постоянно замирала и прислушивалась к шорохам и звукам? Мало ли, вдруг Гаспар пронюхал про этот ход?

Но нет, дошла до выхода наружу и никого не встретила. Буду надеяться на то, что и там никого не окажется.

Последнее, но главное, что я должна была сделать, но откладывала до последнего. То, что должно спрятать меня ото всех, кто знает и видел наследницу графа дас Рези... Надеть амулет личины. Самый мощный и лучший. Из тех, что изменяют не только облик, но и запах, и даже ауру. И предположить не берусь, где и как мама сумела его достать. Я сама узнала о его существовании (и о том, что подобные штуки вообще бывают) лишь в тот момент, когда она надела мне на шею скромный на вид серебряный кулон с потускневшей от времени бирюзой. Неприметное дешевое украшение, какие могут позволить себе даже зажиточные селянки.

И тем сильнее было мое удивление, когда она рассказала, что это за амулет, как его активировать кровью, как он действует, и то, что с того момента он будет невидим для всех, кроме меня. Так можно не бояться, что кто-то позарится на подвеску и попытается с меня ее сорвать.

Теперь из подземного хода выйдет наружу не красавица Рэмина дас Рези, а чуть нескладный мальчишка-подросток. Я довольно высокая для женщины, как и мама, так что в личине мой рост останется неизменным, для парня это нормально. И даже на ощупь я буду пацаном. Потому и подштанники мужские приобретали, что мне не понадобится женское белье.

Активировав амулет, меняющий облик, я оглядела свое тело, прислушиваясь к ощущениям. Занятно...

Дверь послушно скользнула в сторону, как только я прикоснулась пораненным мизинцем к нужному камню. Мама его зачаровала на мою кровь. Скоро и это заклятие исчезнет, и тогда ни одного следа не останется

ни от меня, ни от магии. Обычный, давно забытый и заброшенный старый тоннель, ведущий в графский замок.

Затянув ту же мешочек со свет-камнем, чтобы не привлечь ненужного внимания, я замерла на пороге. А когда спустя несколько минут, в течение которых я тщательно вглядывалась в темноту и прислушивалась, все же вышла наружу, то голова закружилась от свежего воздуха. Ох... Я и не предполагала, что *там* было так душно. Запахи леса, окончательно проснувшегося после зимней спячки и налившегося весенними соками, обрушились лавиной, заставляя ненадолго потеряться.

Я задышала часто, как собачка, чтобы не стошнило, ведь даже такие вот неделикатные вещи многое скажут опытным людям. Нельзя допустить. А ходить так, чтобы не шуметь и не оставлять за собой следов, я умею. Папа был любителем охоты и часто брал нас с мамой. Оружием я не владею, нет, но превосходно езжу верхом и умею ориентироваться и передвигаться в лесу.

Придя в себя, снова огляделась. Местность я по маминому настоянию изучила заранее, куда идти, хорошо представляла. Сначала по дну длинного оврага, подняться наверх в том месте, где корни старого толстого дуба торчат наружу бугристыми темными узлами, а дальше, ориентируясь на расположение ночного светила, идти в сторону северной границы нашего графства.

А оставив за спиной родные земли, обогнуть их по дуге уже во владениях нашего ближайшего соседа, престарелого барона Женри, и двигаться на юг через всю страну. Там располагается один из двух перевалов, ведущих на территории, оскверненные магами и их чародейством. Страны, в которых сестры Неумолимой не имеют силы и власти. Где живут не только люди.

Шла я до самого рассвета, благо сияния луны хватало, а отцовские земли я знала как свои пять пальцев. И лишь когда вошло солнце, отыскала укромное местечко и спряталась, чтобы дать отдохнуть гудевшим от усталости ногам и поспать. Опасно пока сталкиваться с людьми, так что ближайшие несколько суток я буду вести ночной образ жизни.

Хорошо, что весна уже на исходе, земля пусть и не прогрета, но всё же не осталось ни снега, ни ледяных луж, ни слякоти. За тот месяц, что я сидела взаперти в подземелье родного замка, природа полностью проснулась. Деревья и кусты украсили свои голые ветки листочками, а нежная зеленая травка покрыла землю. Случись мой побег зимой, я бы не выжила, замерзла где-нибудь в лесной чаще.

С наступлением темноты вновь двинулась в путь. Припасы у меня

пока имелись, флягу наполняла в ручейках и родниках, в них же умывалась.

И так ночь за ночью, механически переставляя ноги и уходя всё дальше. Сначала по графству дас Рези, а после, перешагнув условную границу между двумя владениями, по землям барона Женри́. Но вот и они остались за спиной. Старенький аристократ не так хорошо следил за своей территорией, как мой отец, но все же хищников в его лесах не было, а грабителей и лиходеев, если они и завелись (хотя аристократы старались этого не допускать), мне повезло не встретить. Селения и деревни я старательно обходила стороной, опасаясь нарваться на погоню, которую Гаспар наверняка отправил за мной. Так и шла в темноте, освещая себе путь под ногами лучом свет-камня, чтобы не споткнуться и не угодить в яму или овраг. Погода благоволила, небо оставалось чистым, и луна была моим единственным спутником в эти долгие ночи. А с наступлением рассвета я пряталась и проваливалась в тяжелый беспокойный сон.

Один раз едва не столкнулась с охотниками. Думала, заметят меня, но повезло, что у них не было собак. От животных так легко не скроешься... И все равно, забившись, словно дикий зверь, в корни поваленного непогодой старого дерева, я обмирала от страха, что меня обнаружат, вслушиваясь в лошадиное ржание и стук копыт, в веселые мужские и женские голоса, перекидывающиеся репликами. Судя по поведению, их не особо интересовала добыча, скорее это был повод прогуляться верхом, покрасоваться друг перед другом, а потом устроить пикник. Забавы аристократов... Мы с мамой и сами точно так же выезжали якобы на охоту.

Четких границ между владениями высоких лордов королевства Дагра не было, поэтому я плохо представляла, на чьих территориях нахожусь в данный момент. Уверена в одном, двигаюсь я в нужном направлении, а родной дом остался далеко позади.

Припасов, взятых из стазис-лара, хватило на десять дней. Я и так растягивала их как могла, стараясь довольствоваться малым.

Но все же пора было выйти к людям, чтобы купить еды в дальнейшую дорогу. Решила сделать это тайком, не привлекая внимания. Когда закончились последние крохи в котомке, свернула к первому же селению, встретившемуся на пути. Дождавшись, пока сядет солнце, я постучалась в стоящий в отдалении от других, более благополучных строений, старенький домик с покосившимся забором.

– Кого там нелегкая принесла на ночь глядя? – спросил старческий голос из-за двери.

– Пусть благословит Неумолимая ваш дом, хозяйка, – тихо ответила я. – Путник я. Не продадите немного еды?

– Экий ты смешной, путник, – дребезжаще рассмеялась сторбленная старуха, открывшая мне дверь. – Была бы у меня самой еда, и то бы не продала.

– А может, подскажите, у кого бы мне купить немного хлеба и сыра?

– Да на порог тебя никто не пустит, милоч, – окинув изучающим взором, она скрюченными пальцами ухватила меня за рукав и втащила внутрь. – Ночь плохое время. Ни один человек с тобой и говорить не станет, собак только спустят.

– И что же мне делать? – понурилась я.

То, что ночь – плохое время, все знали. Часы, когда приличным людям надлежит сидеть по домам. Лишь душегубы и отчаянные (вроде меня) путешествовали под светом луны. И не то чтобы это было чем-то чревато, но людские страхи сильнее доводов разума. И хотя в Дагре не водилось ни нечисти, ни нежити, народ боялся времени Неумолимой.

– Пару морковок я тебе дам, спать можешь лечь вон в том углу, – ткнула она куда-то в глубь комнаты. – А как солнце взойдет, поговорим.

– А вы... не боитесь меня пускать, хозяйка? – растерянно спросила я.

Странно всё же. Пусть облик, навешенный амулетом личины, у меня безобидный – худой мальчишка лет четырнадцати на вид, с довольно симпатичной рожицей, лохматыми темными волосами и карими глазами, но все-таки...

– Да это ты, малец, бояться должен, – рассыпался горохом ее сухой смех. – У меня-то брать нечего, ни денег, ни вещей нормальных нет, дом разваливается, да и годы мои – не твоим чета. Я уже одной ногой на пороге владений Неумолимой. Так что ложись спать, сирота. Утро вечера мудренее.

– Но я... Откуда вы?..

– Были б у тебя родители, не позволили бы малолетке шататься одному в чужих землях, да еще по ночам.

Поняв, что ничего не понимаю, и боясь сказать лишнее, я молча поклонилась доброй женщине так, как это принято у селян. Она хмыкнула чему-то своему, выудила откуда-то две дряблые морковки и сунула их мне в руки.

– Мытые.

И ничего больше не добавив, отвернулась и поковыляла в сторону печки, белевшей слева от входа.

– Звать тебя как, путник? – донесся из темноты вопрос.

– Рэм.

– Стало быть, из благородных... – сделала она свой вывод. – Жуй

быстрее, Рэм, да ложись в углу спать. Ночь – время Неумолимой, не будем ее гневить.

Я поежилась, но отвечать не стала. Прошмыгнула в указанный угол, ступая по скрипучим рассохшимся половицам, быстро сжевала нехитрый ужин и, закутавшись в плащ, затихла. Весь световой день я пряталась на окраине леса от селян, которым вздумалось бы пойти за хворостом или поставленные силки проверить, и потому не спала, лишь изредка проваливалась в тревожную дрему. Так что сейчас усталость навалилась свинцовой плитой, и я заснула, кажется, едва моя голова коснулась котомки, служившей мне в пути подушкой.

А проснулась от кашля хозяйки дома и звуков, которые она издавала, занимаясь делами. Высунув голову из-под плаща, я сонно заморгала.

– Вставай, Рэм. Разговаривать будем. Умыться можешь там, – не поднимая глаз от маленькой кучки крупы, которую перебирала на столе, ткнула в сторону печки хозяйка. – И пару картофелин можешь взять.

Я молчком поднялась, проскользнула, куда велено, и поплескала в лицо холодной воды из деревянной старой бадейки. Утерлась рукавом и, взяв две из четырех отварных картошин, лежащих на скособоченном низком шкафчике в углу, вернулась к старухе.

– Ешь, пока теплые. Потом расскажешь, куда путь держишь, – все так же, не отвлекаясь от своего занятия, буркнула она.

Странная все же селянка. Или они все такие?

Ела я, украдкой осматриваясь. Дом действительно настолько ветхий, что кажется, рассыплется от сильного ветра. Из обстановки – печь, рассохшийся шкафчик для кухонной утвари, потемневший от времени стол с щербинами да две скамьи, на одной из которых сидела я. На двух крохотных оконцах застиранные до неопознаваемости тряпки, заменяющие шторы. Рядом с углом, где я спала, перекошенное кресло-качалка, выглядящее тут чуждым и инородным.

На хозяйку дома я старалась не смотреть, чтобы не смущать ее разглядыванием. Не всем нравится пристальное внимание, а она была ко мне добра. Но я успела оценить, что хоть и одета она практически в тряпье, но тряпье это чистое и аккуратно заштопанное, а ее седые волосы тщательно причесаны (ни прядки не выбивается) и прикрыты косынкой.

Сама не заметив как, я доела завтрак и озадаченно обнаружила, что чуть не укусила себя за палец. Плохо. Рассеянность я себе позволить не могу.

– Где твой музыкальный инструмент, Рэм? – неожиданно нарушила

тишину пожилая женщина.

– Что? Почему вы?..

– Ты же странствующий менестрель, да? Идешь мир повидать, Дагру всю насквозь решил пройти, коли своего дома нет. А благородное сословие своих детей музыкальным премудростям сызмальства обучает. Так где же твой музыкальный инструмент?

– А-а... он...

– Стало быть, лиходеи сироту обидели. Понятно. Разбили они твою... гитару... – мазнула она взглядом по моим пальцам, и я невольно их нервно сжала. – И ты собираешься пока просто петь, чтобы заработать монет на новую. Для менестреля ведь его инструмент – первый кормилец. Так?

– Д-да.

– Лиходеев было трое. Один косой на правый глаз. Второй – с рябой рожей. А третий – с выбитыми передними зубами. Так?

– Д-да...

Я окончательно потерялась в происходящем, но чувствовала, что мне хотят помочь. Пусть не едой или деньгами, но мудрым советом и легендой.

– Вот и попросишься, значит, в компанию к кузнецу нашему. Он через часок поедет в город за покупками. Пообещаешь, что скрасишь путь ему песнями да разговорами. Так?

– Да, – медленно кивнула я.

– Правильно ты решил, путник. Негоже малолетнему сироте шататься по дорогам. А из новостей сам мне что расскажешь? Ничего? Ну тогда я тебе... Севернее наших земель лежит графство, так там ох и много всего произошло. Старый лорд дас Рези скончался от болезни. Вдова его руки на себя наложила в тот же день, горевала сильно. А новый владелец дас Рези, бастард который, лютовал последний месяц. Говорят, сестра его единокровная пропала. Точнее, отыскивали уже ее тело, обглоданное волками. И откуда только взялись-то? Чудеса прямо. Сбежала молоденькая дурёха из дому и померла смертью страшной. Одни косточки только и нашли да обрывки платья, по нему и опознали останки.

Я затаила дыхание, боясь выдать себя хоть чем-то. Мама... Моя дорогая мамочка... Все же убил ее Гаспар.

– Бастард-то титул принял, коли он единственным графским потомком остался. Даже королевские дознаватели подтвердили смерть юной графинечки. А стало быть, и некому больше наследовать земли дас Рези.

– Я... не проходил по тем местам. А что еще нового? – тихо проговорила я, не поднимая глаз. Уставилась в столешницу, будто ничего интереснее не видела никогда в жизни.

– А более ничего, милоч. Ничего, что могло бы быть любопытно маленькому менестрелю. Все прочие лорды ничем интересным не отличились. Всё по-старому. А ты лучше за собой следи, всё ж мужик, хоть и недоросль, а повадки чисто у девицы на выданье.

Я вздрогнула всем телом и испуганно вскинулась.

– Вспоминай-ка, менестрель, как вели себя отцовские друзья и гости сиятельные, да подражай. Коли уж ты из благородных дворян, пусть и безземельных и обнищавших, то не хорохорься сильно, на рожон не лезь, – всё же ребенок ты еще, к тому же без защиты рода, – но и не пытайся выглядеть как простолюдин. Все равно не выйдет.

– Я...

– Менестрелей народ любит. И накормят в благодарность за песни и музыку, и угол выделяют для ночлега. А уж в трактирах да тавернах и заплатят, коли угодишь. А благородные, пусть и нищие, стихам обучены и грамоте, мелодии знают красивые, не чета нам, простым людям. Всё понял?

В меня вперился пристальный тяжелый взгляд.

– Всё! Спасибо, хозяйка.

– Вот и славно, путник Рэм. А фамилия-то твоя какая? Не Дирсаез, случаем?

Я помедлила. Дирсаез – это явная анаграмма от дас Рези. Но я не хочу, чтобы хоть малейший след вел к моему родовому имени. Вдруг умный кто да догадливый встретится на пути.

– Нет, – решительно отказалась я. – Ура́гус. Но менестрелям ведь ни к чему использовать родовое имя.

– Хорошая у тебя фамилия, – без тени улыбки кивнула загадочная старуха. – Мне всегда нравились эти птички. Голосок у них звонкий, перышки розовые, красивые. А сейчас ступай. Тебе еще с кузнецом договориться нужно, чтобы подвез до города.

– Благодарю вас за гостеприимство, хозяйка, – выскользнула я из-за стола. – Вот...

– Ничего не надо, – отрицательно качнула она головой, увидев, что я потянулась к карману. Хотела ей монетку оставить за еду и ночлег. – Мой срок пришел, и двух недель не протяну. Небось, Неумолимая зачтет мне добрый поступок. Ступай, юный менестрель Рэм. И да хранят тебя все боги, а не только суровая Неумолимая.

Я снова вздрогнула, так как в нашем королевстве любая вера и любое упоминание иных богов, кроме Неумолимой, каралось немедленной смертью. Многие знали, что существует целый пантеон, но подробностей

не ведали и детям об этом старались даже шепотом не говорить. Маленькие они, сболтнут, и вся семья на казнь отправится.

Да кто же эта женщина, приютившая меня?! Не верю, что простая необразованная селянка.

Я сделала два шага к двери, но была остановлена последним напутствием:

– Ты, менестрель, скорбь-то свою спрячь. Улыбайся на людях, а горевать будешь, когда тебя никто не видит. Улыбайся, песни пой веселые. Народу хочется радости, тогда и платить хорошо станут. Чужое горе редко кого трогает, у самих бед немало. А вот тех, кто поможет развеять тоску и печаль, снимет тяжесть с сердца песней задорной али музыкой плясовой, ценят и любят. Так что – улыбайся, как бы ни было плохо.

– Благодарю за кров, еду и напутствие, хозяйка, – снова поклонилась я. Но уже так, как лорды склоняются перед леди. Не проста эта женщина, ох и не проста.

Она отмахнулась и вернулась к своему занятию, выискивая в крупе соринки и откладывая их в сторону.

А я вышла из дома, постояла осматриваясь. Рассвело недавно, роса еще не просохла на траве, и было зябко. Закутавшись в плащ, я сначала хотела сгорбиться, чтобы стать меньше и незаметнее, но потом, прокрутив в голове все услышанные только что советы, выпрямила спину и подняла подбородок.

Пусть я для всех теперь буду менестрель, мальчишка-сирота, но из «благородных», а значит, не пристало мне сутулиться и стыдиться себя. К тому же я все равно не смогу вести себя как простолюдин, старуха права. Выдам происхождение неизбежно, ведь манеры и этикет в меня закладывали с рождения. Просто сейчас мне нужно сделать поправку на то, что я временно – мальчишка.

И улыбаться! Ну что ж, я стану улыбаться. Мои боль и горе спрятаны в сердце и душе. Когда-нибудь станет легче, и я смогу веселиться и смеяться по-настоящему, а не потому, что играю роль. А пока я буду выглядеть радостной и беззаботной, раз так надо, чтобы выжить.

И выживу, назло Гаспару и его дружкам. Выживу, уйду далеко, туда, где он меня никогда не найдет. И начну всё с чистого листа.

Из кузни, располагавшейся на другом конце небогатого селения, шел черный дымок и доносился металлический стук. Кузнец или его помощник уже занимались делами. Вот туда я и направилась.

Заглянув во двор, обнаружила телегу, запряженную флегматичной

крепкой кобылой. Из-за дома доносились два голоса: хриплый мужской, отдающий указания, и ломающийся мальчишеский. Вероятно, кузнец оставлял распоряжения подмастерью на время своего отсутствия.

Глава 3

– Эй! Хозяева! – крикнула я, стоя у калитки.

– Ну? – шагнул из-за угла здоровенный лысый мужик с суровым лицом. – Кто таков? Чего надобно?

– Менестрель я, хозяин, – улыбнулась я, втягиваясь в роль. – Мне одна птичка весть принесла на хвосте, что вы в город собрались. Не возьмете попутчика? Денег нет, – развела руками, – но оплатить дорогу смогу песнями да сказками.

– Кажется, той птичке пора хвост ощипать, – прищурившись, осмотрел меня кузнец. – Плащ распахни!

Я послушно откинула за спину полы плаща, позволяя осмотреть свой скромный наряд и невзрачный кинжал на поясе.

– Из благородных, что ли? – сделал свои выводы мой собеседник.

Непонятно, с чего такой вывод, но интересоваться я не стала.

Тут из-за дома высунулся примерно мой ровесник (в нынешнем обличье) с конопатой физиономией, встрепанной шевелюрой и блестящими от любопытства глазами.

– Из них, – продолжая улыбаться, призналась я. – Да только не всем благородным везет спать на перинах и есть с золотых тарелок.

– Сирота? – кивнув своим мыслям, спросил кузнец и, не глядя, отвесил легкий подзатыльник слишком высунувшемуся подмастерью.

– Ой! Дядька Жух! – воскликнул пацан, подмигнул мне и спрятался.

– Сирота, – подтвердила я, перестав улыбаться.

– А играешь на чем? Не вижу что-то у тебя струмента.

– А *инструмент*, – ненавязчиво исправила я, – разбили. Лиходеи... Сам-то я сбежать успел, а вот гитару мою растоптали. Один кривой такой, а у второго рожа рябая совсем.

– Садись в телегу, сейчас выезжаем, – указав мне подбородком направление, скомандовал он. – Мотька! Уши оборву, если к моему возвращению не сделаешь, что велено, – заглянув за угол, рявкнул он.

Конопатый Мотька звонко заверил, что всё исполнит.

А как только кузнец направился к телеге, на которую я уже взгромоздилась, пока он не передумал, пацан снова высунулся и, весело скалясь, второй раз подмигнул мне. Смешной. Я спрятала ответную улыбку, чтобы не выдать его.

Мы выехали со двора и неторопливо двинулись сначала по селению, а потом и за него выбрались.

– Есть хочешь? – только тогда заговорил невозмутимо правящий лошадкой мужик.

– Не откажусь. А вы что послушать хотите? Сказки или спеть вам что-нибудь?

– Спеть я и сам могу, – фыркнул он, не глядя на меня. – В корзине возьми пирожок из тех, что в синей тряпице, эти с яблоками. А как съешь, сказки будешь мне сказывать, менестрель. Ехать нам долго, а заночуем в лесу.

– О... – озадаченно протянула я, пытаюсь сообразить, а куда я еду-то? Понятно, что в город, но в какой?

– Что, птичка забыла прочирикать, куда я путь держу? – беззлобно хмыкнул кузнец, поняв мое замешательство.

– Забыла, – честно призналась я.

– Птички, они все такие... На хвосте новость принесут, толком не зная, что к чему.

Дядька Жух, как он велел себя называть, оказался вовсе не таким грозным и сердитым, как выглядел. Беззлобный, даже благодушный по-своему, хотя и себе на уме. Меня он ни о чем не расспрашивал, в личную жизнь не лез, именем только поинтересовался. Слушал сказки, коих я знала великое множество, отмахивался от моих предложений спеть, заявив, что песни «благородных» ему не нравятся. А народных я, поди, еще и не знаю, больно уж зеленый и дохлый. Сразу видно, недавно на путь менестреля встал.

Я же воспользовалась случаем и попросила научить меня этим самым народным песням. Даже вынула из котомки обычную дешевую тетрадь, купленную еще с мамой, давно, и карандаш. Записывала слова под диктовку и разучивала нехитрые мелодии.

Скрывать, что я обучена грамоте, теперь не нужно, раз уж я «из благородных».

В обед мне был выдан еще один пирожок, но уже с капустой, кусок сыра, луковица и два ломтика сала. Лук мне ранее есть сырым не доводилось, впрочем, как и сало, так что я приступила к трапезе с некоторой опаской. А дядька Жух посмеивался, глядя на мои гримасы и катящиеся градом слезы.

– Что, не приучен ты к лучку-то? – хохотнул он. – А надо бы. Он всю заразу убивает, так что ешь его чаще, пацан, если не хочешь животом и

хворями маяться.

– Постараюсь, – выдавила я из себя, шмыгая носом и стараясь не дышать.

Какой ужас! Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть есть лук вот так, словно яблоко? А ведь мой кормилец даже не жмурится, хрустит как ни в чем не бывало...

Меня и ужином накормил сердобольный попутчик. Не изысканным, само собой, но сытным – толстый ломоть ветчины, ароматный свежий хлеб, всё тот же сыр и на сладкое еще один яблочный пирожок. Ни разу я еще так плотно не ела в пути. А ночевали мы в телеге, съехав с дороги чуть в сторону. Даже костер разводить не стали, только закутались каждый в свой плащ, прячась от ночной прохлады.

К обеду следующего дня мы прибыли на место. Моя тетрадка была основательно исписана текстами песенок, а голова пухла от множества мелодий, но я была безмерно признательна кузнецу.

– Спасибо, дядька Жух, – поблагодарила я, спрыгнув с телеги, когда мы въехали во двор постоялого двора неподалеку от городских ворот.

– Ну бывай, Рэм, – добродушно потрепал он меня по голове. – Пусть хранит тебя Неумолимая. Пока не стемнело, загляни в центре города в трактиры попрличнее и попросись, чтобы пустили вечером выступить. Вид у тебя порядочный, так что не должны отказать. И покупай себе новый струмент.

Я не стала его исправлять, а вот то, что мне позарез нужно купить инструмент, тут кузнец прав. И, пожалуй, имеет смысл сделать это до того, как я начну просить трактирщиков пустить меня выступить в их заведениях. С чего-то нужно начинать новую жизнь.

В этом городе я ни разу не бывала, а потому найти лавку, торгующую инструментами, удалось лишь через пару часов. Там долго осматривалась, приценивалась... Приобретать дорогую гитару – неразумно. Во-первых, не стоит вводить в искушение лихих людей, во-вторых, ну откуда у малолетнего странствующего сироты деньги на дорогой инструмент?

А потому, приняв решение, я попросила хозяина лавки подобрать мне гитару дешевую, неприметную, безо всяких украшений, позолоты или инкрустации. Главное, чтобы играла чисто.

– Новых таких нет, – спокойно ответил мне худощавый мужчина средних лет, оценив мой вид и платежеспособность.

– А не новых? – правильно поняла я его слова. – Мне ведь главное, чтобы играть на ней можно было.

Прикинув что-то, он вышел в подсобное помещение и вернулся с двумя гитарами. Одна явно новее и приличнее на вид, вторая – старенькая, поцарапанная.

– Выбирай, – насмешливо хмыкнув, выложил их передо мной хозяин лавки.

– А цена? – не торопясь приступить к осмотру, поинтересовалась я.

Как и следовало ожидать, та, что была поцарапанной, стоила дешевле и мне вполне по карману. Ну, то есть не мне, а мальчишке-менестрелю.

Проверив обе, я с удивлением поняла, что, несмотря на неказистый вид, именно обшарпанная звучит чище. Только струны заменить, да и то не сразу, еще и эти послужат какое-то время. Разумеется, именно эту гитару я и взяла, отсчитав нужное количество монеток.

Вот теперь нужно искать место и для выступления, и для ночлега.

С этим оказалось не так-то просто. Из четырех трактиров меня выгнали, даже не пожелав разговаривать. В пятом выслушали, выступить позволили, а вот кормить и предоставить хотя бы угол для ночлега отказались. Мол, что заплатят мне посетители, если им понравится, то и мое.

И лишь когда я отошла подальше от центра города, в шестом по счету месте, мне повезло. Этим трактиром владела крупная, мужиковатого вида женщина, с замашками бывалого гвардейца. Она меня не только выслушала, но и согласилась допустить к посетителям. Не иначе – пожалела усталого ребенка.

– Спать можешь в чулане под лестницей, там всё равно кроме хлама ничего нет. Наверх – не подниматься, там комнаты сдаются. Напьешься – выгону взащей.

– Да я вообще не пью!

– Выступать весь вечер, до последнего посетителя. Хочешь – брякай на этой своей развалюхе, – кивнула она на гитару, – хочешь – пой, хочешь – сказания сказывай. Что заработаешь, всё твое. Хоть монеты, хоть угощение.

– А вам что с меня причитается, госпожа Мúна? – деловито уточнила я и улыбнулась. Мне же нужно располагать к себе людей, я помню.

– А мне с тебя причитается то, что людям должно прийти по душе твое выступление, чтобы захотели посидеть подольше, заказать побольше. Да еще и на следующий день пришли тебя послушать. Понял? А если и мне понравится, как ты себя покажешь, то кормить буду и позволю неделю отработать тут.

– По рукам!

Женщина, нахмурившись, оглядела меня и выдала:

– Не так быстро. Чтобы до вечера привел себя в порядок. Общественная баня на соседней улице есть. Иди помойся, а то от тебя воняет. Да и одежду смени, если есть запасная. А нет – так эту почисть. У меня приличное заведение.

Я сжала зубы, чтобы не сказать в ответ резкость, уж больно оскорбительно звучали ее слова. Но сдержалась, признавая ее правоту. После скитаний по лесу, ночевок в ужасных условиях и умываний из ручьев... Права она, хоть и грустно мне это.

– Не успел, госпожа Муна. Только пару часов как приехал, – извиняясь за свой плачевный вид, повинулась я.

Она кивнула, махнула рукой в сторону выхода и отправилась на кухню, дав понять, что разговор окончен.

На соседней улице, как и сказала трактирщица, действительно обнаружилась общественная баня. Причем, учитывая расположение, вполне приличная. Понятно, что дворяне и зажиточные купцы ею не пользовались, но и бродяг и всякого сброда не было. Как понимаю, основная публика – торговцы, мастера и прочий простой, но честный люд. То, что нужно в моих условиях.

Небольшая заминка всё же произошла, когда меня скептически оглядел дедок, берущий плату и выдающий при необходимости банные принадлежности.

– Чего тебе, пацан? – поджал он губы, оценив мой запачканный плащ и пыльные сапоги.

– А ты как думаешь, дедушка? – играя роль веселого менестреля, улыбнулась я.

– Что я думаю, тебе знать не надобно, – прищурился он, сделав свои выводы о моей платежеспособности, и успокоился. – Мыло и полотенце надо или свои принес? Прачкам будешь чего оставлять?

– Надо и буду. Белье, штаны и рубашку надо выстирать. К завтрашнему утру всё будет готово?

– Само собой.

– Отлично. Сколько с меня? Только по-честному, дедушка. Я же всего лишь менестрель, много с меня не требуй.

– Прыткий какой, – хитро усмехнулся он, но цену назвал разумную.

А когда я отсыпала нужное количество медяков, кряхтя встал и достал со стеллажа банный комплект – баночку с жидким мылом, лоскут жесткой ткани и простыню, заменяющую полотенце. А я, пользуясь случаем, еще и щетку выпросила, чтобы привести в порядок плащ. Оставлять его прачкам

нельзя, там в подкладке золотые зашиты.

– Вещи в шкафчик спрячь, ключ держи.

– А не сопрут? – забеспокоилась я. Мне ни разу не выпадало случая бывать в общественных банях, так что опасения мои были вполне оправданны.

– Не бойсь, пацан. У нас заведение чистое, шваль не пускаем. Да и нет пока никого, ты единственный посетитель сейчас. А вот к вечеру набьется народ.

И только тут я осознала, что мыться мне придется в мужском зале. Я ведь сейчас мальчишка. У меня аж кровь от лица отхлынула, когда я это поняла.

– Эй, ты чего, парень? Болезный, что ли? – замер банщик, взглядевшись в меня.

– Устал просто, дедушка, – мотнула я головой. – Больше недели нормально не спал, все в пути да в пути. Сам понимаешь, менестреля ж не только талант кормит, но и ноги.

– Хлипкий ты больно, – прошамкал он. – Давай свою гитару, покараулю, чтоб не уронил кто, ежели придут, пока ты моешься.

Спорить я не стала. За музыкальный инструмент и правда волновалась. Денег у меня немного, что ждет впереди, неизвестно, а выступать нужно уже сегодня.

Шкафчиком для хранения вещей я, конечно, воспользовалась, намотав потом веревочку, на которой висел ключ, на руку. Было бы странно, если бы я понесла котомку и плащ в зал для мытья. Но все время, пока отмывалась после путешествия, дергалась и поглядывала на дверь. И даже не знаю, чего я боялась больше: что меня ограбят или что сейчас сюда войдут голые мужчины, чтобы тоже помыться.

Уходя, оставила прачкам свои грязные вещи, а заодно ненавязчиво выяснила, в какое время тут пусто. Потому что мыться-то мне нужно регулярно, но я сильно сомневаюсь в своей выдержке, если окажусь в окружении толпы раздетых мужчин в одном общем банном зале. Как-то мы с мамой этот момент не продумали.

Воспоминание о родных больно резануло по сердцу, но я не могла допустить, чтобы это отра-зилось на лице.

Улыбайся, Рэмина. Улыбайся. Ты больше не графиня, а бродяжка-менестрель Рэм.

Вечера я ждала, нервничая и переживая. Как всё пройдет? Смогу ли я заинтересовать народ своим выступлением?

Нет, я не сомневалась в своих талантах. Я отлично играю на нескольких музыкальных инструментах. Права та старушка – благородные этому обучают своих детей чуть ли не с рождения. Еще я хорошо пою, и, на удачу, голос у меня достаточно низкий, так что вполне сойдет за мальчишечий. Вот как мужчина я бы точно не смогла ни петь, ни говорить.

И сказок знаю много, и песен – как изысканных (высшего сословия), так и, благодаря дядьке Жуху, народных. Если что, всегда смогу заглянуть в тетрадь и вспомнить слова. Хотя память у меня превосходная, проблем с этим я никогда не имела. Меня даже папа хвалил. А мама по секрету когда-то давно шепнула, что такая память почти у всех одаренных. Побочный эффект магических способностей.

Голода я не испытывала, так как, выйдя из бани, купила у уличной торговки несколько пирожков и прямо там же, сидя у фонтанчика, всё съела. Яства госпожи Муны мне пока не по карману. Заведение у нее приличное, но и цены в нем тоже весьма приличные.

Наконец зал наполнился, хозяйка трактира махнула мне рукой, давая понять, что наступило моё время, а сама вышла на середину помещения, подбоченилась и громогласно объявила:

– Гости дорогие, у меня сюрприз. Сейчас выступит менестрель, которого я наняла специально, чтобы он развлек вас своими историями, песнями и музыкой. Мальчишку не задирать и не обижать, а то дело будете иметь со мной.

– Муна, да когда это мы мальчишек задирали? – весело скалясь, воскликнул один из посетителей, усатый дядька с толстым животом.

– И то верно, Муна! – поддержал его другой, subtilный сутулый мастер-ткач, если судить по одежде. – Ты уж на нас не наговаривай. Пусть играет, а мы слушаем.

Его поддержал нестройный хор голосов.

– А если понравится он нам, так и от щедрот ему отсыпем! – стукнул по столу кулаком могучий мужик. Похоже, из кузнецов.

На подрагивающих ногах я вышла на свободное пространство, куда мне указала госпожа Муна.

– Экий мелкий! – цыкнул тот, что, вероятно, кузнец. – Его и не видать издалека.

– Слышь, малец! Ты на скамейку встань, что ли! – крикнул и сам же захохотал своей шутке усатый пузан.

– А вы, господа хорошие, на меня не смотрите, – громко проговорила я, обмирая от страха, но держась в рамках своей роли. Я – менестрель. Менестрель я. Я не боюсь их. – Вы меня слушайте.

– Давай, шнурок! – кивнул ткач.

Похоже, эти трое – постоянные гости трактира и с хозяйкой накоротке держатся. Больно уж свободно они себя ведут.

– Что вы хотите сначала? – улыбаясь так, что скулы свело, спросила я. – Сказку послушать, или песню спеть вам? Или просто сыграть?

– Да нам всё равно, лишь бы интересно было... – Это донеслось из дальнего угла, и кому принадлежала фраза, я не поняла.

– И то верно. Начинай, менестрель, не тяни... – шумно налил пива из кувшина посетитель за столом прямо напротив меня.

– Ну, тогда слушайте... – речитативом заговорила я. – Жил в далекие времена старик-лесничий, и был у него сын...

За сказкой последовала песня из «благородных», а затем – народная, коим меня научил дядька Жух. А потом снова сказка...

В какой-то момент один из гостей трактира притащил от стены тяжелый деревянный стул, поставил передо мной и, не говоря ни слова, усадил, нажав на плечо. Это вызвало гул одобрения у остальных. И я продолжила...

К ночи я совершенно охрипла, а народ всё не желал расходиться. Просили то еще сказку, то конкретную песню. У моих ног стояла глиняная кружка, и насколько я видела, там блестели не только медяки, но и серебряные монетки.

– Так, дорогие гости! – взяла всё в свои руки госпожа Муна, увидев, насколько я устала. – Вы мне менестреля вконец загоняете. Как он вас завтра развлекать будет, если голоса сегодня лишится? Ну-ка, Рэм, сворачивай свой балаган и иди на кухню, поужинай. Я распорядилась.

Из зала кто-то недовольно подал голос, но хозяйка трактира была непреклонна:

– А кому понравился мой менестрель, приходите завтра. Я его на неделю наняла. А там видно будет. Коли он дальше путешествовать не отправится, может, и еще задержится.

– Жду вас завтра, господа хорошие, – подхватив гитару и кружку со своим первым в жизни заработком, я чинно поклонилась публике.

– О! А мальчишка-то из благородных. Гляди, как кланяется!

– И точно! И как мы не поняли?

Глава 4

Я испуганно замерла, не зная, плохо это или нет, что они догадались о моем происхождении.

– Да будет вам, мужики! – жахнул по столу кулаком кузнец. – Не от хорошей жизни-то парень в менестрели подался. Мож, он и из благородных, а нынче бездомный странник.

– И то верно...

Госпожа Муна мотнула головой в сторону кухни, выпроваживая меня. Я выскользнула из зала и не успела послушать, о чем дальше шла речь. Но судя по довольному виду хозяйки трактира, всё было хорошо. Мое выступление понравилось и ей, и посетителям. Поэтому меня пообещали кормить и поить три раза в день на протяжении этой договорной недели. А дальше видно будет.

– Молодец, Рэм, – похлопав меня по плечу, позднее похвалила она. – Сегодня выручка почти в три раза больше обычного. Поел?

– Да, госпожа Муна.

– Ну тогда ступай в чулан под лестницей. Там есть запасные тюфяки, сложи их стопкой и устраивайся на ночь спать.

На этом она посчитала общение со мной исчерпанным и переключилась на повара и служанок.

Неделя прошла на удивление мирно. Днем на меня никто из работников и редких посетителей заведения не обращал внимания, и я была предоставлена самой себе. Особо заняться мне было нечем, поэтому я гуляла по городу, приглядывалась, прислушивалась к разговорам, пыталась влиться в новую жизнь.

Благодаря вечерним выступлениям, у меня появились небольшие сбережения. Купила немного запасных вещей, карту королевства, дорожную сумку побольше и кое-какую утварь, чтобы в пути можно было приготовить себе еды. Я не умела и даже не представляла, с какой стороны вообще подступиться к продуктам, чтобы превратить их в какое-либо кушанье, но договорилась с поваром в трактире, что он меня научит хотя бы самому примитивному – кашу сварить или похлебку, мясо или картошку запечь на костре. Вряд ли мне в дороге потребуется что-то большее.

По-хорошему, мне бы еще коня приобрести, но я сильно сомневалась, что обычный малолетний странствующий менестрель может позволить

себе такую роскошь. Выпарывать припрятанные золотые я опасалась, а того, что заработала за эти дни, не хватало.

А в конце недели я случайно услышала, что на днях выезжает обоз как раз в ту сторону, куда я и планировала отправиться. Мне ведь нужно перебраться как можно дальше от родного графства и от столицы. Разумеется, я напросилась в попутчики. Купец, который организовывал этот обоз, являлся постоянным посетителем трактира госпожи Муны, все мои выступления видел и слышал, даже платил неплохо, к слову. А потому проблем у меня не возникло. Да и хозяйка замолвила словечко, поняв, что оставаться дольше я не планирую.

– Вот что, Рэм, – почесав бороду, заявил господин Дарин. – Нравишься ты мне, и сказки твои нравятся. А потому давай-ка так... Еда общая, спишь на земле, места в повозках для ночевки я тебе выделить не смогу. Но днем можешь приткнуться где-нибудь в повозках с товаром, ты тощий, места много не займешь. За продукты с тебя, как и со всех, их надо заранее закупить с учетом количества человек, а проезд, охрану и то, что будешь питаться из общего котла, а не готовить себе отдельно или жевать всухомятку, оплатишь выступлениями. Твое дело – на привалах народ развлекать.

– Годится! – радостно улыбнулась я. Ведь именно этого от меня ждал купец, предложивший весьма щедрые условия. Уверена, остальные попутчики отвесили полновесные монеты за место в обозе и охрану. Наемники свои боевые навыки и умения оценивали недешево, они жизнью рискуют каждый раз. – Благодарю, господин Дарин!

– Бурдюк для воды себе не забудь купить, Рэм. Твоя фляжка уж больно маленькая, а в пути не всегда есть возможность пополнить запасы воды. И одеяло, что ли. Спать-то на земле придется. Совсем износишь свой плащ.

– О, пацан! – хлопнул меня по плечу сидевший рядом наемник, как раз один из тех, чьи услуги купил купец. – Давай я тебе расскажу, что нормальному путешественнику требуется. Ты хоть и благородный, а неприспособленный какой-то. И чему только учат лорды своих детей?

– Буду признателен, – повернулась я к нему. – А я котелок уже купил. Еще кружку жестяную, приборы и длинную ложку, похлебку помешивать.

– Ну, значит, слушай и запоминай...

Оказалось, мои познания о том, что нужно бывалому путешественнику, весьма неполные. Мне казалось, что котелка и приборов достаточно. Я ошибалась, в чем убедилась во время первой же просветительской беседы с наемником.

Никогда бы не подумала, что к странствующим музыкантам так по-

доброму относятся. Их воспринимали как нечто слабое, не приспособленное к жизни, немного бестолковое, как тех, кого надо снисходительно опекать. Мол, что возьмешь с певчих птичек? Щебечут, поют, музыку играют, а ничего путного и не умеют. Ни мечом орудовать, ни дерево срубить... Но при этом помощь люди предлагали бескорыстно, благодаря таким образом за ту радость, что дарили менестрели людским сердцам и душам.

Мудрый совет мне дала та безымянная старушка, что пустила на ночлег. Не надень я маску странствующего певца и сказочника, вряд ли бы всё проходило у меня так гладко.

С кем только не доводилось мне общаться за время путешествия на противоположный конец Дагры: с купцами и наемниками, нищими и бродягами, лордами и леди, мастерами и селянами. Я довольно быстро поняла, как невероятно мне повезло, что сумела пройти тогда одна по лесам от родового замка до селения, откуда в город меня довез дядька Жух.

За долгие дни переездов случалось разное. На обозы, в которые мне удавалось напроситься, нападали грабители, и если бы не наемники, охранявшие путешественников, то... Хотя жертвы порой случались с обеих сторон, и тогда нам приходилось закапывать трупы.

Это... страшно. Лиходеев жалко не было, но и смотреть на порубленные или утыканные стрелами тела я без содрогания не могла. Меня не заставляли копать могилы, понимая, что музыканту это не по силам. Но оттаскивать трупы в сторону приходилось наравне со всеми. А когда при мне впервые пал в схватке один из наемников, с которым мы до того несколько дней вместе ехали, разговаривали, сидели у одного костра... С трудом удавалось сдерживать слезы. Было грустно от гибели хорошего человека, выбравшего такой нелегкий способ зарабатывать на жизнь.

А еще внутри все переворачивалось от того, что тела обыскивали и забирали всё ценное. И если с грабителями это можно было оправдать, то когда друзья и соратники погибших наемников забирали из их карманов всё, что могло им послужить... Смогу ли я когда-нибудь это принять и понять?

Вероятно, им, привыкшим к своей доле и к тому, что завтра любой из них также может быть убит, это казалось нормальным. Мол, не пропадать же добру. Деньгам, оружию, украшениям, если таковые имелись. Тем более что такую службу выбирали одинокие мужчины, не имеющие семей. Не знаю, мне осознать это пока не удавалось. Нет, я молчала, не выказывая осуждения, но никогда не брала и монетки из тех, что оставались после

таких схваток. Мне предлагали, немного конечно, кто ж отдаст большую сумму бродяге, но в долю готовы были принять. Я вежливо отказывалась и уходила в сторону. Не могу.

Дорога занимала много времени. Пересечь страну быстро могли лишь конные всадники при наличии охраны. Мне же приходилось искать и ждать попутчиков – когда купеческие караваны, когда мастеров, едущих в нужную сторону на телегах с товаром. Всяко случалось. Своей лошади у меня так и не было, а потому надо было платить за место в обозе, повозке и охрану. Насмотревшись, одна я больше не рисковала выдвигаться за городские стены. Чудеса дважды не случаются, и хотя я сумела пройти по отцовским землям и владениям барона Женри без плачевных последствий, не факт, что мне повезет так же еще раз. Брали меня достаточно охотно, отказов почти не получала, а я развлекала своих спутников в благодарность за помощь, добрый совет или жизненный урок.

За это время я освоила многое. Варить на огне похлебку или кашу с мясом. Разделывать рыбу и потрошить птицу. Рубить маленьким топориком ветки и вязать узлы на веревках. Мыться в озерах, прудах и холодных быстрых ручьях. Стирать свои вещи и растягивать их на сушку, чтобы меньше мялись. Разводить костер и убирать кострище так, чтобы не случился лесной пожар. Складывать ложе из еловых лап и даже строить шалаш. Последнему меня научил шустрый, вредный, прохиндейской наружности мелкий торговец, когда нас застал в пути дождь. Вот он-то и гонял меня, командуя, чтобы я быстрее шевелилась, а то совсем вымокнем. Но при этом указания отдавал четкие и сам принимал участие в процессе, показывая «криворукому музыкантишке», как надо складывать ветки и палки, чтобы соорудить защиту от непогоды. А потом сидел со мной внутри, сетовал на то, как ему не повезло взять в попутчики такого белоручку, и вдруг совершенно непоследовательно сунул огромный кривой бутерброд и попросил спеть что-нибудь из благородного, жалостливого и за душу берущего.

Я не обижалась, принимая такое поведение народа как данность. Не лорды ведь, манерам не обучены.

Многими навыками делились со мной люди, с которыми мне довелось столкнуться. Бабы показывали хитрости, как готовить в котелке так, чтобы вкуснее было, какие травки можно бросить для аромата. Как лучше отстирать пятна с одежды, чтобы ткань не повредить. А одна молодка посоветовала беречь руки, мол, они у меня точно у сиятельной леди, нежные и белые. Для парня позор, конечно, но коли уж я на инструменте

играю, то надобно беречь – смазывать сальцем или маслом, чтобы кожа не трескалась. Мужики растолковывали мне прочие премудрости. Наемники пытались «слабого задохлика» подтянуть во владении кинжалом. Все смеялись над моей неловкостью, подтрунивали и называли неумехой, но показывали и объясняли. Что-то мне давалось легче, что-то сложнее, но я старалась. Уроки выживания мне были необходимы, и я не стеснялась просить помощи и совета.

Я уже знала, какие продукты нужны в пути, а какие выдержат день-два и испортятся. Могла выбрать в лавке хорошую крепкую веревку, а не подгнившую, которая порвется от первого же узла. Да, было и такое со мной, подсунул жуликоватый лавочник явную дрянь.

Два месяца моего пути с одного конца страны на другой стали для меня настоящей школой жизни. За это время я, кажется, растеряла весь свой лоск изнеженной дочери графа. Руки огрубели от постоянной игры на гитаре, стирки, холодной воды и почти круглосуточного пребывания на улице. Не помогали ни масло, ни сало, которые мне посоветовали использовать. Мышцы окрепли, и я уже не падала от изнеможения после дневного перехода. Привыкла спать на земле и научилась устраиваться у костра так, что тепло от него доходило, но жар не опалял.

Да и в чужих городах стала чувствовать себя относительно спокойно. Во-первых, там вероятность наткнуться на кого-то из прихвостней Гаспара была минимальной, и я перестала прятаться в светлое время. А во-вторых, я поняла, что порой безногий нищий, просящий милостыню у храма, или продажная девка, зазывающая клиентов в срамном квартале, могут дать более ценный совет и информацию, чем богатенькие господа. Эти смотрели на меня как на нечто несуразное – вроде и полезное, даже приятное, но какое-то непонятное. То ли приветить, то ли пнуть... Так, на всякий случай, чтобы свое место не забывал.

Но случалось в этих городах и страшное. Мы только приехали в один из них с подвезшим меня гончаром на телеге, полной горшков, распрощались, и я побрела поближе к центру, чтобы поискать место для выступления и отдыха.

Не сразу поняла, что происходит нечто странное, с удивлением глядя в спины куда-то спешащих людей. Народ взволнованно переговаривался, с горящими глазами размахивал руками...

– Что происходит? – поймала я за рукав пробегающего мимо нищего мальчишку.

– Так ведьму счас жечь будут! Здорово, да?! – возбужденно выкрикнул

он, вырвался и помчался прочь, сверкая грязными босыми пятками.

Вот, значит, как. Несчастную, которой не повезло родиться с даром, сейчас сожгут. Нет, не хочу смотреть. Я развернулась и решительно зашагала в ином направлении, а не вслед за бродяжкой.

Но городская планировка сыграла со мной дурную шутку. Я шла прочь, но, повихляв по извилистым улицам и переулкам, очутилась на площади, посередине которой возвышался костер для казни.

В центре горы сложенных дров и хвороста к столбу была привязана коротко остриженная молодая женщина. Судя по тому, как она была окровавлена, избита и изрезана, ее долго и страшно пытали. Пальцы связанных позади столба рук переломаны и лишены ногтей, а нагота не прикрыта даже жалким клочком ткани... Смотреть на это было невыносимо. Ей отрезали груди и прижгли каленым железом. Всё остальное – это уже даже не тело, а умирающая истерзанная плоть. Следы от ожогов, порезы, колотые раны, рубцы от хлыста, до мяса рассекшего нежную кожу...

Стоять сама «ведьма», похоже, не могла, и ее полностью туго примотали к столбу грубой толстой веревкой и лишь после этого связали руки за спиной, сильно вывернув их в плечах.

Что удивительно, девушка была в сознании, а ее лицо палач не тронул. Красивая, очень красивая. Возможно, никакая она и не ведьма, а просто женщина, отказавшая не тому, а этот «не тот» донес на нее или сам же придумал обвинения. И вот итог – костер, а перед этим жуткие пытки.

Мне «повезло» очутиться на площади в таком месте, откуда всё прекрасно было видно. Прорываться вплотную к костру, как возбужденные фанатики Неумолимой, я не собиралась. Смотрела издали на тонкое, пожалуй что, аристократичное лицо несчастной и не находила в себе сил уйти, хотя прекрасно осознавала, что сейчас запылывает.

И точно...

Сестра Неумолимой в длинном графитово-сером балахоне вознесла молитву богине смерти. Судья зачитал приговор и длинный список прегрешений. В чем только осужденную не обвиняли... И в грозе, и в дожде, и в засухе, и в том, что чья-то собака сожрала на улице падаль и сдохла. И в том, что молоко у торговли скисло. И крыша у кого-то протекла по ее же замыслу. А дочка почтенной госпожи какой-то там никак не могла выйти замуж. А еще у кого-то карниз со шторами обвалился именно в тот момент, когда ведьма шла мимо дома. В каких только проступках не была она замечена... Какие только «ужасы и непотребства» не творились по воле, желанию и проискам этой гнусной особы... И за это ее надлежало

сжечь в очищающем огне и отправить во владения Неумолимой, чтобы богиня сама решила ее судьбу.

Судья дал отмашку палачу. И вот уже зажженный смоляной факел летит на гору облитых маслом хвороста и дров.

Пламя взревело, охватило худенькую изломанную фигурку, привязанную к столбу. Гомон толпы перекрыл мучительный женский вопль, а я, не выдержав, зажмурилась, спрятав лицо еще и в ладони.

– Горела ведьма на костре... Горела ведьма... В огне горела ведьма... – хрипло шептала я, чтобы только не слышать крики несчастной. – Сгорела!

На последнем слове я открыла глаза и замерла, не понимая, что случилось. Языки пламени, лижущие конвульсивно дергающуюся жертву, вдруг вспыхнули особенно ярко и высоко взметнулись, и в тот же миг тело девушки всё целиком превратилось в пепел и осыпалось хлопьями.

Толпа, жаждущая долгой агонии преступницы и веселья от этого зрелища, разочарованно взвыла.

А сестра Неумолимой настороженно замерла и стала медленно поворачиваться в мою сторону. И вот тут я испугалась. А что, если про них не врут? Что, если сестры богини смерти действительно чувствуют всех, в ком есть хоть капля магического дара?

И я, тихо всхлипнув от ужаса, сползла на землю. Сжалась на корточках, натянув на голову капюшон и стараясь сделаться незаметной.

А потом так же, не поднимаясь на ноги, начала выбираться обратно на улочку, по которой только что сюда пришла. Далеко не сразу рискнула встать в полный рост...

– Эй, пацан? Чё там? Я опоздал? – спросил мужской голос. – Горит уже ведьма?

Я обернулась, взглянула в возбужденное лицо толстого усатого лавочника и сдавленно булькнула. Не могу... Меня сейчас стошнит...

Так и не ответив ему ничего, быстро склонилась к стене.

– Фу-у-у! – брезгливо прогудел горожанин, но понял мою реакцию правильно. – Опоздал! Всё ведьма проклятушая виновата! Из-за ее колдовства я решил выпить последнюю кружку вина и осоловел. Вот же дрянь! Даже перед смертью напакостила, и я не успел на самое интересное!

Сплюнув с досадой, он поспешил на площадь. Я же вытерла рот, поправила гитару, перехватила свои вещи и двинулась обратно к городским стенам и воротам. Не хочу оставаться тут ни минуты. Жрица богини смерти что-то почуяла и не успокоится, пока не найдет новую жертву.

Именно тогда у меня зародились крамольные мысли о сестрах

Неумолимой. Как наяву стояло перед глазами лицо той из них, что присутствовала на казни ведьмы. То, как жадно и хищно затрепетали ее ноздри, словно у гончей, почуявшей добычу. Как медленно и неотвратно она оборачивалась, ища взглядом в толпе кого-то конкретного. Меня? Думаю, да. Меня. Ведь именно во время моего лихорадочного шепота и финального слова «Сгорела!» казненная в мгновение ока превратилась в пепел. А ведь человеческое тело горит долго. Даже после того, как несчастная женщина умерла бы, не выдержав боли, то догорала бы еще не одну минуту. А тут всё случилось моментально. Короткий вдох, и только серые хлопья в опустевшем костре.

Похоже, в нашем несчастном закрытом королевстве, где запрещена магия, этой самой магией обладают именно они – сестры Неумолимой. Власть храмовых жриц велика. Подозреваю, что если бы они обвинили в колдовстве короля, то его растерзали бы собственные подданные и придворные. Он бы не дошел даже до костра.

Довольно было бы слова или сомнения одной из сестер Неумолимой. Даже не Верховной жрицы или служительниц столичного храма, а любой! Например, ехавшей через столицу по своим делам. Лишь подозрение, что житель Дагры одаренный, и всё – конец неизбежен.

Не зря я обходила столицу по огромной дуге, страшась даже издали увидеть городские стены. Ведь именно там располагается самый большой храм. Там сестер можно встретить, просто прогуливаясь на улице...

Что же касается казней, то доводилось мне сталкиваться с ними отнюдь не единожды. От некоторых историй волосы дыбом вставали. Нет, я, к счастью, больше не попадала на площади, где бы полыхали костры. Но видела на улицах шествия, телеги с клетками, в которых везли на эшафот приговоренных. Это ужасно и невыносимо. Тех, кто лежал или сидел в клетках, уже и людьми-то нельзя было назвать. Нет, это были умирающие существа, лишь из последних сил вдыхающие воздух нашего несчастного королевства. Ни на что уже не надеющиеся, ни во что не верящие, обреченные, прошедшие через муки от рук палачей, дознавателей. А может, и сестры Неумолимой участвовали в допросах, выколачивая из осужденных... Что именно? Я не ведаю.

Одна из таких процессий, которая с веселым гомоном сопровождала на смерть семью из четырех человек – родители и двое деток, – заставила меня рыдать. Не сразу, позднее, когда никто не мог увидеть. В причастности к магии подозревался глава семейства. Его жена была приговорена за соучастие и сокрытие, дети же... А что, если они унаследовали дар? А вдруг пытки над ребятишками заставят несчастного

отца быть посговорчивее, признаться во всем? Понятно ведь, ради того, чтобы облегчить участь родных, люди пойдут и согласятся на многое.

Сестры Неумолимой безжалостны и не знают пощады.

Петь приходилось в разных местах. То в трактире, то на площади, то в борделе, то в игорном доме. В последний раз жуткого вида одноглазый тип перепугал меня до смерти. Поймал за шкурку на улице и поволок, ничего не объясняя. А когда я принялась кричать и вырываться, встряхнул как котенка и цыкнул:

– Да не ори ты, задохлик. Хозяин велел притащить к вечеру кого-то, кто будет петь. Гости у него сегодня важные.

– А сразу сказать нельзя было?! – возмутилась я. – Отпусти! Сам пойду.

Громила разжал пальцы, и я едва не шлепнулась на грязную мостовую.

– Заплатит, надеюсь? – поправляя одежду, хмуро спросила я, глядя из-под челки на посланца бандитского главаря.

– Господин Дюзан менестрелей никогда не обижал, не трясись. Жрать хочешь? – спросил он вдруг.

– Хочу, конечно. Ты же меня с площади увел, я не успел поужинать, – смирившись с грубой манерой общения, в тон отозвалась я.

Глава 5

Публика в игорном доме оказалась специфическая. Бандиты, жулики, отчаянные картежники... Последние были, в том числе, и из аристократов, которые проматывали состояние. Точно как Гаспар... И проигрывали так же, и напивались, и скандалили...

И девки продажные присутствовали, ярко покрашенные, со взбитыми в высокие прически волосами, вульгарно разряженные. Садись на колени к игрокам, отвлекая от карт, мороча головы и предлагая выпить. Смеялись зазывно, демонстрируя содержимое глубоких вырезов своих платьев.

Не хотела бы я себе такой судьбы. Я наблюдала за ними сквозь ресницы, перебирая струны, и благодарила маму за амулет личины, который она сумела где-то найти. Учитывая красоту, которую я от нее же унаследовала, поймали бы меня да заперли где-нибудь. И хорошо еще, если бы участь содержанки меня ждала бы. А то вот так бы угодила в бордель и развлекала публику. Долго бы я не протянула, скорее всего, сама бы и наложила на себя руки. Лучше смерть, чем такая жизнь.

Птица в клетке... И не вырваться, не спастись...

Грустно улыбнувшись своим мыслям, я запела:

Подрезают птице
Сразу два крыла,
Чтоб она подняться
В небо не смогла.
Запирают в клетку
Прерванный полет...
Только эта птица
В клетке не поет.
Если не дано ей
В небо улететь,
Разве может птица
Песни свои петь?
И, тоскуя, птица
Не клюет зерно —
Ведь расправить крылья
Ей не суждено.
Я мечтаю птице

Крылья возвратить,
Выпустить на волю,
Клетку отворить.
Чтобы птица пела,
Чтобы, чуть дыша,
Ввысь за ней летела
И моя душа.^[1]

Не знаю, вслушивался ли кто-то в тексты моих песен, но в итоге меня и накормили, и вином пытались напоить, и даже женщину предлагали. От вина и женской ласки я отказалась, вызвав шквал насмешек, мол, зеленый я еще. А после выступления щедро отсыпал мне монет один из местных королей теневого мира. И совет дал:

– Талантлив ты, Рэм. Облаготечествовала тебя богиня. Но костюм купи поприличнее. А то сразу видно, бродяга и голодранец. Вот для выступлений – натягивай одёжу побогаче. С вышивкой какой, что ли. Бабам нравятся смазливые юнцы. Глядишь, еще с лёдей любовь закрутишь.

Я кашлянула, потому что любви от «ледей» мне совсем не надо, я сама – леди.

– И еще... – наклонился он к моему уху и прошептал едва слышно, дыша винными парами: – Сваливал бы ты из Дагры, малец. Одарен ты способностями, Рэм, чрезмерно одарен. Как бы на костер они тебя не привели.

Я вздрогнула всем телом, сжала зубы, но промолчала. А бандит, одетый в бархат и золото, продолжил:

– Я тебе ничего не говорил. Но ты мелкий, шустрый, и терять тебе нечего, коли сирота бездомный. Сумеешь выбраться, помолись за меня да свечку поставь. А ежели припечет, то покажи вот это. Меня по всему королевству знают, – и сунул мне что-то в карман.

Позднее, когда появилась возможность рассмотреть, я выяснила, что это была обычная серебряная монета с одним отсутствующим краем. словно хитро отпилили кусочек по невидимой ломаной линии.

– Благодарю, господин Дюзан, – чинно поклонилась я, словно передо мной лорд, а не главарь разбойников.

Он же осмотрел меня с ног до головы задумчивым, совсем не пьяным взглядом и рывкнул, заставив подпрыгнуть от испуга:

– Гренька!

– Ну? – ввалился тот громила, что меня сюда приволок.

– Вот что, Гренька. Организуй-ка этому птенчику спутников. А то следующий обоз отсюда лишь через десять дней. Нечего ему в нашей дыре сидеть.

– Дык... А куда его? – поскреб щетину одноглазый.

– А давай-ка его...

Не обращая внимания на меня и мой лепет, мол, «я сам как-нибудь», неожиданный благодетель принялся отдавать распоряжения о том, чтобы меня отвезли в крупный город. Именно туда я и планировала поехать, так как четко держала путь к южному перевалу, отделяющему Дагру от всего остального мира. Где-то там, за горами, есть магия, живут чародеи, эльфы и оборотни...

Если смилостивится надо мной Неумолимая, то я смогу как-нибудь туда перебраться. Не ведаю пока – как. Тут бы хотя бы просто доехать до границы, выжить и сохранить руки-ноги.

Утром я покинула городок, в котором даже осмотреться-то не успела, в сопровождении жуткой наружности типа. Встретишь такого ночью в подворотне – сам всё отдашь, ему и говорить ничего не придется. За несколько дней нашего совместного пути он проронил буквально несколько слов, да и то – команды: «вставай, поехали, жри, пей, заткнись, быстрее, шевелись...». Но не обижал и по-своему заботился, выполняя приказ хозяина. Доставив, куда велено, дал «легкий» подзатыльник, от которого меня унесло вперед. Но не со зла, просто силу не рассчитал. Оказалось, это он так прощался со мной. Качнул головой недовольно, проследив за моим полетом, рожу свою страшную скривил в гримасе, вероятно обозначающей улыбку, и буркнул:

– Бывай. Береги себя и смотри, не сдохни раньше времени. Раз хозяин тебя оценил, значит, и правда ты чего-то стоишь.

Это была его единственная длинная и связная реплика за все время нашего знакомства.

– Спасибо, – кашлянув, отозвалась я. – Передавайте господину Дюзану мой поклон.

– Жри давай лучше, – напутствовал он меня, взлетел обратно в седло и поехал, не оглядываясь, уводя с собой флегматичную лошадку, выделенную на время мне.

Проводив его взглядом, я хмыкнула, покачала головой и потерла затылок, куда прилетел «подбадривающий» прощальный подзатыльник. Тяжелая рука, однако. Представляю, что было бы, ударь он в полную силу. Костей не собрала бы.

Грубый, необразованный, жуткий, но при этом...

И вот мой долгий путь подошел к концу.

Прищурившись, я смотрела на снежные шапки гор и перевал. Дорога пролежала между скал в настолько узком ущелье, что там с трудом могли разминуться две телеги, но этого и не требовалось. К нам в Дагру ездили лишь немногие проверенные и одобренные короной купцы. Без специальной грамоты с королевской печатью никто не мог ни покинуть наше государство, ни въехать в него.

– Эй, менестрель! – окликнул меня стражник, проходивший по площади, где я присела, чтобы отдохнуть и набрать немного денег. – Чего не поешь? Чего расселся?

– Отдыхаю, господин стражник, – растянула я губы в чуть ли не приклеившейся уже за эти месяцы улыбке.

– Ну-ну. Смотри у меня! – погрозил он мне зачем-то кулаком, погладил толстый живот и, гремя оружием, отправился по своим важным делам.

Я же, вздохнув, стала перебирать струны гитары. Потихоньку подтягивались слушатели, и я занялась своей привычной уже работой – веселить достопочтенную публику.

К вечеру нашла скромный трактир поближе к окраинам, сняла убогую комнатуху, чтобы не вводить в искушение лихой народ. И когда совсем стемнело, спустилась в общий зал. С трактирщиком у нас была договоренность, что я плачу за себя сама, играть он мне не запрещает, но и защищать от желающих поживиться за мой счет или просто поколотить хлипкого худосочного пацана не станет. Мои проблемы его не касаются.

Вот и напевала я негромко, сквозь ресницы поглядывая на собравшийся тут сброд. А когда вышло какое-то время, повесила гитару за спину и скользнула к одному из столиков в углу. Мордовороты, сидевшие там, внушали душевный трепет своим обликом, но именно они-то мне и были нужны. Не зря же я нашла не приличное местечко в благополучном районе, а заведение, в котором собирается подобная публика.

– Приветствую, господа хорошие, – поклонилась я им. – Не угостите музыканта стаканом теплого молока?

– Чё? – не понял один из мужиков. – Мо-лока?!

– Пацан, ты выбором не ошибся? – хохотнул другой и приглашающе похлопал по скамье. – Вино! – легко поднял он огромный кувшин и собрался мне налить.

– Нельзя мне, господа. Голос потеряю, а это мой кормилец. Сам не рад, да выбора нет.

Громилы заржали, отвечивая в мой адрес пошлые шутки, но я уже

привыкла к подобному, даже бровью не повела. Понимаю, что для них мальчишка, коим я сейчас выгляжу, пьющий молоко, а не вино, – это действительно повод для насмешек.

– Жри давай, – пододвинул ко мне блюдо с жареными свиными ребрами мой сосед по скамье, а потом хлопнул по спине так, что я чуть лицом в это блюдо не угодила. – Дохляк, смотреть противно.

Я левой рукой взяла одно ребрышко, откусила немного мяса, а второй продемонстрировала монетку, полученную от господина Дюзана:

– Не знаете, с кем бы я мог поговорить? – повертев опознавательный знак так, чтобы мои собеседники хорошо рассмотрели хитро обрезанный край, спрятала серебрушку обратно в карман.

– Ну, допустим, со мной, – перестал улыбаться и откинулся на стену сидящий напротив меня тип.

– Мне одна птичка прочирикала, мол, если что, я смогу попросить о помощи, – негромко проговорила я и снова откусила от свиного ребра кусочек мяса.

Мужики притихли и переглянулись.

– А малец-то не так прост, – хмыкнул мой сосед и уставился на своего главаря.

– Чё надо? – спросил тот, окидывая меня тяжелым взглядом.

– Не здесь, господин...?

– Мое имя тебе без надобности. Идем! – выбрался из-за стола тот, кого я собиралась просить об услуге.

Мы поднялись на второй этаж. Трактирщик проводил нас взглядом в спины, но ни слова не сказал. А я прошествовала до комнаты в конце коридора, вошла внутрь, как было велено жестом, и молча дождалась, пока мой спутник запрет дверь.

– Ну? – повернулся он ко мне.

– Мне нужно на ту сторону, – едва слышно прошептала я, сначала приблизившись вплотную. – Королевской грамоты нет.

– Ты в своем уме, пацан?! – обалдел от моей просьбы бандит. – На плаху захотел?!

– Как раз на нее и не хочу. Моя дорога – в один конец. Так как? Расходы оплачу.

Громила присвистнул, скривился и поскреб заросший щетиной подбородок. Думал он долго, минут десять. Про меня словно забыл, игнорируя мое молчаливое присутствие, а когда я уже почти отчаялась, проговорил:

– Послезавтра.

– Сколько? – едва сдержав нервную дрожь, уточнила я.

– Скажу завтра. Будь здесь, за тобой придут.

Он развернулся и тяжело потопал к выходу. Когда спустились вниз, я хотела уйти, но мне не позволили.

– Жри, потом, может, и некогда будет, – мрачно проговорил тот, кто мог помочь мне вырваться на свободу, и толкнул к столу.

Силу опять не рассчитал, и я улетела вперед, едва не упав. Да что ж они меня все швыряют-то одним движением руки? То ли сильные такие, то ли я совсем хрупкая... Про меня бандиты тут же забыли, пили вино, смеялись над своими шутками, но когда я насытилась и чинно выпрямилась, мой давешний собеседник скомандовал:

– Спой нам, менестрель. Нечасто тут бывают певчие птички.

Назавтра я с самого утра сидела в общем зале трактира. Посетителей еще не набежало, это к вечеру тут будет не протолкнуться. Но меня трактирщик не гнал, лишь поглядывал хмуро. Похоже, тут вообще не принято совать нос в чужие дела. Меня это полностью устраивало.

Когда на пороге внезапно появился один из моих вчерашних знакомцев, я уже вся извелась. Он нашел меня взглядом, едва заметно качнул головой в сторону выхода, после чего как ни в чем не бывало протопал к стойке и потребовал налить ему чего покрепче.

У них с трактирщиком завязалась беседа, а я неспешно накинула капюшон плаща, подхватила свои вещи, гитару и выскользнула на улицу. Ждать, притулившись у стены, пришлось минут пятнадцать. Мой проводник вышел и, не оглядываясь, направился якобы по своим делам, лишь многозначительно глянув мне в глаза.

Что ж, пойду, куда ведут... Подождала, пока он немного отдалится, и двинулась следом, стараясь не потерять из виду его фигуру.

Пришли мы к складу на окраине города.

Когда я вошла в крохотную покосившуюся сторожку чуть в стороне от каменного строения, то обнаружила там главаря.

– Значит, так, – без приветствия заговорил он. – Деньги сейчас. Мы спрячем тебя, и до ночи сиди так, чтобы ни звука. С купцом договорились, должок за ним...

Я вытащила свой кошелек и положила на стол.

– Сколько с меня?

Не ответив, он сцапал мешочек, развязал и высыпал его содержимое на стол. После чего откинул в сторону все медяки, помедлил, и туда же последовала пара серебряшек. Все остальные серебряные он ссыпал в

ладонь и спрятал в карман, небрежно бросив опустевший кошелек на мелкую стопку монеток, которыми пренебрег.

– Чай, мы тоже люди, – буркнул он. – На первые дни хватит, потом заработаешь.

Кивнув, я забрала остаток своих денег.

– Снимай штаны и рубаху. Смени одежду на что-то из того, в чем тебя здесь не видели, – продолжил он инструктаж. – Гитару тоже оставишь здесь. Позднее ее найдут где-нибудь на неопознаваемом трупе, одетом в твои вещи. И пошевеливайся!

Дернувшись от резкой команды, я вскочила и принялась торопливо переодеваться. Стесняться за эти дни уже перестала... Редко когда мне так везло в общественных банях, как в первый раз. Был выбор – либо ходить грязной, либо, сжав зубы и забыв про стыд и приличия, мыться вместе с другими мужчинами. Я ведь «малец», а потому никому не было дела до того, как выглядит мое худое мальчишечье тело в раздетом виде. А я старалась не смотреть...

Сложив стопкой только что снятые с себя рубашку и брюки, я переоделась, натянула сапоги, снова накинула плащ и вопросительно уставилась на своего собеседника, который задумчиво вертел в руках мою поцарапанную гитару.

– Спрячем тебя среди товара. Не задохнешься, доступ воздуха оставим. Лежи тихо, словномышь. Чихнешь, кашлянешь или как иначе выдашь себя – твои проблемы. Нас это уже не касается. Всё понял?

– А что за товар? – осмыслив, уточнила я.

– Рулоны тканей. Вот еще что... Пространство расчистим небольшое, ты-то доходяга тощий, поместишься, а вот барахло твое придется оставить. Показывай свой скарб.

Не дожидаясь, пока я сделаю это сама, он сцапал мою еще не закрытую сумку, небрежно вывалил ее содержимое на стол и принялся сортировать.

В одну кучу – сменную одежду (у меня ее было не так чтобы много), тетрадь с карандашом, после некоторой заминки туда же отправились мелочи (в буквальном смысле – то, что небольшого размера), необходимые в путешествии. Всё остальное, что занимало место, но без чего можно обойтись первые дни, было безжалостно сброшено на пол. Туда же упали дорожное одеяло, котелок для приготовления пищи в дороге, разный инвентарь, который я докупала по совету наемников, дававших мне уроки выживания, и бурдюк с водой. Мужчина не поленился даже заглянуть в мешочек с припасами. Принюхался, вяленое мясо, сыр и пару луковиц

убрал, пресные лепешки и сухари оставил.

– Запах, – пояснил на мое замешательство. – Собаки могут учуять. Доберешься до людей, пополнишь запасы еды.

– Понял, – смиренно ответила я.

– С собой в схрон возьмешь только сумку. Свет-камень и ножичек свой в нее спрячь. Фляга полная? – увидев мой подтверждающий кивок, он продолжил: – Береги воду! Прятаться придется долго. В плащ закутайся, чтобы он места не занимал.

– А как долго лежать? – робко уточнила я.

– Как получится, – отрезал он. – Идем.

И мы пошли... Мужчины вдвоем помогли мне пробраться в уже груженный рулонами сукна фургон. Молча, даже не переругиваясь, они соорудили в середине узкую длинную нору, велели мне в нее улечься. Еще повозились и притулили у меня в ногах сумку.

– Ничего нигде не жмет? – шипящим шепотом уточнил главный бандит. – Учти, менестрель, лежать тебе тут много часов. Флягу с водой на грудь положи, коли совсем не вмоготу станет, сможешь подтянуть ее ко рту и глоток сделать. Но смотри не увлекайся, если по малой нужде приспичит, быть беде.

И вот, по прошествии некоторого времени, я оказалась в одиночестве. Надо мной оставили немного свободного пространства, только чтобы можно было подтянуть к лицу фляжку и отпить воды. Рулоны тканей по бокам и сверху укладывали осторожно, чтобы меня не завалило и чтобы оставить доступ воздуха.

Глава 6

Час. Три. Пять. Не знаю сколько... Долго...

Потом звуки голосов, четкие распоряжения, ругань, ржание лошадей, веселый собачий лай. Совсем рядом кто-то громко скомандовал:

– Трогай!

Мое укрытие качнулось и двинулось вперед.

Снова дорога в неизвестность, с минимумом вещей. Практически с тем же, с чего я начинала свой путь от стен родного замка.

Сейчас я боялась выдать себя намного больше, чем после ухода моих помощников. Тогда я была в одиночестве, даже вздремнуть успела, сейчас же любой звук могли услышать те, кто сопровождал обоз.

В какой-то момент началась паника. Я так боялась случайно кашлянуть или чихнуть, что почти начала задыхаться.

Спокойно, Рэми. Спокойно! Ты сможешь... Ведь столько уже прошла и выдержала...

Вызвав мысленный образ мамы, я стала дышать так, как она учила, называя это медитацией. Говорила, что маги в обязательном порядке должны уметь это делать. А мне просто стоит научиться, чтобы при необходимости расслабиться и погрузиться в некое подобие транса – оплота спокойствия.

Я сделала три глубоких вдоха и выдоха. Учítывая, что находилась я в замкнутом тесном пространстве, это далось не просто. После переключила дыхание с груди на живот и стала медленно считать выдохи, мне было легче именно так. Вдох, выдох – раз. Вдох, выдох – два. Вдох, выдох – три...

Незаметно я погрузилась в состояние, которое мама называла «царство без мыслей». По ее словам, маги в таком трансе видят свою внутреннюю энергию, потоки сил, могут управлять ими и исправлять свою ауру, если она пострадала.

Я ничего такого не умела. В моменты, когда погружалась в это «царство без мыслей», меня словно не существовало. Мое «Я» пропадало. Было нечто необъятное вокруг, весь мир, покой, чистота, свежесть и тишина.

Единственным минусом подобных упражнений было то, что абсолютно терялось чувство времени. Невозможно было понять, сколько я пробыла в этом небытии – час, десять? И все тело затекало и деревенело,

потом приходилось разминаться, чтобы снова почувствовать руки и ноги.

Вот и сейчас. Исчезла узкая нора среди рулонов тканей. Растворилась в тишине Рэмина дас Рези. Были лишь покой и чистота.

А пришла я в себя от того, что кто-то совсем нелюбезно дергал меня за обе ноги и куда-то пытался волоочь. Я сначала даже не поняла, что происходит...

– На счет – три! – тихо шепнул один голос. – Раз, два, три!

И меня выдернули из схрона. Упасть на землю не дали, подхватили в четыре руки и рывком поставили на ноги... Попытались поставить, потому что я совершенно не чувствовала своего тела.

– Ну что? Помер? – недовольно прошелестел тот, кто держал меня справа.

– Да не-е, дышит. Хотя странно. Задохнулся слегка, видать, без сознания...

– В сознании, – облизав сухие потрескавшиеся губы, выдохнула я. – Воды...

К моему рту тут же приложили что-то твердое и влажное, и я жадно сделала несколько глотков.

– Приехали, пацан. Дагру мы покинули, – принялся шептать мне в ухо стоящий справа мужчина. – Выжил, что уже – чудо, а дальше сам. Нельзя, чтобы тебя кто из обоза живым увидел, вопросов не оберешься. А я из-за тебя на плаху не хочу.

– А если бы не выжил? – с трудом ворочая языком, спросила я.

– Не ты первый, не ты последний.

– В какую сторону идти? – пытаюсь осмотреться в темноте, уточнила я. Похоже, случалось купцам выкидывать трупы нелегалов, пытавшихся покинуть родину. Уж больно спокойно они об этом говорили.

– Пока спрячься в стороне, а утром гляди, куда мы поедem, и топай в том же направлении. Вот твоя сумка, – мне на плечо опустился ремешок. – И вот что. Мы тебя не знаем, ты – нас. Как ты покинул закрытое королевство – нам неизвестно. Отныне ты для всех жителей Дагры – предатель, изгой и считай, что умер. Не вздумай возвращаться. Сожгут, даже если ты не маг.

– Да благословит вас Неумолимая, добрые люди, – пошатываясь, я поклонилась.

К этому времени ко мне уже вернулось зрение, и я обнаружила, что двое мужчин, вытащивших меня из рулонов, предусмотрительно спрятали лица до самых глаз под повязками.

Обоз остановился на ночной привал, и, судя по тому, какая стояла

мгла, совсем скоро взойдет солнце. Ведь все знают, что самая темень наступает за час до рассвета.

Получается, я провела в «царстве без мыслей» более десяти часов. И, похоже, лишь благодаря столь глубокой медитации выдержала их.

– Сам дойдешь? – с опаской спросил один из мужчин.

Я сделала шаг, покачнулась...

– Вот же... – сердито выдохнул он и закинул меня на плечо. – Отволоку его. Не дай Неумолимая, еще проснется кто и заметит.

Бодрой рысью мой вынужденный помощник порысил прочь от телег, фургонов и спящих людей. Отбежав, опустил меня на землю и, наклонившись, шепнул:

– Удачи, парень. Позволит Неумолимая, выживешь. А коли нет, значит, не судьба.

Не дожидаясь ответа, он выпрямился и быстро отправился назад.

Я же распласталась на земле, держа в одной руке ремень сумки, а во второй фляжку, и смотрела на небо и звезды. Неужели мне удалось? Поверить не могу...

Мне предстоит начать всё с нуля. Я снова без вещей, припасов, музыкального инструмента и денег. Припрятанные золотые хранились на совсем уж черный день, когда никакого иного выхода не останется. Я опять не знаю, куда идти, что делать, у кого просить помощи. Но здесь я могу не бояться, что кто-то узнает о принадлежности моей матери к одаренным и что я, скорее всего, тоже обладаю магическими способностями. Здесь меня не найдет Гаспар. И пусть я не приняла наследство и титул, не стала графиней, зато не погибла. Живая и невредимая леди Рэмина дас Рези. Пусть пока что под личиной мальчишки-менестреля.

Небо медленно наливалось светом. Солнце просыпалось и будило мир, а я все так же смотрела вверх и ни о чем не думала. Будет день, и будет новая жизнь. Сейчас же мне предстоит путь от предгорьев к людям. Нужно узнать, где я, в какой стране, кто ее населяет.

В закрытом королевстве не продавали карты мира. Считалось, что нам незачем быть в курсе, как всё устроено на оскверненных магией территориях. Поэтому мы знали наши владения, но не имели ни малейшего представления о землях других народов.

Сейчас я была словно малый ребенок. Мне предстоит всему учиться. Как тому, что для всех жителей не Дагры само собой разумеющееся, так и новым сказкам и песням. Это мой хлеб, то, что позволяет выжить. И что-то мне подсказывало – здесь нет жесткой цензуры на то, чтобы в сказочных

историях не было и упоминания о чародействе и магии.

Полагаю, наоборот. Здесь магия и волшебство – это нечто обыденное, и даже дети слушают сказки именно чародейские. А значит, нужно учить их. Просить рассказать их мне у попутчиков и случайных встречных, а когда доберусь до какого-то города, найти библиотеку или книжную лавку. И читать, запоминать, записывать...

Когда стих шум отъезжавшего обоза, который доставил меня сюда, я встала и побрела к дороге. Предгорья с этой стороны мало отличались от точно таких же, но со стороны закрытого королевства. Те же камни, те же скалы, те же растения... Если бы я не знала со слов освободивших меня мужчин, что Дагра осталась позади, то и не поняла бы, что уже на воле.

Кутаясь в плащ, я на ходу хрустела сухариками и отыскивала взглядом ручей или родник, чтобы наполнить флягу водой. Пока дожидалась утра, всё выпила. Наткнувшись наконец на стекающий по скале тонкий ручеек, убегающий в маленькую каменную чашу и потом под землю, ужасно обрадовалась. Не только напилась и наполнила флягу, но и умылась, и волосы намочила.

А после этого сняла плащ, в котором уже стало жарко, поудобнее перехватила свой багаж и пошла в новую жизнь веселее. В какой-то момент даже поймала себя на том, что улыбаюсь. По-настоящему, а не так, как делала это последние два месяца.

Укатанная дорога, по которой уехал купеческий обоз, ложилась под ноги ровно, шагать было легко. Местность постепенно менялась, пропадали куски скал, трава стала появляться, но ни одного дымка, позволившего бы понять, что впереди люди, видно не было.

Так я и шла до самого вечера, лишь пару раз сделав привалы, чтобы дать отдохнуть ногам и немного подкрепиться. Кроме лепешек и сухарей, иных припасов у меня не осталось, да и те заканчивались. Нужно беречь, потому что добывать себе пропитание сама я не умею.

Ночь провела, забравшись на нагретый за ночь широкий валун с плоской макушкой. Говорят, в горах водятся змеи, и мне совершенно не хотелось встретиться с одной из них. А с рассветом снова двинулась в путь.

На людское поселение наткнулась лишь спустя три дня. Странно на мой взгляд, но вероятно, близость границы с закрытым королевством отпугивала людей. Никто не хотел селиться рядом с теми, для кого ты исчадие зла лишь оттого, что живешь в магическом мире. Ну, это я так думаю, а как уж на самом деле, мне неизвестно.

К окружавшей село ограде я приближалась с опаской, но деваться

было некуда. Припасов не осталось совсем.

– Приветствую, добрые люди, – склонила я голову в вежливом кивке.

Пятеро мужиков перегородили мне дорогу и впились взглядами, внимательно рассматривая.

– И тебе не хворать. Кто таков будешь? – заговорил старший из них, кряжистый бородач. Староста, похоже, если судить по более добротной одежде.

За их спинами стали собираться бабы и любопытные детишки. Но все молчали, предоставив право вести разговор главному среди них.

– Путник я, добрые люди. Менестрель странствующий.

Я улыбнулась и подмигнула хорошенькой черноволосой девчужке лет семи с торчащими в разные стороны косичками, выглядывавшей из-за материнской юбки. Девчонка засмущалась, прыснула смешинками и отвернулась. Но взглядом косила в мою сторону. Ведь интерес-но же.

– И как же тебя, менестрель странствующий, занесло в такую даль? – переглянувшись со стоящими рядом мужиками, спросил глава.

– Так ведь сами знаете, нас ноги да голос кормят. Ноги несут по миру, словно лист на ветру, а голосом на пропитание себе зарабатываем. Я и вам спою, коли позволите. А взамен попрошу немного припасов в путь. Я бы и сыграл вам, да только погибла моя гитара, а на новую еще заработать предстоит.

– А я тебе дам гитару, – подал голос из толпы мужчина средних лет. – Коли не врешь, что менестрель, то сыграешь. Вот мы и проверим...

Староста обернулся и зыркнул на влезшего в разговор односельчанина, но одергивать не стал.

– Так что, люди добрые? Накормите менестреля в обмен на песни и сказки? – удерживая на лице привычную, профессиональную уже улыбку, спросила я.

– Да отстаньте вы от мальчишки, – шагнула вдруг вперед крупная миловидная женщина. – Тощий, смотреть больно. И в чем дух только держится. Поест, а там и споет вам.

Ее поддержали другие сердобольные бабы, а моя заступница повелительно махнула рукой:

– Иди за мной. Кашей тебя угощу, с утра варила, еще теплая должна быть.

Накормили меня, напоили, гитару вручили. И я честно до самого вечера развлекала селян песнями, музыкой и сказками. Последние особенно понравились малышне. Они меня облепили со всех сторон, с детской непосредственностью отодвинув взрослых, и требовательно

дергали за рукав:

– Рэми, а еще? Ну Расскажи-и-и!

Я решила в новой жизни вернуть свое короткое имя – Рэми. Так меня звали родители и нянюшка в детстве. В конце концов, имена Рэм и Рэми очень похожи, но второе мне привычнее и милее.

У взрослых была работа, так что они то уходили, то возвращались, а дети так рядом со мной весь остаток дня и провели. Родители их даже на обед выгнать не смогли. В итоге мы все одной дружной толпой жевали бутерброды, которые выдали нам матушки ошалевших от счастья мальчишек и девчонок. И запивали... молоком. Детям было смешно, что менестрель пьет не вино, а как и они – молоко. А вот бабы принялись меня жалеть: «Уж больно худющий пацан... И малолетка ведь совсем, еще не дорос до вина даже, а уже странствует по дорогам в одиночку».

К ночи, когда все устали и разбрелись по домам, ко мне подсел староста. Я всё же угадала, именно он со мной первым заговорил.

– Ну и куда-то путь дальше держать будешь? – поинтересовался он.

– Да в город надо. Гитары-то я лишился. И подзаработать хочу, и купить новый инструмент, – покосилась я на него.

– Ну-ну, – хмыкнул он и добавил, заставив замереть от страха: – Деньги-то остались вашенские, дагровские? Поменять?

– Почему вы... – сглотнув, начала я.

– Да уж не совсем мы дураки. Думаешь, ты первый, кто сумел выбраться на волю? Всяко бывало за годы-то. Хоть и очень редко, а все ж кому из ваших случалось живым к нам попасть. Ты хоть знаешь, где находишься? Как королевство наше называется? Какой город на пути?

У меня опустились плечи, и я уныло покачала головой.

– От чего бежал-то, Рэми? То, что ты сирота, это понятно. И из благородных, это я тоже вижу. Натворил чегось? Или жизнь спасал? Или... одаренный?

– Жизнь спасал, – ответила я полуправдой.

– Нелегко тебе придется, – почесал он бороду. – Вы ж оттудова выходите – словно дети малые. Самых простых вещей не разумеете. Ты-то еще ребенок, можно списать на то, что убёг из родительского дома, потому ничего о мире не знаешь. А каково взрослым мужикам?

– И что же мне делать? – вздохнула я.

– В город иди, Рэми. Карту покупай. Коли из благородных, значит, грамоте обучен. Слушай поболее, примечай привычки местных. Сказки наши учи. Я ж послушал тебя, все истории твои – ненашенские. Сказки закрытого королевства ты нам рассказывал.

– Это плохо? – напряглась я.

– Дык... – Староста задумался, а потом хмыкнул: – Знаешь, менестрель, а сделай-ка ты их своим коронным номером. Нашенские учи и песни, и сказки. Ваши – на сладкое оставляй. Мол, люди дорогие, а теперича я вам расскажу то, чего вы никогда раньше не слышали – сказки закрытого королевства.

– А не опасно?

– Ну так ты легенду придумай, откедова знаешь их. Ну там няньки, бабки, тётки рассказывали, когда ты малым был. А их кто обучал, про то тебе неведомо, померли все, сирота ты. Карту изучи, выбери какое место, узнай про него, да всем и сказывай, что родом ты оттудова.

Вот так, слово за слово, я и узнала, что нахожусь сейчас в королевстве Дагарра. Судя по схожести названия с Дагрой, когда-то давным-давно были эти территории единым целым, но потом что-то произошло.

Живут тут в основном люди, вдоль гор есть поселения гномов, которые добывают в шахтах «всякое разное». Чем дальше к центру Дагарры, тем вероятнее встретить представителей прочих народов: и эльфы попадают, и драконы, случается, прилетают по своим чешуйчатым делам. Что уж тут забыли эти огромные зверюги, никто не знает. Так-то они другие страны не жалуют, всё у себя сидят. А вот оборотней почти нет, редкие они гости в Дагарре.

– А разве драконы не оборотни? – уточнила я. – Ведь они тоже в людей оборачиваются. Да?

– Ты, Рэми, смотри где не ляпни это в присутствии дракона, – аж подавился воздухом от моего вопроса староста. – Он тебе живо голову откусит. **Драконы** они, не оборотни. Последние-то в волков, рысей или медведей перекидываются, а жить стараются поближе к лесам. В городах их звериной натуре поди тесно.

– А драконы?

– А драконье королевство ох и далеко отсюда, только они сами к нам и прилетают на крылах своих. Сказывают, города у них там, всё как у людей – дома, улицы. Маги они могучие, так что проблем не знают.

– Вот бы посмотреть... – мечтательно выдохнула я.

– Эк ты загнул, – усмехнулся мужчина. – Хотя какие твои годы. Мож, когда и доберешься, если не осядешь где.

– А вы когда-нибудь сами видели драконов? Какие они?

– Я в небе видел пролетавшего... Сам еще мальцом был, вот как ты примерно, но и теперича помню... Тень от него по земле стелилась,

раскинутые два крыла́, хвост длинный...

Мы помолчали. Я пыталась представить чешуйчатого крылатого зверя. Староста предавался воспоминаниям...

– Спасибо вам за помощь, господин хороший. За слова мудрые, объяснение и совет добрый, – серьезно взглянула я на своего собеседника, нарушая тишину.

– Да чё уж, – отмахнулся он. – На сынка ты моего младшего похож. Помер он пять лет назад от лихорадки. Вот, считай, помянул я его делом добрым, помог чужому ребенку, а там, может, Неумолимая зачтет мои деяния сынку на пользу.

– Соболезную... Скажите, а вы тоже веруете в Неумолимую? Только в нее?

– Да кто ж в Неумолимую не верует? Как-никак богиня смерти. Все к ней придем однажды... Остальные-то боги за другое отвечают, но поклоняемся каждому из них, а как же. Со всем нашим уважением и благодарностью за милости.

Уходила я из селения утром. Мне дали с собой припасов и множество добрых напутствий. А староста все же поменял мои жалкие медяки и два серебряных на аналогичные местные. Денежная система у них та же, только, само собой, монарх отчеканен другой. А монетки Дагры, сказал, у наших купцов потратит. Все равно же мимо поедут в обратную сторону.

Глава 7

Дорога до первого города Дагарры у меня заняла около двух недель. Большую часть расстояния приходилось преодолевать пешком, но случалось, уговаривала взять меня в попутчики проезжающих мимо крестьян или ремесленников. Вид у меня безобидный, одета скромно, разговаривала я вежливо, улыбалась и обещала повеселить в пути беседой или песенкой, так что пускали меня на телеги охотно и платы никакой не требовали.

Ночевала под открытым небом, либо, если задерживалась в каком селении, просилась на сеновал или угол в доме, хотя бы и на полу. Деньгами, само собой, разжиться за всё это время не удалось, но вот припасы мне в обмен на сказки и песни давали достаточно охотно. Скучно людям, а тут хоть какое, но развлечение. Да и жалели меня, это я видела по глазам своих слушателей. Бабы на меня смотрели с сочувствием и невольно своих детей гладили по головам. Видать, им такой судьбы не желали. Мужики поджимали губы, молчали, но никто не пытался обидеть.

А я всё шла и не могла поверить своей везучести. Ну не может быть такого, чтобы всё так легко удавалось. Не верю! Что-то явно мне помогало, но что? Мама благословила и наложила какое-то заклинание удачи? Богиня за мной приглядывает? Может, амулет личины, который я ношу, имеет побочный эффект? Я ведь ничего не знаю про магию, а вдруг он не только облик меняет, но и помогает?

И к слову, а на какой срок его еще хватит? Мама рассказывала, что все чары нужно подпитывать силой. Заряжать, как она говорила. И на какое же количество дней, недель или месяцев хватит зарядки в моем амулете?

Я отдавала себе отчет, что будь я в своем настоящем облике – молоденькой красивой девушки, так просто не смогла бы преодолеть тяготы путешествия. Это мальчишка никому не нужен, а вот девица... А значит, когда уберусь как можно дальше от границы с Дагрой и попаду в большой город, не помешает отыскать мага и попросить консультации. Но сначала – заработать денег на новую гитару. Уж с ней я наберу и на оплату услуг мага. Вряд ли они стоят дешево... На крайний случай, придется выпороть один из золотых. И в первую очередь поменять его на местные деньги.

С другой стороны, Дагра и Дагарра расположены совсем рядом. Стоит ли сейчас светить то, что я ношу амулет личины? Я ведь планирую

убраться как можно дальше от родины, а что, если вмешательство постороннего чародея нарушит работу моего амулета? Как тогда быть? Ведь не зря мама предупреждала, что сейчас он невидим для всех. Сломает еще ненароком его маг, пытаюсь разобраться в хитростях чужих заклинаний...

Город, в который я наконец-то добралась, ничем особенным не удивил. На вид – всё как у нас... у них... в Дагре. Те же дома, улицы и площади, те же люди. Если не знать, что тут магия не под запретом, то так сразу и не поймешь, в чем разница.

Лишь когда я начала приглядываться и выискивать отличия, стала замечать амулеты, привешенные у дверей на богатых домах и лавках. И то, что фонари в обеспеченных кварталах светят иначе – не живой огонь, не свет-камни, а какой-то другой источник питал их. Наверное, она, магическая сила.

Я прибыла сюда поутру на телеге, груженной овощами. Меня подобрала семейная пара, которая везла их на продажу. Крестьянка еще и морковку мне выдала, и я весело ею хрустела, слушая об урожае в этом году и о том, что слизни пожрали всю ботву. Кивала в нужных местах, угукала и создавала видимость беседы. В ботве и слизнях я ничего не понимала, но слушателем была хорошим, а бабе ничего больше и не требовалось, она хотела сама поболтать. Муж ее не слушал, надоела трескотня, а тут свободные уши нашлись.

За въезд в городские ворота с нас взяли по два медяка с носа. Как только мы добрались до рынка, я тепло попрощалась с попутчиками, получив на дорожку еще одну морковку, и отправилась осматриваться.

Мне требовалось многое, и потому сначала нужно было разобраться, что где расположено. К обеду ноги гудели от усталости, но я нашла и музыкальную лавку, и книжную, и одежду. Отыскала и общественную баню для народа победнее. Слава богам, здесь тоже практиковали общую помывку, иначе и не знаю, что бы я делала.

Вот с нее и начала. Моя дорожная одежда стала абсолютно неприглядной за эти дни скитаний по дорогам, выглядела я сущим бродягой, плюс грязные волосы и общий несвежий вид.

– Куда?! – недовольно рыкнул на меня банщик, принимающий деньги, когда я попыталась оплатить услуги.

– Помыться... – опешила я от вопроса.

– Дуракам ясно, что помыться. С насекомыми не пускаем!

– Да к-как в-вы?.. У м-меня н-нет... – Я аж заикаться начала от

предположения, что у меня вши, и именно поэтому меня не хотят пускать в общественное место.

– Тогда покажь амулет от насекомых! – прищурился мужик. – Нету? Вот и проваливай!

– Н-но...

Я как рыба открывала и закрывала рот, глотая воздух и не находя слов. Амулет от насекомых? Что это вообще? Где его брать? Как он выглядит? И потом, у меня нет вшей! До такого я бы не опустилась.

– Что, милок, не знаешь, где купить? – подергал меня сзади за рукав сгорбленный опрятный старик, стоявший за мной.

Я обернулась и растеряннo моргнула, всё еще пытаюсь принять ситуацию.

– Как выйдешь, налево через две улицы лавка. Там все эти амулеты и продаются.

– «Все эти»? – захлопала я глазами.

– От насекомых и прочие...

Ошалело поблагодарив дедушку за подсказку, я вышла на улицу и побрела в нужном направлении. С ума сойти! Амулет от насекомых... Да еще какие-то неведомые «прочие».

Нужное место я отыскала быстро, вошла внутрь и снова впала в ступор. Я же совершенно не разбираюсь во всех этих магических вещах.

– Что желаете, юноша? – подошел ко мне лавочник.

Ну озвучила, дико стесняясь. Но, похоже, данная вещь нечто настолько обыденное в этом новом для меня мире, что торговец ничуть не удивился. Совершенно спокойно продемонстрировал мне несколько разных вариантов: браслет, кольцо, серьга, брошь... И металлы разные – медные, подороже серебряные, дорогие золотые.

Я купила самую дешевую медную булавку. Заплатила за нее еще две мелкие монетки из своих скудных запасов и вышла на улицу, где последовала совету лавочника. Сначала пристегнула ее на сумку и выждала некоторое время. Ни одной букашки из моей сумки не выползло, и я с чистой совестью переместила амулет на ворот рубашки. Постояла еще минут пятнадцать, жутко опасаясь почувствовать шевеление в волосах или увидеть вдруг разбегающихся с меня в разные стороны блох, вшей или еще какой пакости. Но нет, как я и говорила банщику, со мной всё в порядке. Пусть я и бродяжничаю последнее время, но все же чистоплотность соблюдаю.

Назад я возвращалась с решительным выражением на лице. Вот пусть только попробуют опять не позволить мне пройти! Обошлось. Амулет,

прицепленный на видное место, удовлетворил, так что взяли положенную оплату и ни слова не сказали.

В бане я не только помылась, но и тщательно постирала всю одежду, в которой ходила эти дни. Переоделась во все чистое, мокрые вещи сложила в сумку, решив высушить их позднее, и отправилась за гитарой.

За нее (тоже бывшую в употреблении, еще более старую, чем у меня была до того) пришлось отдать последние имеющиеся у меня монеты. Если я сегодня не заработаю хоть немного, то придется выпарывать один из золотых.

Ни в одном трактире договориться о выступлении не удалось. Меня с пренебрежением слушали, оглядывали мою обветшавшую за время странствий одежду и выгоняли взащей. Хорошо хоть не пытались ударить или толкнуть...

Совершенно отчаявшись, поскольку приближался вечер, а я так и не нашла себе хоть какой-то приют, я решительно стала удаляться из чистенького центра города в сторону менее благополучных кварталов. Деваться некуда, нужно хоть куда-то приткнуться, а потом уезжать из этого недружелюбного города.

Добравшись до предположительно нужного места, я решительно подошла к шлюхе, подпиравшей стенку, и спросила:

– Где у вас тут самый приличный бордель?

– Чё? – расхохоталась разбитная девка, широко разевая рот и демонстрируя почерневшие зубы. – А не мал ты для приличного борделя? Да и не потянешь...

– Не твоя забота, красавица, – криво улыбнулась я. – Я ж не бабу снимать, на ваши услуги у меня и правда нет денег. Наоборот, подзаработать хочу хоть немного.

Она тут же перестала смеяться и брезгливо скривилась:

– Извращенцы в этом квартале не появляются.

– Да менестрель я! Менестрель! Петь хочу, деньги нужны очень, – закатила я глаза. Обижаться или злиться у меня уже не осталось сил.

– Ах менестре-е-ель... – Она поджала губы и взглянула на меня иначе.

– Помоги, а? – попросила я. – Целый день не ел, а ни в один трактир не пустили, чтобы хотя бы на ужин заработать. Ну будь человеком, подскажи.

Девушка вздохнула, и уголки ее губ скорбно опустились. Видать, самой знакома ситуация, когда нет денег даже на еду.

– Иди к госпоже Урсуле, – махнула местная обитательница наконец,

указывая дальше по улице. – Ищи двухэтажный дом с красными шторами и балконом. Может, и пустит она тебя.

– Благодарю, красавица. – Я поклонилась ей, поправила гитару на плече и побрела в нужную сторону, прижимаясь к стенам домов, чтобы не привлекать лишнего внимания сброда, уже выползавшего на улицу.

С хозяйкой борделя договориться удалось довольно быстро. У меня уже имелся опыт выступлений в подобных местах, поэтому я знала, как себя вести, чего просить, от чего категорически отказываться. Так что и сейчас мои условия я озвучила коротко и внятно:

– Выступаю до рассвета, потом отсыпаюсь там, где выделите угол. С вас ужин и завтрак или обед, как проснусь. Днем уйду, глаза мозолить не буду. Вечером могу снова вернуться. Ночи три выступлений вас устроит, госпожа Урсула?

– Меня-то устроит, – усмехнулась пышногрудая рыжая женщина в вульгарном красном платье и в дорогих серьгах с рубинами. – А ты не боишься, что заинтересуешь кого-то из клиентов больше, чем мои девочки? Очень уж ты смазливый.

– Это легко решается, госпожа, – привычно растянула я губы в улыбке. – Вы мне выдадите одну маску из тех, что у вас забывают стеснительные клиенты.

– О как! – взлетели ее тонко выщипанные зачерненные брови. – Имеется опыт?

Отвечать я не стала, и так всё ясно.

Ужином меня накормили, после чего я, повязав черную маску, скрывающую большую часть лица, пела и играла на гитаре в холле сначала для шлюх, которые сидели там в ожидании клиентов. А позднее, когда стали подтягиваться жаждущие утех мужчины, то уже для всех. Когда все разбрелись по комнатам, меня проводили в какой-то чулан, кивнули на тюфяк, прислоненный к стене, и оставили в одиночестве. Так я провела трое суток. Отоспавшись и поев, уходила гулять по городу. Возвращалась к вечеру, и всё повторялось.

Днем не только изучала содержимое лавочек с магическими амулетами, но и занималась одним важным делом. Найдя книжный магазин, торчала там, стоя у стеллажей и быстро просматривая местные сказки. Нужно было успеть прочесть и запомнить как можно больше, пока торговец не осознал, что я не просто верчу в руках то одну, то другую книгу, а именно читаю. Деньги у меня появились. Клиенты борделя мне их подкидывали, да и девушки, которым понравилось мое выступление, укладкой совали мелкие монетки, когда не видела госпожа Урсула.

Сама же хозяйка отсыпала мне аж десять серебряных, когда я стала прощаться, сообщив, что собираюсь отправляться дальше в путь.

– Точно не хочешь остаться? – серьезно спросила она. – Мне господа сказали, им понравилось, что я пригласила менестреля. Гляди, а то я и комнату могу выделить, работай.

Поблагодарив, я отказалась и в тот же день покинула этот городок.

Не буду утомлять подробностями своего дальнейшего путешествия по Дагарре. Оно мало чем отличалось от всего, что уже было. Где пешком, где с попутчиками, ночуя то на сеновале, если пускали, то под открытым небом, то на конюшне в убогих тавернах и трактирах. Оплатить комнату мне было нечем, купить новую одежду тоже не на что. Заработать почти не удавалось. То ли сказывалась близость к закрытому королевству и общий недружелюбный настрой жителей Дагарры, то ли мой потрепанный и изможденный вид отталкивал потенциальных слушателей и плательщиков. Даже улыбка и гитара за плечом не внушали симпатии ко мне.

К тому же наступила осень, периодически заряжали противные нудные дожди, и тогда становилось совсем уж печально. Унылая погода и людей делала такими же унылыми.

Для себя я решила, что сначала пересеку Дагарру, уйду как можно дальше от Дагры, чтобы ничто не напоминало о ней, и тогда попробую решить, что же мне делать дальше. Провести всю жизнь под личиной мальчишки-менестреля в мои планы не входило. Да и не выдержу. Те месяцы, которые я уже провела в скитаниях, вымотали меня до предела. Не осталось никаких сил, ни моральных, ни физических.

Да, я уже более-менее освоилась в новой для себя реальности, изучила, в целом, быт местного населения и то, к чему они привыкли. Но, тем не менее, почти каждый день открывала для себя что-то новое.

Входила я в ворота последнего крупного города Дагарры с мрачным выражением лица. Тут я планировала задержаться на несколько дней, подыскать попутчиков и выехать в соседнее королевство. Вряд ли оно сильно отличается от этого, но, как рассказывали, там гораздо больше нелюдей. Не знаю, хорошо ли это, но терять мне нечего. Хотя староста в первом селении, которое я встретила после пересечения границы с Дагрой, говорил, что чем ближе к центру страны, тем больше вероятность встретить эльфов или даже драконов, мне таковые не попадались. Может, я не там шла и не в тех заведениях устраивалась на ночевки, но ни одного эльфа я так и не увидела. И уж тем более – дракона.

Уже почти стемнело, когда я опустила в кружку два медяка, оплачивая проход в город и ступая в его пределы. Стражники на меня даже не взглянули. Ну плетется грязный худой пацан с обшарпанной гитарой и тощей сумкой, ну кутается в потрепанный плащ и еле передвигает ноги в разбитых сапогах, облепленных грязью... Главное, что заплатил пошлину, а дальше их не касается...

Я понимала, что в таком виде меня ни в один приличный трактир не пустят, поэтому брела, отыскивая взглядом что-то попроще. Не совсем уж приют для отребья, но и не благополучное место. Там мне пока делать нечего...

Как оказалось, я слишком расслабилась. Не знаю, отчего потеряла бдительность, но поплатилась за это очень быстро. Из тени ко мне шагнули двое... А дальше я получила мощный удар в лицо, потом в живот и улетела в грязную лужу на разбитой мостовой. Я и понятия ничего не успела, только почувствовала рывок и лишилась своего и так скудного скарба.

Грабители даже не посчитали нужным угрожать, просто сорвали сумку и намеревались уже обыскать меня, но, на мою удачу, их спугнули тяжелые шаги и бряканье оружия.

Бандиты переглянулись, это я увидела при свете луны, кивнули друг другу и растворились в темноте, как будто их и не было. А я так и осталась лежать на мостовой, придавив спиной гитару. Или, что гораздо более вероятно, обломки гитары...

Губам было горячо, похоже, разбили в кровь. Но хоть нос и челюсть не сломали, а ведь могли. Много ли нужно моим хрупким костям? Живот ныл от удара, и дышать получалось через раз. Интересно, отбили мне внутренности или повезло, отделаюсь синяками?

Сил встать у меня не было.

Всё, не могу больше!

Ночную тишину разрезал каркающий надрывный смех, и не сразу пришло осознание, что это смеюсь я. Ты думала, что достигла дна, Рэмина дас Рези?

О нет! Тебе только казалось, что ты на дне. А вот, смотри-ка, снизу постучались. Я смеялась, глядя в свинцовое хмурое небо и на краешек луны, выглядывающей из-за тучи. Хохотала, чувствуя, как из глаз льются горячие слезы.

Не. Могу. Больше!

Не знаю, сколько продолжалась моя истерика, но прекратилась она так же внезапно, как и началась. Да и заледенела я совсем, лежа в холодной

грязной воде.

С трудом встав, я оглядела себя, снова закинула лицо к небу и постояла, закрыв глаза.

Сейчас меня не пустят даже на сеновал или конюшню. Грязный оборвыш – вот кем я выгляжу. Но, тем не менее, надо найти сухое теплое место, иначе я за ночь простыну и заболēju, поскольку переодеться мне не во что. Вся одежда осталась в сумке. Это еще счастье, что я носила последнее время свет-камень и кинжал на поясе. Да и тощий кошелек, в котором печально брякало несколько медяков.

Ну что ж, значит, Рэми, сегодня ты приобретешь еще один опыт выживания. Нужно пробраться куда-то и заночевать так, чтобы хозяева тебя не увидели и не выгнали.

Сделав три глубоких вдоха и выдоха, я распахнула глаза и решительно двинулась вперед. Не сдамся! Ни за что! Не знаю пока, что делать дальше, подумаю об этом чуть позднее, но не сдамся!

И я шла, внимательно рассматривая покосившиеся обшарпанные дома по сторонам улицы. В какой-то момент остановилась, услышав бряканье цепи и тихий собачий гавк. Похоже, у кого-то из жителей этого неблагополучного района возле дома на цепи сидит дворовый пес.

Не знаю, что меня толкнуло в ту сторону. Отчаяние, вероятно, ничем иным я объяснить свой поступок не могу. Но я медленно приблизилась к убогой лачуге, откуда донеслись эти звуки, и замерла, вглядываясь в темноту. Точно, рядом с крыльцом стояла кособокая конура. Кто бы ни был хозяином этого старого жилья, но свою животину он по-своему любил, соорудив для нее довольно просторную будку. Ну или же она крупная, в маленькую не поместится.

– Привет, – прошептала я, заметив, что из темноты на меня смотрят глаза. Отблеск луны скользнул так, что отразился в них, иначе бы не заметила.

Собака тяжело, совсем по-человечески вздохнула и нехотя выбралась наружу, гремя цепью.

– Холодно, да? – все так же шепотом спросила я и погладила по спине подошедшего ко мне худого пса со свалывшейся шерстью.

Он вяло вильнул хвостом и обнюхал меня, не проявляя агрессии, а я...

– Пустишь погреться?

Не иначе, у меня рассудок помутился от нервного срыва. Ну согласитесь, графской дочке, выросшей в роскоши и любви, и в голову бы не пришло просить о гостеприимстве старого цепного пса, живущего в

будке у нищего домика. А мне пришло...

– Я посплю сегодня с тобой?

Он будто понял меня. Снова печально вздохнул и побрел к своему укрытию, припадая на одну лапу. Остановился у входа, вновь мотнул хвостом и оглянулся.

И я решилась. Приблизилась, присела на корточки и вопросительно взглянула. А потом согнулась в три погибели и полезла внутрь, предварительно сняв со спины гитару, которую так и не осмотрела. Ее я прислонила сбоку к будке. Нечего уже терять...

Эту ночь мы с пожалевшей меня собакой провели бок о бок. Я у дальней стенки, свернувшись калачиком, а горячий худой зверь прижался ко мне боком, позволяя не замерзнуть и дотянуть до утра.

А как рассвело, я обняла моего спасителя на прощанье, погладила по умной грустной морде с глазами, вселившими в себя всю скорбь мира, и ушла.

Глава 8

Этим промозглым утром я была самым ранним и единственным посетителем убогой общественной бани, первой, на которую наткнулась в этих трущобах. На банщика, открывшего было рот, когда он увидел, насколько я выпачкана, глянула так, что он поперхнулся несказанной фразой и молча выдал мне банные принадлежности. С остервенением отмывалась, рассматривая огромный синяк на животе и стараясь не задевать разбитые губы. С мрачной решимостью здесь же стирала свои изгвазданные потертые вещи и отчищала от налипшей грязи сапоги. Нахмурившись, бережно оттирала треснувшую после падения на землю гитару. С непримиримым выражением лица сидела в жарко натопленной сушильне, закутавшись в драную серую простыню, ожидая, пока всё просохнет. И сама заодно отогревалась после ночи на улице. На прачек, которые возмутились, что я отбираю у них хлеб, и попытались выгнать, так зыркнула исподлобья, что они в момент от меня отстали. Только бурчали недовольно, поглядывая искоса, но приближаться ко мне больше не рисковали.

Плевать. Мне уже на всё плевать. Я больше не могу быть милой, покладистой, улыбчивой, услужливой и пытаться приспособиться. Если я не одержу победу над обстоятельствами, они победят меня.

Так что, как только мои вещи просохли, я натянула их и направилась к центру города. Мне нужен банк. Гномам нет дела до того, в каком королевстве отекают деньги. Мне необходимо разменять один из золотых, припрятанных на черные дни. Вот и наступил такой день.

Хмуро вошла я в местное отделение Гномьего банка, так же хмуро осмотрелась и, печатая шаг, подошла к одному из коротышек.

– Мне требуется размен. У кого и в каком помещении? – сразу озвучила требуемое.

Черноволосый пузатый гном с ухоженной бородой внимательно оглядел меня, но вопросов задавать не стал. За что все ценят этот народ, так это за то, что для них деловые отношения – это деловые отношения. Даже если клиент придет к ним голым и с монетами за щекой, его и тогда обслужат. Снимут требуемую сумму с его счета, если таковой имеется, лишь сверят сначала ауру со своими хранилищами данных. Или примут деньги и пополнят счет. Или, как в моем случае, разменяют на монеты большего или меньшего достоинства. Возьмут плату за свои услуги и,

вежливо прощаясь, пригласят снова к ним заходить. И никакого пренебрежения или, наоборот, попытки лебезить вы от гнома не дождетесь. Всё строго по делу.

Служащий банка приглашающе повел рукой и сопровождал меня в отдельную каморку, где за закрытой дверью уточнил:

– Монеты какого достоинства вы желаете разменять, господин, и на какие?

– Один золотой на серебряные и медные, – сухо сообщила я.

Присела на стул для посетителей, стащила сапог и под ничуть не удивленным взглядом собеседника выковыряла из-под изношенной стельки блестящий золотой кругляш. Положила его на стол и обулась.

– Желаете открыть счет? Или получить часть денег векселем? Или, может, открыть ячейку для хранения? – деловито уточнил гном, тщательно проверив монету. Причем его совершенно не смутил отчеканенный на ней профиль монарха закрытого королевства.

А когда я отказалась, открыл специальным амулетом, висевшим у него на шее, сейф в стене и вытащил оттуда три мешочка. В один спрятал мой золотой, из оставшихся принялся отсчитывать нужное количество серебряных и медяков. Лишь уточнил, сколько каких. Покончив с разменом, отодвинул в сторону комиссию банка, убедившись, что я вижу сумму и понимаю, что меня не обманывают.

– Всегда рады видеть вас клиентом Гномьего банка, – привычно сообщил он мне, покончив с разменом, спрятав мешочки обратно в сейф и закрыв его с помощью амулета. – Желаете что-нибудь еще?

– Где я могу уединиться на пару минут? – кивнув, поинтересовалась я.

Это для гномов тоже было делом обычным. Понятно ведь, что никто не хочет выходить с большой суммой в руках. Ее нужно спрятать на теле, или в вещах, или в кошельке так, чтобы никто не видел.

– Я оставлю вас и подожду у выхода, – степенно поклонившись, он вышел из комнатки.

Мне же пришлось снять куртку и свитер, расстегнуть рубашку и основную часть серебра упрятать в нательный пояс, разложив монетки тонким ровным слоем. В кошелек ссыпала медяки и лишь несколько серебряных на первое время.

Снова одевшись, я вышла, попрощалась и покинула отделение Гномьего банка.

Теперь – новая одежда и обувь. Простая, неприметная, но добротная и приличная. Я должна выглядеть как скромная, но достойная бедность, а не

как нищета в обносках. И сделать это нужно быстрее, пока не стемнело и не закрылись лавки.

Перекусила на ходу, купив у уличной торговли несколько пирожков с капустой. Запила студеной водой из фонтана и там же наполнила свою флягу. Найдя лавки готовой одежды и обу-ви, приобрела новые вещи. Два темных дорожных комплекта и один попримечнее – для выступлений, как советовал мне когда-то давно господин Дюзан. Белье, прочные сапоги на смену прохудившимся и разбитым, в которых начинала свой путь от стен родного замка. Фетровую шляпу с широкими полями. Похолодало, постоянно моросило, и она мне явно пригодится. И новый плащ. Над ним еще предстоит поработать, чтобы вшить в подкладку монеты, которые сначала нужно будет выпороть из старого.

Кстати, об этом. Швейные принадлежности мне тоже необходимы. Прежние сгинули вместе с сумкой. Нитки, иголки, витой шнур... Последний – чтобы украсить костюм, в котором буду давать представления для публики. Как любая аристократка, я прекрасно владею иглой, могу и вышивку сделать, и бисером расшить кайму или ворот.

Последний на сегодня мой поход был в магазин музыкальных инструментов. Люди, оказывается, более живучи, чем эти хрупкие предметы.

– Приветствую, господин, – пройдя к прилавку, я выложила на него свою треснувшую гитару. – Мне нужна замена ей. Что вы можете предложить?

Худощавый высокий торговец с вытянутыми вверх ушами и чуть раскосыми большими глазами взял гитару в руки, повертел, рассматривая ущерб. После чего спокойно взглянул мне в лицо. Я ожидала... не знаю, резких презрительных слов, возможно, учитывая, что губы разбиты, одежда все еще обветшавшая, а потому свела брови и вздернула подбородок, невольно выпрямляя спину.

Думаю, если бы услышала сейчас что-то оскорбительное, то сорвалась бы и нагубила. Я – графиня дас Рези! Потомственная аристократка! И неважно, что сейчас выгляжу как бродяжка.

– Я бы порекомендовал вам приобрести зачарованный инструмент, юноша, – негромко произнес торговец, положив мою разбитую гитару обратно на стойку. – У него и звучание будет чище, и падения не страшны. Ведь в пути может случиться всякое.

Не услышав невольно ожидаемых нападок, я сдулась и уже спокойнее спросила:

– Зачарованный дорого будет стоить?

– Всё зависит от количества наложенных заклинаний и их силы. Вам бы я предложил... – Он поднял голову и задумчиво осмотрел свою лавку. – Пожалуй, вот это подошло бы идеально, если только...

Обогнув прилавок, мужчина прошел в зал и снял со стены темно-коричневую небольшую гитару. Она по размеру оказалась меньше, чем две моих предыдущих, но выглядела вполне привычно, ничего лишнего я на ней не нашла. А где же спрятан амулет? Или зачарован сам корпус?

– Здесь заклинания наложены на корпус, – озвучил мои догадки лавочник, поднося инструмент ко мне и демонстрируя. – Кроме того, струны износостойкие. Чистейший звук, полагаю. Ей не страшны вода и случайные падения. Разумеется, если попытаться ее разрубить или специально бить ею обо что-то твердое, она не выдержит. Но в целом, для странствующего музыканта – это оптимальный вариант. Есть только одна небольшая сложность, – пожевал он губами.

– Цена? – понятиливо вздохнула я.

– Мм-м, не совсем. Видите ли, юноша, такие инструменты редкость. Нет, не потому что они звучат как-то волшебно или выполнены из каких-то особенно дорогих материалов. Как видите, здесь нет никаких украшений, позолоты или инкрустации, да и лак потемнел и потускнел. Но вот этот конкретный я не могу продать уже лет двадцать, пожалуй.

У меня взметнулись брови, и я вполне резонно предположила, что не потяну настолько дорогую вещь, что ее никто не в состоянии купить уже два десятка лет.

– И в чем подвох?

– Возьмите и проверьте звучание, – попросил вдруг лавочник и бережно вложил в мои руки гитару.

Я нервно вцепилась в нее, испугавшись, что если вдруг уроню или испорчу, то мне придется оплатить ущерб.

– Не бойтесь, – дрогнули в улыбке губы странного лавочника. – Попробуйте сыграть любую мелодию. Какая вам особенно мила?

На мгновение прикрыв глаза, я вздохнула и бережно прикоснулась пальцами к струнам. Печальный протяжный звук разрезал тишину, и я заиграла свою любимую мелодию. Ту, которую часто исполняла вместе с мамой, а папа слушал нас, сидя у камина.

Музыка лилась, заполнив собой помещение, а я... плакала. Слезы стекали по щекам, срывались вниз и капали на темную лаковую поверхность.

Как давно это было... В прошлой жизни, которую уже не вернуть.

– Я рад, что не ошибся, молодой человек, – заговорил продавец, когда я доиграла. – Вы с ней созданы друг для друга.

– Я... купил бы ее, если это не слишком дорого, – сглотнув ком в горле и неловко вытерев рукавом мокрые щеки, проговорила я. Взглянуть на собеседника мне было стыдно. Я ведь сейчас мальчишка, а позволила себе такую слабость.

– Видите ли, юноша, такие инструменты – наследие сидхе. Этот народ уже не живет среди нас, и лишь редкие вещицы, оставшиеся после его ухода, блуждают по миру и ищут себе новых хозяев. Такие предметы поддаются не каждому. Им требуется... созвучие души, назовем это так. В моих руках эта гитара мертва и не звучит. Совсем. Так же как и в руках многих-многих других людей и нелюдей, которые готовы были ее купить. Не верите? – правильно понял он мой изумленный взгляд.

С улыбкой забрал у меня из рук гитару и заиграл. Я видела, он делает всё правильно, но...

– Хватит! – не выдержала я, заткнув уши.

– Вот именно об этом я и говорил, – перестал издавать кошмарные звуки лавочник. – Покупаете?

– Вы так и не сказали цену, – не отрывая взгляда от загадочной старинной вещицы, проговорила я.

Сколько же ей лет? Больше двух десятков она провела только в этой лавке, а даже это дольше, чем я живу на свете.

Улыбаясь, словно он ужасно чем-то доволен, хозяин лавки назвал цену, крайне удивив меня. Всего-то? Я думала, что он попросит как минимум золотой, а то и два. А мне даже не пришлось вытаскивать из нательного пояса припрятанные серебряные. Хватило тех, что были в кошельке.

– Мне кажется, ты с ней поладишь, – с нежностью погладил он лаковый бок гитары. – Она тосковала тут долгие годы и будет рада новой жизни. Надеюсь, вы принесете друг другу удачу.

– Вы так говорите, будто она живая, – в недоумении подняла я брови.

– Все вещи, в которые мастер вложил силы, душу и капельку волшебства, живые. Разумеется, не как мы с вами, но... Согласитесь, раз древним поделкам сидхе требуется созвучие души с хозяином, то значит, и у них есть какая-то своя загадочная душа? Хотите приобрести чехол для нее? – тут же без перехода поинтересовался он и вытянул из-под прилавка несколько штук разного размера и цветов.

Купила, конечно... Простой, черный, неприметный.

Уже начало смеркаться, и, помня о прошедшей ночи, я поспешила на

поиски ночлега. Выбрала приличный чистый трактир в этом же квартале. Не богатый центр, но и не трущобы. Здесь, скорее всего, останавливались купцы, путешественники среднего достатка и, возможно, дворяне, желающие остаться инкогнито. Дороговато, конечно, но мне нужна передышка и хотя бы пара дней в нормальных условиях, чтобы снова почувствовать себя человеком, а не отбросом общества.

Перехватив поудобнее свои свертки с вещами (новую дорожную сумку купить не успела), я пересекла зал, встала рядом со стойкой и без приветствия произнесла:

- Комната на два дня. Сколько?
- Ужин и завтрак надо? – оценив мой вид, поинтересовался хозяин.
- Нет, только комната. Еду я оплачу отдельно, когда понадобится.

Отдав названную сумму, забрала ключ и молча ушла на второй этаж. А войдя в небольшую комнату, бросила свертки на стоящую справа узкую кровать, аккуратно сняла с плеча гитару и положила ее туда же, после чего осмотрелась. Ну что ж, вполне прилично. Стекла в окне явно мыли не так давно, покрывало на постели хоть и не новое, но чистое, так же как и наволочка на подушке. Надеюсь, простыня тоже порадует. Пыли нет. Темный узкий платяной шкаф рядом с дверью, стул у окна, у второй стены – узкий комод с выдвижными ящиками. На нем кувшин с водой и медный тазик для умывания. Даже зеркало в наличии, пусть и небольшое, размером с две ладони.

Некоторое время я сидела на постели, бездумно рассматривая мыски своих сапог. Моральное опустошение не давало собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Понятно, что необходимо приобрести дорожные мелочи и новую сумку. Это даже не обсуждается. Неплохо бы карту мира, новую тетрадь или блокнот. Но это всё просто список необходимых покупок и не более.

А вот что по большому счету делать дальше, я пока не понимала. Но точно надо что-то решать и менять ситуацию. Скоро зима, и продолжив вести бродячий образ жизни, я рискую однажды утром не проснуться, так как банально замерзну во сне.

Глубоко вздохнув, я встала и убрала свой новый гардероб в шкаф. Решила сегодня не переодеваться. Потом присела у окна и снова уставилась на улицу невидящим взглядом.

Что. Мне. Делать?

Я не знаю...

Ночь вступала в свои права, накрывая город тьмой. Загорались огни в окнах домов, стоящих дальше по улице. Во дворе трактира слышались

голоса, собирался народ к ужину. Кто поест и найти ночлег, кто выпить и пообщаться. В моей комнатухе тоже стало темно, но мне не хотелось пока ни зажигать свечу, стоящую на подоконнике, ни вынимать из чехла мой светкамень.

Во мгле легче думалось.

Решившись, я вытянула из-за ворота рубашки одну из цепочек. Амулет личины я не трогала и не снимала ни разу за все эти месяцы. Мама предупреждала, что нельзя, во второй раз его активировать не удастся. А вот с тем амулетом, блокирующим магический дар (при условии, что он у меня есть), который я ношу с рождения, вероятно, пора распрощаться. Ведь здесь уже не страшно, что я, возможно, маг.

Стаскивала я его через голову трясущимися руками и с душевным трепетом. Ведь я что-то почую? Произойдут какие-то перемены?

А когда после продолжительного сидения с закрытыми глазами в попытке понять, что стало иначе, я не почувствовала ничего, то едва не разрыдалась. Это был бы мой шанс. Если бы я обладала магическим даром, то можно было бы выучиться, а потом найти свое место в жизни. А тут – ни-че-го. Совсем.

На ужин в общий зал я спускалась в состоянии, близком к отчаянию и жажде убивать одновременно. Ненавидела себя, Гаспара, ситуацию, в которую попала, весь мир в целом. У меня было настолько жуткое выражение лица, что я аж вздрогнула, когда зацепила его краем взгляда в зеркале, выходя из комнаты. Пришлось взять шляпу и нахлобучить ее, пряча от всех свои эмоции.

Нашла дальний темный угол, притулилась у стены, пристроила рядом гитару, которую побоялась оставлять в комнате, и огляделась. Заведение почти заполнилось, большая часть столов уже была занята. Трактирщик за стойкой протирал полотенцем кружки, лишь изредка отвлекаясь, чтобы отдать распоряжения сновавшим по залу служанкам с подносами.

Ко мне вскоре подскочила одна из них и протараторила:

– Тушеная капуста, отварная картошка, курица, гусь, яблочный пирог, грибная похлебка с обеда осталась.

– Похлебку, пирог и кружку горячего молока с медом, – хрипло сделала я заказ.

Я всё же немного простудилась после сегодняшней ночи, горло саднило, и хотя температура не поднялась, самочувствие было неважным.

– Молоко с медом? – опешила от столь странного заказа девица.

– Простыл, горло болит, – без улыбки ответила я и прищурилась. Вот

пусть только попробует ляпнуть что-нибудь. Сегодня я настроена кровожадно.

Вероятно, она прочитала это по моему лицу, потому что лишь заученно улыбнулась и умчалась передавать мой заказ на кухню.

Вскоре мне всё принесли, и я, ни на кого не глядя, поужинала. К тому времени как покончила с трапезой, в трактире было уже не протолкнуться. По-хорошему, не мешало бы спросить разрешения у хозяина заведения и выступить, чтобы восполнить потраченные деньги, но... У меня не было на это сил. Снова изображать веселье, пытаться выглядеть милым и любезным менестрелем, забавлять народ, что-то петь и рассказывать... А горло-то болит.

Нет. Сегодня я не готова развлекать публику.

Но и уходить в свою комнату не спешила. Взяла в руки гитару, погладила ее и тронула струны. Плевать, кто там вокруг. Я хочу сыграть для себя, не для них.

Смежив веки, погрузилась в мир музыки. Мелодия за мелодией... То, что учила, исполняла и любила в своей прошлой жизни. Никаких веселых и разбитных народных мотивов. Только невероятные, берущие за душу, пронзительные ноты. Было бы еще красивее, если бы я играла на рояле, изобретении гномов, около сотни лет назад с обычной для них смекалкой переделавших привычный клавесин^[2], но и так – это было прекрасно.

Уйдя в себя, совершенно забылась и потерялась, стало неважным, где я и кто вокруг. Музицировала, оплакивая свою жизнь. И древний инструмент давно исчезнувшего народа сидхе пел и плакал со мной. А может, я уже и не плакала. Не знаю...

Полностью опустошенная, я остановилась. Вздохнула, выпрямилась, открыла глаза и вздрогнула... В зале стояла гробовая тишина. Не сновали, переговариваясь и отшучиваясь, служанки. Не стучали приборы о тарелки и кружки о столешницы. Никто не беседовал и не смеялся. Все до единого посетители замерли неподвижно и слушали. Даже трактирщик отложил в сторону полотенце, отставил посуду и застыл, облокотившись о стойку локтями. И все они смотрели на меня.

Глава 9

Я смущенно кашлянула, растерявшись от столь пристального внимания и такой неоднозначной реакции. Неловко выбралась из-за стола, держа одной рукой музыкальный инструмент. Второй рукой потянула со стола свою шляпу, которую сняла перед ужином, и так она и лежала всё это время. Уже хотела поднять головной убор и снова вздрогнула. На его доньшке блестели монеты. Как и когда мне успели их накидать, я не слышала и не видела. Но судя по количеству монеток (вперемешку медных и серебряных), мое сегодняшнее выступление никого не оставило равнодушным.

Озадаченно постояла, рассматривая свой неожиданный заработок, после чего повернулась к людям и с достоинством поклонилась. Так, как если бы я была лордом, а они такие же аристократы, ровня мне. После чего в полной тишине, не нарушаемой даже шорохом, пересекла зал и поднялась по лестнице на второй этаж. И лишь когда я уже почти дошла до своей комнаты, внизу раздались первые звуки.

Кто-то из моих слушателей отмер и гулко кашлянул, после чего крикнул и прозвучал звук наливаемого напитка.

Войдя в комнату, я выдохнула и потерла рукой лицо, не зная, хорошо или плохо то, что у меня сейчас случился такой неожиданный концерт и я привлекла к себе внимание. Потом пожала плечами и убрала гитару в угол у окна, чтобы не задеть ее в темноте и не уронить. Но стоило мне зажечь свечу и разобрать постель, как в дверь вежливо постучали.

Открыв, я с удивлением уставилась на трактирщика, мявшегося в коридоре.

– Ты это, парень, если завтра еще захочешь сыграть, то я – за. Только скажи. Я тогда народ заранее предупрежу. Уж больно ты сегодня тронул всех. Аж сердце щемит и душа плачет от твоей музыки, – явно чувствуя себя неловко от этих слов, сообщил он мне. – Так чего? Сыграешь?

Помедлив секунду, я кивнула.

– Вот и хорошо. Ну, я пойду?

У меня взметнулись брови, но я лишь снова кивнула, не произнеся ни слова.

Хозяин заведения, тяжело шагая, достиг лестницы и прямо оттуда, не спускаясь, громко произнес:

– Завтра! Вечером приходите.

Утром я сразу после завтрака ушла в город. Кое-что требовалось докупить, да и новости узнать не мешало бы. Помимо вещей, необходимых в путешествии, я хотела приобрести несколько книг.

Во-первых, сборники сказок. Многие я уже успела выучить, но все же их было недостаточно для полноценных выступлений. А во-вторых...

– Мне нужен учебник магии для детей, – сообщила я хозяину книжной лавки.

– Для какого возраста? – ничуть не удивившись, уточнил он. – Для совсем малышей или для тех, кто уже что-то умеет?

– И тот, и другой, – поразмыслив, приняла я решение. – Еще подробную карту мира. И если есть, что-то о сидхе.

– О сидхе уже давно не осталось никаких точных сведений, – покачал он головой. – Сказки и легенды, да и то люди их устно пересказывают.

– Тогда буду рад, если вы сообщите мне всё, что знаете о них сами, – без тени улыбки попросила я продавца. А чтобы хоть как-то объяснить свой интерес, добавила: – Я купил музыкальный инструмент, сделанный их мастерами. Хотелось бы понять, что это была за раса.

Узнала я немного, вкратце всё сводилось к тому, что чудный народ жил когда-то вместе со всеми в этом мире.

Магия их проявлялась в создании поэзии и музыки, которые давали им власть, иногда невольную, и над стихиями, и над разумом, чувствами и сердцами людей. Пожалуй, про сидхе можно было сказать, что они творили волшебство, касаясь своим творчеством неких невидимых струн мироздания. А вещи, выходявшие из рук мастеров, были волшебными, такими, что становились созвучными душам своих хозяев. Мало их осталось, но и сейчас порой всплывают то тут, то там эти дивные поделки.

Облик сидхе – нечто среднее между человеком и эльфом. Высокие, стройные, гибкие, светловолосые и светлоглазые. Черты лица их ближе к эльфийским, но уши обычные, как у людей, не удлинённые. Все представители этой расы благородны и красивы. Женщины – сказочно прекрасны. Настолько, что мужчины других рас теряли головы зачастую лишь от одного взгляда на них.

Мудр и светел был этот народ, ни с кем не воевал, но и на свои территории никого не пускал. По крайней мере, в этом мире ни одной войны с их участием не было, а как уж в других мирах, где они обитают, неведомо. Дезориентировали путешественников, забредших к их границам, наводили мороки, и нежеланные гости, поплутав, уходили. К людям,

эльфам и гномам сидхе являлись редко, и лишь драконы, говорят, контактировали с ними довольно плотно. Но драконы и сами крайне замкнуты, а потому, правда ли это – никто утверждать не берется.

Однолюбы, навеки верные своей паре. Во время свадебного обряда связывались в единое целое души и судьбы молодоженов. Пусть и вечноживые сидхе, но убить можно кого угодно, а потому случались смерти и среди них. Умирал один, вскоре уходил во владения Неумолимой и другой. Ведь нельзя жить с половиной души.

– Так они все вымерли? – тихо уточнила я, когда лавочник сообщил то небольшое, что знал.

– Нет, юноша, сидхе – вечноживущие. А так как они ни с кем не воевали, то их не уничтожили. Никто не знает, по какой причине они покинули этот мир. Это даже не сразу поняли, учитывая их закрытость. Просто однажды все осознали, что сидхе больше нет рядом с нами. Ушли, а почему, когда и куда?.. – развел он руками.

– А где они жили? Там остались их города? Не могли же они забрать с собой и дома.

– Рядом с драконами. Где-то там, далеко.

На этом я расплатилась и отправилась обратно в трактир. Немного знобило, горло по-прежнему напоминало о ночи в мокрой одежде на улице, поэтому стоило отсидеться в тепле.

Остаток дня я потратила на то, чтобы расшить крученым шнуром удлиненный жилет и брюки темно-зеленого костюма, купленного специально для выступлений. Надену сегодня вечером, раз уж у меня намечается внезапный концерт. Я и рубашку нарядную приобрела, белую. Марко, но красиво. Ее ворот и манжеты тоже нужно будет со временем украсить.

Наконец, решив, что уже пора поужинать и сыграть людям, я переоделась в наполовину расшитый костюм, нахлобучила шляпу (почему-то в ней мне было комфортнее), взяла гитару и отправилась в общий зал. А выйдя на лестницу, остолбенела.

Я думала, что трактир был полон вчера. Ошибалась.

Сегодня были заняты не только все столы, к которым еще приставили дополнительные табуреты. Но и вдоль стен вытянулись принесенные откуда-то скамейки, и на них плотно, бок о бок сидели люди. У входа топтались те, кому совсем не хватило мест. А лестница, по которой я собралась спускаться, напоминала птичий насест. На каждой ступени притулилось по четыре человека, оставив лишь узкий проход по центру.

Вот по нему я и пошла вниз, провожаемая нетерпеливыми взглядами.

Нет, никто ничего не говорил. Все вроде как ели и пили. Кому повезло занять место за столом – за ним. Остальные держали кружки в руках, а тарелки пристроили на коленях.

– Мне бы поужинать сначала, – зябко поежившись, тихо сказала я трактирщику за стойкой.

Сесть мне было некуда, и я не очень понимала, что сейчас делать.

– Слышали? – громко обратился к публике он. – Хватит таращиться и смущать музыканта. Сейчас поест парень и сыграет нам.

Не прошло и минуты, как мне прямо сюда притащила с кухни тарелку с жареной картошкой и куриной ногой вчерашняя служанка. А хозяин заведения выволок из-за стойки высокий стул. Пока ела, никто не беспокоил, хотя спиной я чувствовала, что все на меня смотрят. Не успела моя тарелка опустеть, как служанка тут же подсунула мне кружку с горячим молоком, от которой пахло медом. Я сначала растерянно моргнула, а потом благодарно улыбнулась, от чего она буквально просияла.

Не поняла я что-то, с чего мне вдруг такой почет? Неужели вчера играла *настолько* хорошо? И не опозорюсь ли сегодня?

Выпив молоко, прогревая горло, я отставила посудину, тихо поблагодарила и, не вставая со своего высокого стула, повернулась к залу. Все моментально затихли, а кто сам не замолчал, тому соседи помогли, пихнув локтем в бок.

Под нетерпеливыми взглядами я пристроила гитару на коленях и склонила голову, приветствуя своих слушателей.

Было немного страшно, что не оправдаю их надежд, а потому я решила, что сегодня буду играть так же, как и вчера. Для себя. То, что я люблю, то, что заставляет мое сердце трепетать, петь и плакать, радоваться и взлетать, а душу оживать.

Смежив веки, я тронула струны... И вновь потерялась во времени и пространстве. Существовали лишь я и музыка.

Когда последняя нота стихла, я открыла глаза, возвращаясь в душный зал трактира на окраине королевства Дагарра, и увидела вчерашнюю картину. Все молчали, полностью погрузившись в ту красоту, что я сейчас дарила. Задумчивые лица, рассеянные взгляды...

И даже служаночка, имени которой я до сих пор не знала, выглядела невероятно умиротворенной и одухотворенной. Она взяла на себя роль добровольной помощницы и тихо обходила зал с моей шляпой в руках. Люди аккуратно опускали туда монеты и тут же снова сосредотачивали

свое внимание на мне.

Так вот кто вчера собрал для меня деньги. Я встретила с девчонкой глазами и улыбнулась, насколько позволяли разбитые губы, уже покрывшиеся коркой. А она засмузилась, порозовела и заторопилась, чтобы обойти последних посетителей.

– Спасибо, милая, – искренне поблагодарила я, когда она подошла и протянула мой головной убор с заработком за выступление. – Чем я могу тебя отблагодарить?

– А завтра еще сыграешь? – сняв передник, спросила она. – И может, если горло пройдет, споешь? Я тебе травку принесла для отвара. У меня бабка знахарка, говорит, что даже покойника на ноги поставит. И мазь... ну, чтобы губу залечить. Примешь? – вскинула девушка, лишь немногим старше меня самой, неуверенный взгляд.

– Приму. Спасибо тебе... – Я сделала паузу, предлагая назвать имя.

– Сюзанна.

– Спасибо, Сюзанна.

Я соскользнула со стула, поклонилась так же, как вчера, людям, набившимся в трактир, и негромко произнесла:

– Буду рад сыграть для вас завтра. А если, благодаря Сюзанне и ее помощи, у меня вылечится горло, то и спою.

В тишине меня хорошо было слышно, не пришлось повышать голос.

Народ уже слегка отошел после концерта и довольно загудел, а я повернулась к трактирщику и сообщила:

– Я задержусь еще на два дня.

Мужчина кивнул, крайне довольный обстоятельствами, и громко спросил:

– Ну? Кому еще вина? Пива?

Сюзанна зашла ко мне в комнату буквально через пять минут с подносом, на котором стояли исходящая паром глиняная кружка и маленькая коробочка из бересты.

– Вот. Ты пей, пока горячее. Бабуля говорит, что меня в детстве этим отваром и лечила. Зимы у нас холодные, я часто простужалась.

Пока я пила целебное снадобье, она воодушевленно щебетала, прислонившись к дверному косяку:

– Как же ты играешь! Никогда такого не слышала. К нам иногда заглядывают бродячие сказители и менестрели. Но, клянусь, *так* никто не мог. У тебя талант! Тебе бы к господам каким пойти в услужение. Ну, знаешь, придворные музыканты и всё такое. Ты уже решил, что дальше

будешь делать? Куда отправишься?

– Я думал перебраться в Лицинию, ну и дальше. Мир повидать хочу. Страшновато только одному. Меня вон у вас в первый же день ограбили, поколотили и инструмент разбили. Новую гитару пришлось покупать.

– Это да, народ разбойный лютует. Как стемнеет, лучше на улицу не высовываться, если отпора кулаками дать не можешь. Ты один не ходи, погоди, пока караван поедет. У нас купцы часто останавливаются. Хочешь, я поспрашиваю? Были бы у тебя деньги, то наемника бы в охрану... Но они дорого берут.

– Сюзанна, наемник в качестве охранника для странствующего менестреля – это как-то странно, – у меня дрогнули губы в намеке на улыбку.

Эта милая непосредственная девушка мне нравилась, я даже как-то оттаяла, общаясь с ней.

– Замри! Не улыбайся, а то у тебя треснула корочка и кровит, – замахала она руками и подскочила ко мне. – Не шевелись, я тебе сейчас нанесу мазь. Всё быстро заживет, точно-точно!

Я позволила ей обработать свои разбитые губы. От мази пахло травами и чем-то тонким и ягодным.

– В Лицинии эльфов много, – продолжала щебетать Сюзанна. – Красавчики-и-и... Людей-то они не особо жалуют, брезгуют. У нас и полукровок-то почти нет. Но вот в Лицинии, говорят, живут. Мужик, он ведь что эльф, что человек, что гном. Баба ему нужна. Ну и вот... Полукровки тоже красивые, но всё же не такие, как папаши их. А уж какие невероятные эльфийки, ты и не представляешь! Пару лет назад путешествовала одна ихняя леди, у нас ночевала из-за разбушевавшейся непогоды. Ох... Глаз не отвести. И вся такая строгая, отстраненная, но вежливая, ничего плохого не скажу. И свите своей ушастой не позволяла нас обижать.

Закончив, служанка закрыла коробочку и положила ее на комод рядом с зеркальцем.

– Ты утром еще болячку смажь и днем. Тут хватит. А тебя как зовут? Ты все время молчишь, никто о тебе ничего и не знает.

– Рэми.

– Ты отдыхай, Рэми. А завтра будешь как новенький и сыграешь нам еще. Да?

– Да, – улыбнулась я глазами, чтобы не беспокоить заживающий рот.

Девушка упорхнула, забрав опустевшую кружку и поднос, а я разделась и легла в постель. Долго ворочалась с бока на бок, прокручивая в

голове произошедшее вчера и сегодня. Что изменилось? В чем мой небывалый успех? В зачарованном музыкальном инструменте, вышедшем из рук сидхе? В том, что я перестала изображать менестреля, а играла от души и сердца? Или, может, у меня всё же есть небольшой магический дар, и он проявился так странно, очаровывая слушателей? Ведь именно вчера, перед тем как спуститься в зал, я сняла блокирующий амулет.

Сон никак не шел, а еще меня почему-то тянуло вниз, к людям. Не знаю зачем, общаться с кем бы то ни было я не горела ни малейшим желанием. Но вот сосало под ложечкой, беспокоил какой-то зуд, который требовал встать, одеться и идти.

Еще немного помучившись, пытаюсь бороться со странным желанием, я не выдержала и все же собралась. Натянула свой старый костюм, который вообще-то годился уже лишь на тряпки для мытья полов, и разбитые сапоги. Закуталась в плащ, надвинув капюшон до самого носа, и тихонечко выскользнула из комнаты. Гитару брать не стала.

Зал уже опустел. Сюзанна с другими служанками прибиралась после рабочего дня, хозяин трактира стоял на кухне (я увидела его через открытую дверь). И лишь за одним столиком в углу сидело четверо мужчин, допивая хмельной напиток из кувшина и о чем-то негромко переговариваясь. На девушек они внимания не обращали.

Ну и зачем мне сюда понадобилось?

Я потопталась на нижней ступеньке, хотела даже вернуться обратно в комнату, но потом все же решила, что раз уж для чего-то сюда пришла, нужно хотя бы послушать, о чем беседуют те люди.

– ...пора идти, бои вот-вот начнутся, – зацепила я краем уха разговор, когда приблизилась.

Бои? Какие бои?

– Ты на кого поставил? – лениво поинтересовался мужчина, сидящий ко мне спиной.

– На Когтя. Его хозяин мне давеча хвалился, что он какой-то прием хитрый использовать собирается.

Заметив мое приближение, все резко замолчали, а я чуть оттянула капюшон, чтобы они увидели мое лицо.

– Позвольте присесть? – негромко спросила, замерев рядом со столом.

– Садись, музыкант, – узнал меня один из них и приветливо кивнул. – Не спится? Или хотел чего?

– Хотел... – помолчав, отозвалась я, присев на свободное место. – Я случайно стал свидетелем вашего разговора. Здесь устраивают бои?

– Нелегальные, само собой, – хмыкнул он. – Думаешь поставить на

кого? Или сам поучаствовать?

Переглянулся с друзьями, и они все заржали.

– Я музыкант, менестрель, а не воин, – покачала я головой, пытаюсь сообразить, с какой вдруг стати меня заинтересовала эта компания, их разговоры и какие-то нелегальные бои.

Вот оно! «Его хозяин»...

– Скажите, там можно купить услуги наемника? Мне нужно трогаться дальше в путь. Охрану бы...

– Эк ты, парень, загнул. Хороший наемник дорого берет. Да и... не нанимаются там.

– Но вы сказали, что у Когтя есть хозяин, – обвела их взглядом, пытаюсь понять, я заблуждаюсь или они. – Я что-то не так понял?

– Ты откуда свалился, менестрель? – наклонился ко мне через стол мужчина. – Это *нелегальные* бои. Понимаешь? Там наемники не нанимаются, да и не наемники они. Бойцы – собственность своих хозяев. Усёк?

– Собственность... – повторила я. – То есть... они как рабы, что ли?

– Точняк! Рабы. Смертники, которым заменили казнь сначала на рудники, а потом на рабство. Те, кто отработал сначала десять лет, добывая магически активные минералы, не подох от излучения и тяжелой работы под землей и кого выкупили с плахи. Вот они и доживают свои дни, как хозяева захотят.

Глава 10

– То есть... это легально? Рабский статус?

– А чё б нет? Всё по общественному указу. Натворил делов – отвечай. Хочешь на виселицу или плаху – вот тебе веревка и топор, помирай сразу. Готов оплатить трудом еще несколько лет своей никчемной жизни – прямая дорога на рудники, там всегда нужна рабочая сила. Добровольно-то туда никто не пойдет здоровье гробить. А смертникам все равно, они и так не жильцы. Не помер за десять лет? Ну, значит, либо все же казнят по приговору (не на волю же отпускать), либо продадут. Сколько-то еще протянут, по-любому отработают потраченные на них покупателями монеты. Крепким мужикам, которые сумели не протянуть ноги за десять лет на рудниках, всегда найдется применение. Так что подставляй шею и вали.

– А женщины?

– Не-е, на рудники баб не отправляют, смысла нет. Там и мужики-то мрут как мухи, а бабы и месяца не протянут, только возиться с ними – вези под охраной, потом хорони... Сразу казнят, если преступление настолько серьезное, что к такому суровому наказанию приговорены.

– А что значит «подставляй шею и вали»? – никак не могла я разобраться в законах, отличных от принятых в Дагре.

В закрытом королевстве такого не практиковалось. Магам прямой путь на костер, если их засекут. Политическим преступникам – смертная казнь через отсечение головы. Всем прочим – виселица. Никаких помилований, амнистий или домашних арестов. Расплата за любые преступления наступала быстро. Каторги и тюрем для долгой отсидки в Дагре не существует.

– Ты из какой глухомани выбрался, музыкант? – озадачился мой собеседник, но пояснил: – Ошейник рабский, зачарованный. Снять его невозможно, распилить или иным способом вскрыть – тоже. А ежели раб попытается сам это сделать, то умрет от удушья. Захочет убить хозяина – та же участь. Я ж тебе ясно сказал – это замена смертной казни.

– А если хозяин захочет продать раба? Как тогда ошейник поймет, что владелец сменился?

– За-ча-ро-ван-ный! – по слогам, как умственно отсталому, пояснил он мне.

Я помолчала, осмысливая информацию и рассматривая столешницу.

После чего выпрямилась и поинтересовалась:

– Где я могу купить раба? Хозяин Когтя не захочет продать мне какого-нибудь, уже не годного к боям?

– Парень, ты спятил? – обалдела вся компания. – На кой тебе раб? Да еще из преступников...

– Страшно одному странствовать. Я ведь не воин... А так хоть кто-то сопровождать будет.

Мои собеседники смотрели на меня и явно считали, что я тронулась умом. Пожалуй, они не далеки от истины. Но ведь почему-то же я пришла вниз, вместо того чтобы сладко спать. Подслушала их разговор, выцепила главное...

Мама говорила, что магу нужно прислушиваться к интуиции. Мол, это одна из граней дара. У меня, похоже, дара нет. Но, может, хотя бы интуицию, кроме хорошей памяти, мне удалось унаследовать?

– Возьмите меня с собой, – с нажимом попросила я, не обращая внимания на их скепсис.

– Ох и дурён же ты, парень, – покачал головой тот из них, который мне всё разъяснял. – Возьмем. Судя по выражению лица, ты же сам отправишься искать приключения на свою тощую задницу. Будет обидно, если сгинет такой талант. Слышали мы твое выступление сегодня... Не иначе боги тебя в темечко поцеловали.

Жители других королевств поминали не богиню смерти, как в Дагре, а всех богов в совокупности, и я уже перестала реагировать на это. В первые дни затравленно вздрагивала и чуть ли ни голову в плечи втягивала. А сейчас и сама стала думать и говорить «боги», а не «Неумолимая». Поначалу – с трудом, заставляя себя, чтобы поддерживать образ местного жителя, но потихоньку втянулась.

– Последний вопрос, – помялась я. – Это дорого? Мне хватит того, что я сегодня за вечер заработал? Больше у меня нет ничего.

Любители острых ощущений обменялись быстрыми взглядами и неопределенно пожали плечами. Похоже, они и сами не знали. Ну что ж... Даже если мне не хватит, то хотя бы приобрету новый опыт. И теперь у меня есть еще одна причина, чтобы как можно быстрее покинуть уже и эти земли. Дагарра – это всё же не закрытое королевство, но узаконенное рабство, пусть и для преступников, – это выше моего понимания. Надеюсь, это не общемировая практика? А то я не в курсе законодательства других королевств, касающегося казней и наказаний за преступления.

...Нелегальные бои проводились в трущобах. И почему я не удивлена?

Бывший склад, как мне сообщили мои провожатые, а ныне место, где по ночам трижды в неделю устраивали развлечение для тех, кто охоч до жестоких кровавых зрелищ.

Многие из посетителей старались спрятать свои лица, натягивая низко капюшоны плащей, а некоторые, не мудрствуя, надев черные плотные маски. Полагаю, последние – из аристократов. Одежды на них были хоть и простые на первый взгляд, но дорогая ткань выдавала, что стоят они весьма недешево. Да и оружие...

– Рэми, мы пришли смотреть и делать ставки. Вздумаешь уйти от нас – твой выбор. Сгинешь, сам виноват, – наклонился ко мне и прокричал, чтобы перекрыть гул и гомон, один из моих спутников. – Хочешь, чтобы мы приглядели за тобой, тогда будь рядом до конца, а потом, так уж и быть, задержимся, пока будешь выяснять насчет покупки раба для себя. Усёк?

– Благодарю. Я дождусь, пока вы сможете пойти со мной, – сразу же приняла я решение.

Наконец, подошло время, прозвучал гонг и на пустое пространство вышли двое мужчин, обнаженных до пояса. На их шеях красовались широкие металлические ошейники, из чего я сделала вывод, что это и есть те самые рабы, потенциальные смертники. Преступники, приговоренные к казни. И судя по их виду... убийцы или грабители.

Кажется, я погорячилась. Рядом с таким спутником даже моргать страшно и поворачиваться к нему спиной, не то что длительное время вместе путешествовать. Да он же прирежет меня, наплевав на то, что сам умрет от удушья.

Сжав зубы, периодически зажмуриваясь, я следила за боями. За тем, как уволаскивали прочь окровавленные избитые тела проигравших. За тем, как орали и подначивали публику, чтобы скандировала и бросала денег, выигравшие. Здесь не существовало никаких правил. Бей, или будут бить тебя. Убей или умри.

Боги, я подумать не могла, что где-то такое возможно. Меня мутило от отвращения, я задыхалась от запаха пота и крови. Общий эмоциональный настрой как бойцов, так и публики сбивал с ног...

С этой стороной жизни общества мне сталкиваться еще не приходилось. Да, я общалась со шлюхами, жуликами, картежниками, грабителями... Но там всё было просто – они так зарабатывали на жизнь. По большому счету, я понимала даже тех грабителей, которые избили меня и забрали вещи по прибытии в этот город. Это их работа, то, чем они живут.

Но здесь, сейчас... Окровавленные оскаленные лица, ненависть в

глазах, жажда убивать от понимания, что если они не победят, то это их выволокут отсюда бездыханными телами... И гневные крики их хозяев, требовавших, чтобы их рабы не смели подыхать, за них заплачены деньги... Я насчитала пятерых владельцев, которые сегодня выводили своих бойцов. Возможно, были еще, но я не опознала их.

На одного, коротышку в багряном бархатном камзоле, мне указали со словами, что как раз он держит этот притон, ему принадлежит всё помещение вместе с обитающими тут смертниками. К нему мы и пойдем позднее.

Не знаю, как я выдержала до конца и не лишилась чувств от отвращения к миру и к себе, что пришла сюда, что собираюсь сделать. Как же низко ты пала, Рэмина дас Рези...

Остаток боев прошел мимо моего сознания. Я просто не могла на это больше смотреть, поэтому стояла, закрыв глаза, не реагируя на толчки перевозбужденной публики вокруг меня. Только следила за своими вещами – кошельком и кинжалом, который не спас бы меня в случае нападения, но придавал хоть каплю уверенности.

Настолько отрешилась от окружающего кошмара, что не сразу отреагировала, когда кто-то потряс меня за плечо:

– Эй, музыкант! Всё, пошли!

Я распахнула глаза и выглянула из-под низко надвинутого капюшона. Да, всё закончилось. Недовольно роптали и гудели те, кто сделал ставку не на того бойца. Радостно подсчитывали барыши букмекеры и хозяева победителей.

– Эй! Ты в порядке? – заглянул мне в лицо мой безымянный спутник. Те мужчины из трактира не пожелали представиться, сказав, что мне незачем это знать. – Слышь, парень, ты живой? Белый как мел...

– Я в порядке, – проскрипела я. – Идем?

И мы пошли в какой-то коридор с обшарпанными стенами и рядами закрытых дверей. Перебрались в следующее помещение без окон, и я сглотнула ком в горле. Клетки... Ряды клеток вдоль стен. А в них мужчины в ошейниках. Кто-то лежал, кто-то устало обтирал с себя тряпками кровь и пот, кто-то безучастно таращился в никуда...

В помещении пахло... Даже в хлеву более чистый воздух, чем здесь. Тут же перемешались запахи испражнений и крови, гнилой соломы и протухшего мяса, немытых тел и еще чего-то непознаваемого, но мерзкого до того, что я с трудом сдерживала тошноту. Будет не очень хорошо, если меня сейчас вывернет.

– Ну-с, юноша, – подскочил к нам владелец этого кошмарного места и потер руки. – Кого вы желаете купить? Мне уже сообщили о цели вашего визита.

– Я не... очень богат, господин, – сморгнув, перевела я на него взгляд. – Какие из ваших...

– Смертников, – цинично подсказал он мне.

– Какие из ваших... смертников стоят недорого? Мне не нужен сильный боец, я не планирую выставлять его на бои или что-то подобное. Просто кто-то, кто сможет меня сопровождать и защитить в случае нападения.

– Малыш, те, кто смогут тебя защитить, стоят недешево, – расхохотался мужчина, показывая почерневшие редкие зубы. – Но глянь вон там, – махнул он рукой в дальний угол. – Там те, кто уже свое отыграл. Глядишь, сторгуемся.

На деревянных, негнущихся ногах, стараясь не дышать, я отправилась в указанном направлении. Здесь были... нет, это уже не люди. Ну не может у людей быть таких глаз и лиц.

Поняв, что моя идея была не просто глупой, а абсолютно безумной, я побрела обратно. Ни с кем из этих существ я не хочу находиться рядом. Им терять нечего, они и так умирают. Прирезать во сне своего хозяина для них будет радость. Хоть как-то отыграться, перед тем как упокоиться.

Возле одной из клеток я оступилась на выщербленном полу и едва не упала. Пришлось схватиться за толстый прут пустующей клетки. Или она не пустует?

В глубине зашевелилась груда тряпья, и на меня взглянули глаза. Ненависть. Оглушающая, от которой перехватывало дыхание. Отвращение, боль и презрение. Я, остолбенев, смотрела в эти глаза и с ужасом понимала, что это существо ненавидит не столько своих мучителей, сколько себя. И презирает тоже... себя.

Да с чего я это взяла?! Что за чушь?!

Я даже головой потрясла от наваждения и дернулась от прозвучавшего за моим плечом голоса:

– Не, пацан, этот уже поддыхает. День-два, и отправится к Неумолимой. Не советую тратить на него деньги.

– Кто он? – не оборачиваясь, спросила я, вглядываясь в темноту.

Мужчина, лежавший на полу, оказался еще не стар. Вероятно, он когда-то даже был красив, но сейчас его грязное лицо уродовал шрам через левую щеку, а коротко обрезанные волосы были абсолютно седые.

– Да я почему знаю? – лениво отозвался хозяин этого места. – Политический вроде какой-то. Из бла-а-агородных, ишь ты. Мы ему рылом не вышли. Не жрет ничего, даже порка не помогает. Да и пусть поддыхает, мне он все равно по дешевке достался.

– И сколько? – сглотнув, зачем-то спросила я.

– Да за пару серебряных отдам. Хоть место освобожу. Только, пацан, мой тебе совет, не трать на него время. Точно говорю, день-два, и тебе придется думать, куда тело девать. Да и не пойдет он с тобой, давно не встает уже.

– Могу я с ним поговорить? – не отрывая взгляда от раба, который слушал наш разговор, судя по выражению глаз, но никак не реагировал, спросила я.

– Деньги вперед. И на свой страх и риск, а я в клетку к нему не пойду.

На мгновение смежив веки, я решительно достала два серебряных и протянула их. Монеты тут же исчезли из моей ладони, загремел засов, и я с опаской шагнула в клетку. Медленно подошла, присела на корточки и тихо заговорила:

– Если в тебе осталась еще хоть капля уважения к себе, ты сейчас соберешь все силы и хоть ползком, хоть на четвереньках, но сам отправишься за мной. Второй раз я сюда не вернусь. Выбирай: умирать здесь, в мерзкой вонючей клетке, или как человек – под открытым небом и на свежем воздухе.

– Эй, пацан! А ты чё, пришить его решил? Тебе убивать, что ль, нравится? Так сразу бы сказал, – озадаченно позвал торговец. – На кой под небо его вести? Тут и прибей, всё равно уже оплатил.

– Нет, господин, – громче ответила я, не отводя взгляда от лежащего мужчины. – Я не люблю убивать. Но мы все рано или поздно придем к порогу владений Неумолимой. Кто-то сегодня, кто-то завтра... Как она решит.

– Чур меня!

– Ты решил? – спросила я свою вроде как уже собственность. Оплатила ведь.

Тот, к кому я обращалась, устало прикрыл глаза, что я восприняла как отказ. Ну что ж... Я в любом случае уже потеряла два серебряных. И потеряю еще больше, если мне придется заботиться об этом человеке.

Молча встала и отвернувшись, сделав шаг к выходу из клетки, но услышала сзади шорох. От неожиданности дернулась и отпрыгнула в сторону, опасаясь удара в спину, но...

Изможденный, грязный и невероятно худой мужчина вставал,

превозмогая себя. Сначала на четвереньки, потом, цепляясь за прутья, на ноги... Он едва стоял, согнувшись и покачиваясь, но смотрел на меня исподлобья хмуро и непримиримо. Похоже, мои слова, что хоть ползком, но сам, были восприняты буквально.

– Музыкант, ошейник активировать на смену владельца нужно, – подсказал один из сопровождавших меня мужчин из трактира. – Там же чары, надо, чтобы магия тебя новым хозяином признала.

Я нерешительно подняла руку, но сначала уточнила у раба:

– Ты принял решение?

Вербального ответа не последовало, просто он опустил ресницы и откинул голову, подставляя мне шею и магический артефакт, ограничивающий его свободу.

– А... как? – повернула я голову к прежнему хозяину, который стоял, рассматривая свои грязные ногти, и не спешил принимать участие в происходящем.

Лишь после моего вопроса он брезгливо поморщился и соизволил ответить:

– Я к этому прикасаться не желаю, но кровь дам, – после чего покопался в кармане, вытащил оттуда что-то маленькое и блестящее и, кольнув себе мизинец так, чтобы выступила красная капля, протянул мне руку. – Бери, парень.

– И? – Ничего не понимая, я указательным пальцем аккуратно собрала предложенное и замерла, не зная, что делать дальше.

– Намажь моей кровью ошейник, – скушаяще отозвался рабовладелец. А как только я это сделала, протараторил: – Отказываюсь от всех прав на жизнь, смерть, тело и душу этого раба и добровольно передаю его новому хозяину. Всё, забирай.

Поняв, наконец, что от меня требуется, я уже себя в ладошку кольнула. Пальцы травмировать нельзя, мне еще играть предстоит. Мазнула уже своей кровью ошейник и, повинувшись интуиции и догадке, проговорила:

– Принимаю в свою власть жизнь, смерть, тело и душу этого раба. Отныне он принадлежит мне.

И лишь после вот такой двойной активации кровью прежнего и нового владельца магия сработала – по зачарованному металлическому обручу пробежал ряд искр, заставив узника глухо протяжно застонать и зажмуриться. Наверное, это очень больно. Впрочем, всё длилось буквально миг, искры быстро погасли, и ничего уже не напоминало, что штука, водруженная на шею смертника, какая-то особенная.

– Идем, – тихо велела я ему, вышла и обратилась к работорговцу. –

Удачи вам, господин. О теле этого раба я позабочусь, никто не найдет трупа.

Я имела в виду, что теперь этот несчастный выживет, но меня поняли явно не так:

– А говорил, что не собираешься его пришить. Не понимаю я... Пырнул бы сейчас, и все дела. На кой куда-то тащить эту падаль?

Ответа он не ждал, и я сжала зубы, чтобы не сказать чего-то лишнего.

Мы медленно, чтобы едва переставлявший ноги преступник смог не отставать, добрались до выхода со склада. Уже рассвело, как оказалось, и мои спутники заявили, что из трущоб они, так уж и быть, со мной выйдут, а то жалко меня, дурака. А дальше – сам. Некогда им время терять.

Если честно, то я бы сама и не выбралась из этих кварталов. Шли мы на бои в темноте, а сейчас, при рассеянном утреннем свете, я совершенно потерялась. Нет, поплутав, вероятно, отыскала бы дорогу. Но это в одиночестве.

За моей же спиной, стараясь не упасть, держась за стены, заборы и деревья, медленно, но упрямо плелся выкупленный мной смертник. За все время он не проронил ни слова, я тоже не спешила заводить с ним беседы. Успею еще всё обсудить. Главное, чтобы он не умер по дороге. Мало того, что он, похоже, решил уморить себя голодом, чтобы прервать жалкое существование, и был совершенно обессилен. Так еще и разделет ведь. Тонкие, изгвазданные, обветшавшие штаны из какой-то дерюги явно не спасали от осенней сырости и ветра. А больше из одежды на нем не было ничего, ни рубахи, ни обуви. И сейчас его босые узкие ступни с мерзким чавканьем погружались в грязь и лужи.

Ну зачем, зачем я ввязалась в это безумие? Вот кто меня заставлял? Я ведь понимала, что сейчас он мне не помощник, а обуза. Его нужно лечить, кормить, одевать. А я сама медяки считаю и экономлю на всём.

Просто не смогла я оставить его там. Он ведь из высшего сословия, если судить по словам его прежнего хозяина. Пусть – политический преступник, но не убийца, насильник или разбойник. И не хватило мне черствости остаться безучастной. Я сама аристократка, и хотя сейчас влачу нищенское существование, но от этого не перестала быть дворянкой. Это в крови, в воспитании, во впитанных с детства ценностях.

Трущобы остались позади, и мои спутники сразу же распрощались, напоследок сообщив то, что мне и самой уже было ясно: я дурень, каких поискать. Навязала на свою голову проблему...

Глава 11

«Проблема» тяжело дышала за моей спиной, прислонившись к покосившемуся забору. Я прикрыла на мгновение глаза, собираясь с силами и мыслями, после чего повернулась к смертнику и негромко сообщила:

– Я неместный, остановился в трактире. Планировал завтра уехать, но теперь придется задержаться. Тебя в таком виде в него не пустят, поэтому сейчас мы идем в общественную баню, и ты отмываешься. А дальше будем думать, что делать. Пить хочешь?

На меня зыркнули светло-карие, практически желтые глаза, щека, изуродованная шрамом, дернулась, но вместо ответа мужчина просто кивнул. Сняв с пояса флягу, я сначала сама глотнула из нее немного воды, после чего протянула ему.

– Можешь всё допить, если хочешь, – отвела я взгляд, чтобы не смущать.

Взял молча, жадно припал к горлышку и с громким бульканьем всё выпил. Забрав фляжку, я пристроила ее на место и отстегнула от воротника теплого свитера амулет от насекомых.

– Прицепи его к своей одежде. Без этих штук тут в бани не пускают.

Лицо раба перекосило, но взял, трясущимися руками прикрепил булавку к поясу рвань, которое уже мало напоминало брюки. Наверное, мне следовало бы ему помочь, но я не желала этого делать по двум причинам. Во-первых, он вонял и был выпачкан в чем-то неопознаваемом настолько, что с ним даже стоять рядом было испытанием для обоняния и осязания. А во-вторых, я совсем не была уверена в том, что этот пусть политический, но всё же преступник не агрессивен. Даже сейчас для него не составит труда вцепиться мне в горло и задушить. Нет, если я вырвусь, то смогу убежать, он явно не догонит. Но... мне не хотелось испытывать судьбу.

А насекомые... их было много. Нам пришлось постоять, пережидая, пока во все стороны разбегались вши, блохи и не знаю, кто еще. Я отошла подальше и в ужасе ждала, внутренне корчась от отвращения.

Когда мы наконец добрались до ближайшей бани этого небогатого района, уже совсем рассвело. И снова я тут первый, но в этот раз не единственный посетитель. Это входит в привычку...

– Опять притащился... – узнал меня мужик, принимающий плату на

входе. – То сам явился весь в дерьме, а теперь вообще падаль притащил.

– Два комплекта, – недобро прищурившись, поджала я губы и выложила монетки.

– А этот... – последовал кивок на моего раба, – поди, завшивел весь. Не пущу!

– У него амулет от насекомых. Глаза протри, – сухо отозвалась я.

Да, с такими людьми тактичность или деликатность – это слабость. Я уже это давно поняла. Станешь говорить вежливо – тебя и за человека считать не будут.

– А вот все равно не пущу! – заупрямился банщик. – Тут чистое место, люди мыться приходят. А его тряпье?! Не позволю войти заразе! Делайте, что хотите!

Я сделала глубокий вдох и досчитала до трех. Доводы я понимала и принимала, только вот...

– Верни мне амулет от насекомых, – глянув в глаза смертника, протянула я руку и продолжила, заставив замереть от неожиданности обоих мужчин: – Тебе придется раздеться. Совсем. Тут идти близко, можешь накинуть то, что нам сейчас выдаст этот человек, – мотнула головой на упрямого поборника чистоты. – Другого выхода нет.

Промолчал, вложил в мою ладонь медную зачарованную булавку и, развязав веревку на поясе, позволил убогому одеянию соскользнуть на пол. Не представляю, чего ему стоило проглотить это унижение, но... Я бы сорвалась, а он молчал. Вообще ни слова не сказал за всё это время.

Не глядя на него, я ногой выпинала вонючие грязные штаны за дверь, после чего вернулась к столику и потребовала:

– Два комплекта. Немедленно!

Выдавали их мне с пожеланиями провалиться в бездну и больше не являться сюда никогда. Я тут же протянула одну серую простыню своему обнаженному спутнику, который даже не делал попытки прикрыться, словно был выше этого, и, не оглядываясь, понесла все остальное к помывочным помещениям.

Быстро разделась, спрятала свои вещи в шкафчик, обмоталась простыней и велела:

– Идем. Сейчас забирайся в лохань и отмокай. Полагаю, воду придется сменить не единожды.

Почему он молчит? Смотрит, явно осознает всё, что происходит и что я ему говорю. Но не реагирует никак. Я не понимаю... Может, он немой? Или ему вырвали язык? Или просто не считает нужным отвечать?

Надо будет это выяснить, но потом. Я тоже устала, меня знобило после бессонной ночи и осенней промозглой хмари.

– Ступай, занимайся собой. Отогревайся, отмывайся, отдыхай... – кивнула я в сторону деревянных лоханей. – Банку с жидким мылом я поставлю рядом. Если... понадобится помощь, позови. Я посижу немного в тепле. Хорошо?

Мой последний неуверенный вопрос вызвал проблеск удивления в желтых глазах, но опять я получила в ответ лишь молчаливый кивок и не выдержала:

– Ты немой? Не можешь говорить?

Последовал еще один утвердительный, немного заторможенный кивок и взгляд исподлобья.

– Просто немой или... что-то сделал палач? Вырвали язык? Мне нужно знать, потому что в этом случае возникнут сложности с едой для тебя.

Смертник страшно усмехнулся, исказив и так изуродованную шрамом щеку, и открыл рот, демонстрируя мне язык и, что удивительно, крепкие здоровые зубы. И не растерял ведь...

– Значит, просто не можешь говорить, – приняла я объяснение и отвернулась. – Иди... Я не буду тебе мешать.

Мыться пока не хотела, просто приткнулась в уголке, позволяя телу отогреваться, и прикрыла глаза.

Кажется, заснула. Не знаю, сколько в итоге так просидела, но когда, вздрогнув, вынырнула из дремы, оказалось, что у меня все тело затекло, а волосы намокли от пота и пара.

Я встрепенулась, завертелась, отыскивая свою неожиданную покупку и головную боль, и обнаружила всё в той же лохани. Не я одна, похоже, задремала в тепле. Ладно, время не ждет, пора действовать дальше.

Быстро помылась, снова обмоталась простыней и подошла к рабу:

– Помощь нужна? – Дождавшись отрицательного качания головой, продолжила: – Надо что-то делать с одеждой для тебя. Дойти до трактира раздетый, да еще после жаркой бани, ты не сможешь. Это чистое самоубийство. Мои вещи тебе не подойдут. Поэтому мне нужно узнать твой размер одежды и обуви и купить что-то на первое время. Сможешь объяснить свои размеры? И уж не обессудь, но я пойду в лавку старьевщика. Здесь совсем неподалеку. Как жить дальше – будем решать позднее.

Он прикрыл глаза, раздумывая, после чего вытянул из воды вверх одну

ногу и продемонстрировал ступню со сморщившейся от воды кожей.

– Обувь?..

Показал мне пальцы на руках, загнул часть из них, сжал кулаки, снова несколько пальцев...

В общем, вот так, как в детской игре, мы разбирались с тем, что какого размера нужно купить.

Надеюсь, он действительно дворянин, обучен грамоте и сможет писать то, что не в состоянии сказать вслух. Общаться шарадами очень сложно.

Оплачивая скромную, но добротную одежду, теплый плащ и разношенные, но целые сапоги в лавке старьевщика, я вновь отругала себя за глупость и за то, что ввязалась в эту историю. Ну зачем?!

Но купила все необходимое, даже подштанники, принесла в баню, позвала от двери в помывочный зал:

– Я добыл тебе одежду. Уходим.

Дождалась, пока смертник выберется из горячей воды, не знаю уж, в какой раз налитой в лохань, окинула взглядом его отмытое от бурых разводов и чуть ли не коросты тело и буквально задохнулась. Шрамы... Много шрамов. Разные – от плети, от холодного оружия, следы ожогов чем-то металлическим... Спина вообще когда-то была превращена в месиво, и сейчас на нее даже смотреть было страшно.

Боги милостивые... Да как он выжил после всего этого?!

Пока он собирался, сушил волосы и одевался, я молчала, не находя слов и не зная, как реагировать. С таким ужасом мне еще не доводилось сталкиваться.

Волосы его, кстати, оказались не седыми. Когда они высохли, выяснилось, что мой раб платиновый блондин. Причем остригли его, похоже, ножом, криво и бесцеремонно поочередно отхватывая пряди. Наверное, раньше у него были длинные локоны, как у многих аристократов.

В трактире я была встречена неодобрительно поджатыми губами и укоризненным взглядом хозяина заведения. Знает уже, значит, о моей аванюре. Не удивлена... Подойдя к стойке, я сообщила:

– Мне придется задержаться еще на несколько дней. Если вы по-прежнему заинтересованы в моих выступлениях, то я готов играть каждый вечер. И буду рад, если эта новость распространится и среди людей с достатком. Комнату я оставляю за собой ту же, но мне потребуется тюфяк и дополнительные постельные принадлежности. Сколько за это надо

доплатить?

– Эх, музыкант, – неодобрительно покачал головой трактирщик. – Ну что же ты такой дурень-то, а?

– Так получилось, – впервые со вчерашнего вечера позволила я себе легкую улыбку.

– Пороть тебя некому, мальчишка! Навязал себе на голову проблему, преступника конче-ного...

– Поздно меня уже пороть, господин. Да и некому, правы вы. Сирота я.

Моя насупившаяся «проблема» стояла рядом, держась одной рукой за стену, чтобы не упасть. Путь от бани до трактира смертник преодолевал на пределе сил, мы часто останавливались, чтобы он смог отдышаться и суметь сделать еще один шаг.

Мой собеседник смерил его мрачным взглядом, тяжело вздохнул, вновь демонстрируя свое осуждение, и поинтересовался:

– Есть будете? Здесь или в комнате?

Завтракали мы в общем зале. Я ела неспешно, а вот моему спутнику явно приходилось сдерживать себя, чтобы не накинуться на пищу жадно и уничтожить порцию в считанные мгновения. Но нет, сумел сдержаться, ел аккуратно, тщательно пережевывая, наслаждаясь каждой крошкой. Я видела, что он не насытился, но сказала, когда мы закончили с трапезой:

– Ты давно не ел. Нельзя сразу много, будет плохо. Часа через три я еще что-нибудь закажу для тебя.

Тюфяк и стопку постельных принадлежностей я обнаружила у двери в свою комнатку. Вероятно, без меня заходить прислуга не пожелала, оставив все у порога. Пришлось затаскивать это вовнутрь вдвоем.

Войдя, мой безымянный раб огляделся, тяжело дыша и снова держась за стену. Оценил скромную стопку вещей, которые я успела купить для себя, три книги, а потом увидел гитару и переменялся в лице. Я даже не успела понять, в чем дело, как его лицо перекосило от ярости. Позабыв о своей слабости, он рывком обернулся ко мне, опалил ненавистью и вцепился пальцами мне в шею.

Я сдавленно захрипела, вытаращившись и пытаюсь отодрать его руки от горла. Да что случилось-то? Он ненавидит музыкантов? Конкретно гитары? Или просто спятил?

У меня уже черные мушки поплыли перед глазами, как вдруг душивший меня мужчина сам страшно захрипел, выпустил мою шею и вцепился в свою, пытаюсь сорвать металлический ошейник. Я же закашлялась, пытаюсь восстановить дыхание...

– Т-ты... – Говорить не получалось... – З-за что?..

Мой несостоявшийся убийца рухнул на пол и забился в судорогах. Я же сжалась в углу, не решаясь двинуться к двери. Ведь для этого пришлось бы приблизиться к агрессивному безумцу.

Когда действие чар магического рабского ошейника ослабло и преступник затих, скорчившись на полу, я сипло заговорила:

– Я обещал, что ты сможешь умереть под небом, а не в вонючей клетке. Ты волен это сделать хоть сейчас. Не стану тебя задерживать или звать кого-то на помощь. Можешь уходить и умирать. Но совершенно не обязательно убивать меня. Я ничего плохого тебе не сделал.

Он сел и хмуро взглянул на меня с пола. Я снова прокашлялась, потеряла шею и продолжила:

– Не знаю, что тебя так вывело из себя, но я не желаю находиться рядом с тем, кто хочет меня задушить. Мое существование и так непростое. Каждый день провожу как последний. Не знаю, помешался ли ты из-за всего того, что тебе пришлось пережить, или в принципе ненавидишь и презираешь музыкантов и менестрелей... Но если так, то тебе лучше уйти прямо сейчас. Я точно не заслуживаю смерти лишь потому, что вытащил тебя из клетки.

Ненормальный желтоглазый преступник внимательно выслушал, перевел взгляд на гитару, задумчиво осмотрел ее, потом меня и тяжело поднялся с пола. Встав ровно, он жестом указал на мою шею, после чего поклонился. Нет, не пресмыкаясь, а так, как лорды кланялись моему отцу в случае, если они были в чем-то неправы и приносили извинения, признавая свои ошибки.

– Мне следует это понимать как то, что ты осознал свою неправоту и больше не станешь пытаться меня убить? – дотошно уточнила я.

Он выпрямился и твердо кивнул.

– Если захочешь уйти или чтобы я передал право владения на тебя кому-то другому, просто сообщи мне об этом. Ладно? Давай обойдемся без крайностей и кровопролития. Я не готов держать рядом того, к кому нельзя повернуться спиной. Не заставляй меня жалеть о своем желании помочь тебе.

И снова твердый кивок и еще один сдержанный поклон в качестве извинения.

– Хорошо. Готовь себе постель и отдыхай, – сухо велела я и все еще с опаской прошмыгнула к окну.

Нужно будет потом выяснить, что его так взбесило. Он не похож на сумасшедшего. Нет, это была именно ярость от чего-то, что он увидел или

подумал. А толчком послужила моя гитара. Тут я вспомнила еще кое о чем.

– И вот еще что... Как тебя зовут? Мы ведь так и не познакомились. Мое имя – Рэми. А твое? Напиши. – Я быстро подхватила с комода новую тетрадь и карандаш и протянула их.

Смертник взял, но какое-то время смотрел на них, раздумывая. Не хочет представляться? Забыл? Неграмотный? Не может придумать фальшивое имя? Я уже не знала, что и думать.

Наконец, решившись, он поджал губы, открыл тетрадь и что-то там накорябал трясущимися от слабости руками. Захлопнул и протянул мне.

– Дарио, – прочитала я вслух. – Можно сокращенно Дар?

Получив утвердительный кивок, сообщила, что у меня дела, а он пусть располагается и отдыхает. После чего отправилась вниз, попросила служанку занести для Дарио через три часа что-то не слишком тяжелое из еды и ушла в город. Надо разобраться с остатками дел.

Так странно... Похоже, меня преследует всё, созвучное названию моего родного королевства. Дагра, пересеченная насквозь Дагарра, и даже раба я умудрилась приобрести с говорящим именем – Дарио. Дар.

Когда вернулась, обнаружила свое приобретение спящим, так что остаток дня потратила на то, чтобы при свете свечи до конца расшить концертный костюм шнуром. А когда отложила работу, столкнулась с внимательным взглядом желтых глаз.

– Да, я умею шить, – улыбнулась я неловко, словно меня застукали за чем-то неприличным. – Чему только не научишься... Я сейчас пойду вниз, нужно заработать денег. Тебе ужин принесут сюда.

Дарио завозился, сел на своем тюфяке, занявшем большую часть пола комнаты, закутался в одеяло и уставился на меня вопросительно.

– Для понимания... У меня нет дома. Да и ничего и никого у меня нет. Всё мое имущество в этой комнате. Бродяжничаю. Зарабатываю на жизнь музыкой, песнями и сказками. Сколько удастся выручить денег за выступление, столько у меня и есть. Так что тебе не очень повезло, привести в теплый дом я тебя не смогу. В ближайших планах – покинуть Дагарру и перебраться в соседнее королевство, а может, и дальше. Не определился еще. Когда ты оклемаешься, мы обсудим ситуацию, подумаем, что делать, куда двигаться. Учитывая, что скоро зима, надо... Не знаю я, что надо. Искать какой-то приют, только я не могу решить, куда податься. Буду рад выслушать идеи и предложения.

Мужчина выпростал из-под одеяла руку, потянулся и взял тетрадку.

– Если ты умеешь играть на каком-то музыкальном инструменте, то

можешь ко мне со временем присоединиться. Послушаешь меня, возможно, ты знаешь какие-то из мелодий. Вещи в дорогу я еще не все успел купить, так что можешь подсказывать. Предыдущие у меня отобрали, ограбили, когда я только прибыл в этот городишко. Что еще... Ах да. Моя мать была магом. Возможно, я что-то от нее унаследовал, но проверить свои силы у меня возможности не было. Если вдруг подтвердится, что я тоже хоть немного одарен, буду искать школу магии и пытаться поступить в нее. Вот, пожалуй, и всё, что тебе нужно знать и во что ты вляпался. Я не слишком-то хорошая компания, уж прости.

Тонкие губы дрогнули в намеке на улыбку, и Дарио начал писать.

«Давно бродяжничаешь?» – прочитала я выведенные твердым мелким почерком слова.

Похоже, отдых и еда пошли ему на пользу, руки уже не трясутся так сильно.

– С полгода уже. Поначалу было трудно, сейчас почти привык. Устал только очень, порой приходится голодать и спать на улице.

«Какой у тебя титул? Ты ведь аристократ, я вижу».

– Нет у меня титула. Мог бы быть, но... не сложилось. А мой отец был графом.

«Ты хочешь попасть в конкретное место? Есть предпочтения?»

– Я хочу туда, где тепло, по возможности. Где есть маги и их уважают. Ну, вдруг мне хоть в чем-то повезет и я тоже смогу выучиться на мага и найти свое место в жизни? Купил карту мира, изучаю, пытаюсь решить, куда двигаться дальше. Дагарру я пересек всю полностью и оставаться в ней не хочу.

«Что ты умеешь еще, кроме музыки и песен?»

– Всё, чему титулованные аристократы учат своих детей и наследников. Только вот управлять финансами, землями и людьми самостоятельно мне не пришлось, – болезненно поморщилась я от воспоминаний о прошлой жизни.

«Не похоже, что ты владеешь оружием. Слишком хилый».

– А я и не владею. Так получилось. Но хорошо езжу верхом, правда, сейчас мне лошадь купить не на что. Да и содержать ее потом тоже.

Глава 12

Повисла пауза, так что я встала и принялась переодеваться. Пора идти и развлекать публику. Когда закончила, надела шляпу, взяла в руки гитару, повернулась к сидящему на полу мужчине, бесстрастно наблюдавшему за мной, и приняла протянутую тетрадку.

«Откуда у тебя эта гитара?»

– Купил в этом городе в одной из лавок. Во время ограбления моя старая разбилась, пришлось срочно искать замену. Приобрел вот эту. Торговец сказал, что она сделана мастерами сидхе и признала меня. Какое-то созвучие души... Я пока не очень разобрался во всех этих магических штуках. Она тебе знакома? Твоя реакция на нее была... Мм-м... – Я неосознанно потерла шею, на которой уже проявились синяки после утреннего происшествия.

«Прости. Я обознался и был не совсем адекватен. Не хотел причинить тебе вред, это больше не повторится. И нет, эта гитара мне не знакома».

– Твоя немота лечится? Может, если я накоплю денег, у нас получится оплатить услуги целителя? Сложно общаться записками.

«Наверное, лечится, не уверен. Поживем – увидим».

– Ладно. Ты приходи в себя скорее, мне не хочется надолго задерживаться в этом городе в частности и в стране в целом.

Кивнув, я открыла дверь, но снова была остановлена протянутой тетрадкой.

«Спасибо, Рэми. И прости за всё, что произошло из-за меня. Я уже готовился отправиться к Неумолимой, когда ты меня выкупил. Я признателен и сделаю всё, чтобы помочь и отблагодарить. Ты можешь на меня рассчитывать».

– Хорошо, – улыбнувшись, я вышла в коридор.

Ну что ж... Я ввязалась в безумную авантюру, но... Я теперь не одна?

Общий зал трактира вновь был полон, я узнала кое-кого из прошлых слушателей и заметила за дальними столиками богато одетых лордов, сидевших со скучающими презрительными лицами. С одним, похоже, даже пришла леди, судя по силуэту, роскошному парчовому плащу, подбитому мехом, и тому, что она старательно прятала лицо под широким капюшоном.

Люди ели, пили, переговаривались. Меня заметили, но в этот раз не стали тут же тарашиться, так что я присела у стойки. Тарелку и молоко мне

снова принесла Сюзанна, глаза которой горели от предвкушения.

– Как горло? – шепнула она.

– Спасибо, Сюзанна. Твоя бабушка настоящая волшебница. Я спою сегодня.

– Чудесно! Чудесно! – чуть ли не в ладоши захлопала девушка.

Улыбнувшись, я попросила отнести еды моему рабу прямо в комнату и сама быстро поужинала.

После чего повернулась к публике, поклонилась и положила пальцы на струны.

В этот вечер я сначала играла, изредка открывая глаза. Заметила, как исчез пренебрежительный скепсис с лиц аристократов. Выполняя обещание, данное Сюзанне, запела. Первая песня совершенно неожиданно для меня самой родилась прямо здесь, в забитом людьми зале небогатого трактира, в мрачном неприветливом городе на окраине Дагарры. Но слова срывались с губ, а мелодия рождалась из сердца...

Что было, то прошло,
И пылью замело...
Куда же ты ведешь меня, дорога?
Все лучшее ушло,
Но я, судьбе назло,
Пройду вперед, пускай совсем немного.

Растаял детства след,
И мамы больше нет,
И в дом родной мне больше нет возврата.
И где найду ответ:
Зачем рожден на свет,
Зачем я вдаль опять иду куда-то?

Деревни, города
Похожи, как всегда, —
Ведет дорога к берегу другому.
Но где бы ни был я,
Дорога та моя,
Я верю, приведет к родному дому.

Туда, где ждут меня,

Где есть тепло огня,
Где свет ночами из окна струится.
Где любят без прикрас,
Где злу всегда отказ,
И где кому-то без меня не спится... [\[3\]](#)

Я долго пела потом. Учитывая необходимость в деньгах и присутствие знатных господ, песни были благородные. Народные – в другой раз и для другой публики.

– А сейчас, дамы и господа, – заговорила я, когда пальцы устали от струн гитары, – я расскажу вам байки и небылицы. Любите ли вы сказки? В душе каждого из нас прячется ребенок, верящий во что-то удивительное. И пусть жизнь не балует нас чудесами, но это ведь не повод отказываться от невероятных историй? А слышали ли вы когда-нибудь сказки закрытого королевства? Я знаю их много. Рассказать?

– Расскажи, менестрель, – неожиданно подал голос один из аристократов, демонстративно положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула.

Я начала свой сказ:

– В далекой стране, окруженной со всех сторон горами, где обитали только люди и никаких других народов, кроме них, жили-были старик со старухой. И были у них четыре дочери на выданье. Все как одна девицы красивые, работающие...

Мне не нравились сказки Дагры. После того как я узнала другие, в которых добрые чародеи творили чудеса, злокозненные некроманты поднимали полчища зомби, волшебные существа выходили к людям из зачарованных дубрав... Сказки же закрытого королевства были скучными и страшными. Жители Дагры поклонялись Неумолимой, богине смерти, и истории наши... их – были порой леденящими душу во всей неприкрытости человеческой жестокости.

Но отчего-то эти мрачные и беспросветные выдумки нравились всем, кто слышал их от меня здесь, в Дагарре. Даже ребятишкам. Хотя дети вообще любят страшилки. Я и сама, когда была маленькой, просила маму и нянечку рассказать мне какую-нибудь «жуткую жуть», чтобы потом, съезжившись под одеялом в комочек, сквозь щель смотреть на тени на стенах и бояться. Со вкусом бояться, чтобы аж мороз по коже и волосы на затылке дыбом вставали. Это щекотало нервы, заставляло трястись от ужаса, будоражило и помогало ценить, что это всего лишь фантазии, а не

реальная жизнь.

Мое сегодняшнее выступление не оставило никого равнодушным. Или же не мои способности, а то волшебство, что рождали струны гитары, сделанной мастерами сидхе. Я воспринимала каким-то неведомым образом чувства людей, сидящих в зале. Грусть, печаль, щемящая радость и нежность к кому-то из близких, кого здесь не было, восторг и страх от рассказанных мною сказок. Все эти эмоции щедро переплетались и витали в воздухе. Так странно... Раньше я никогда ничего такого не ощущала. Проявление моего дара? Ведь я сняла блокирующий амулет. Я эмпат?

Улыбающаяся Сюзанна, которая вновь собрала со всех деньги в мою шляпу, вручила ее мне. Я поклонилась и хотела уже уйти, но была остановлена властным голосом.

– Подойди! – приказал один из лордов.

Держа головной убор в руках, я поправила гитару на плече и подошла, думая, что они хотят дополнительно расплатиться.

– Ты очень талантлив, музыкант, – цедя слова, сообщил мне аристократ в богатом, расшитом золотом и сапфирами наряде.

– Спасибо, лорд, – поклонилась я. Нет, не подобострастно, а как один дворянин другому.

– Да еще и из благородных, как я вижу, – правильно понял он.

– У всех разная судьба, сиятельный. Некоторым – не везет.

Тут меня отвлекла дама, сидевшая за этим же столиком. Из-под парчового плаща вынырнули две узкие изящные кисти рук с длинными тонкими пальцами, украшенными перстнями с драгоценными камнями. Леди жестом поманила меня, а когда я повернулась к ней, сняла один золотой перстень с крупным аквамаринном и протянула мне. Голос ее был тих и мелодичен, но слова она произносила четко:

– Я оценила, музыкант. Ты невероятно одарен. Пусть мое кольцо хранит тебя. Это защитный амулет и талисман. Меня огорчит, если тебя убьют где-нибудь на тра́кте. Мир станет менее прекрасен, если лишится такого таланта. Надень сейчас!

– Благодарю вас, леди, – приняв неожиданный подарок, я склонилась так, как это принято делать перед высокородными дамами из высшего общества. Ведь я сейчас играю роль парня.

– Ступай, мальчик, – проследив, что я надела подарок, велела она. – И найди себя в этой жизни. Ты маг, тебе нужно учиться, а не скитаться по дорогам.

– Я маг? – аж подпрыгнула я. – Вы видите? У меня есть дар? Какой?

– Смешной малыш, – тихонечко рассмеялась она. – Какой у тебя дар,

определят в школе магии, если ты придешь к ним. Но он точно есть.

Я хотела задать еще вопрос, но она шевельнула пальцами, прогоняя меня и давая понять, что разговор окончен, и встала.

– Пойдемте, господа.

Провожаемая в спины взглядами, компания аристократов покинула трактир. Мне же осталось только попрощаться с публикой, сообщить, что завтра я снова буду выступать, и уйти наверх. В шляпе поблескивали монеты. Медь, серебро и... несколько золотых. Лорды были щедры.

– Дарио, мы богаты, – войдя в комнатуху, с порога сообщила я. – Мне впервые за эти месяцы удалось заработать золото. Теперь только убережь бы его. Скорее приходи в себя, чем быстрее мы отсюда уедем, тем будет безопаснее.

На следующий день я сходила с утра в продуктовую лавку и купила для Дара хлеба, свиной окорок, головку сыра, яблок. Притащила всё это в нашу комнатуху, выгрузила на комод и строго заявила удивленному мужчине:

– Вот это всё ты должен съесть!

У него поднялись брови, и он многозначительно обвел взглядом количество еды.

– Ну не за один присест, разумеется. Дар, прости, но ты тощий как скелет. Даже я и то толще, хотя мне частенько приходилось голодать. Тебе надо отъедаться, и как можно скорее. Ешь часто, пожалуйста. Вот прямо делай себе бутерброды и жуй. Я тебе даже свой кинжал оставлю. Горячую еду, похлебки и молоко будем заказывать здесь, с кухни, а в перерывах – то, что я сейчас купил.

Он неожиданно фыркнул, словно лошадь, и с чуть заметной улыбкой покачал головой.

– Что? – возмутилась я и уперла руки в боки. – Только не говори мне, что тебе уже не надо восстанавливаться. Посмотри на себя! Ты как собираешься держать в руках меч и защищать нас? А ехать как? Мы ведь не можем торчать тут вечно, через несколько дней предстоит тронуться в путь.

«Я не смогу столько съесть», – прочла я быстро написанный ответ.

– Сможешь! Возьмешь и сможешь. И будешь есть, пока не вернешь свои силы. Я приказываю! – свела я брови. Странно как-то, приходится настаивать на том, чтобы человек поправился и перестал быть похожим на восставшего мертвеца.

«Ты ужасный хозяин, Рэми. Ты в курсе, что рабовладельцы не откармливают своих рабов, не водят их в бани, не покупают им чистые

добротные вещи?..»

– Откуда бы мне быть в курсе? – отвела я глаза. – На моей родине не существует рабства. Не придирайся, а отрезай мяса и делай себе бутерброд.

Дарио беззвучно засмеялся. Худые плечи вздрагивали, губы были крепко сжаты, но сдержать улыбку ему не удавалось.

«Рэми, ты такой смешной. Боги послали мне тебя, наверное, чтобы вернуть к жизни».

– Это уж точно. Вот и не гневи богов, – тоже фыркнула я от абсурдности разговора. – Может, нужно у знахарки еще трав приобрести каких-то? Укрепляющих настоев? Ты, если разбираешься, напиши – какие. Я куплю.

Травы я и правда заказала через Сюзанну у ее бабушки. Названия этих растений мне ни о чем не говорили, но, похоже, Дарио неплохо разбирался в них. Он быстро и уверенно составил список из десяти наименований и даже приписал, в каких пропорциях их смешивать в сборе.

Разумеется, я оплатила заказ. Сюзанна ничуть не удивилась моей просьбе, поэтому я сделала вывод, что ничего странного или запретного в списке не было. Она в тот же день принесла пахнущий лесом и полем мешочек и вручила его мне со словами:

– Бабушка сказала, что это очень хороший выбор. Похвалила. Говорит, такой отвар быстро поставит на ноги любого даже после затяжной болезни. Ты тоже попей, он укрепляющий. И если что-то еще понадобится, обращайся. Бабуле было приятно составлять такой продуманный сбор.

На кухне я договорилась, что мой смертник будет спускаться периодически за кипятком для заваривания лекарства. Не могу ведь я постоянно бегать.

С Дарио вообще оказалось на удивление просто общаться. То есть сложно, учитывая, что он свои реплики излагал письменно. Но зато всё было кратко и по существу. А я решила не стесняться и привлечь его к сборам в путь.

Наверное, я просто слишком устала от одиночества, невозможности расслабиться хоть на минуту, поговорить с кем-то... С этим человеком мне можно не держать лицо. Нет необходимости постоянно улыбаться, изображая фальшивое веселье, не надо думать о том, что мои манеры, осанка, привычка держать спину и голову покажутся странными окружающим. Не нужно сутулиться и казаться незаметнее... Раньше я могла отдохнуть от постоянного напряжения только наедине с собой, но это бывало так редко.

Нет, разумеется, я не открывала едва знакомому человеку душу и не

рассказывала о себе всю правду. Недоверчивость теперь мое второе имя. Но хотя бы дышать и двигаться в его присутствии я могла свободно. Не пыталась следить за своей речью, не вставляла простонародные словечки, чтобы сойти за «своего парня». Я аристократка, выросла в роскоши, получила прекрасное образование, следовала этикету, умела командовать слугами. Но последние месяцы это всё приходилось скрывать, чтобы не раздражать людей. Отнюдь не все были благодушно настроены к обнищавшему дворянчику, оказавшемуся на улице. Кто-то, конечно, жалел, но у большинства это вызывало злорадство.

Дарио же сам был аристократом. Титул свой не назвал, но всё же написал, что он лорд и состояние у него имелось. Мы, двое отвергнутых, оказавшихся за бортом жизни каждый по своим причинам, неожиданно нашли друг в друге опору и надежное плечо.

Уже на второй день Дар поднялся с постели и с трудом, часто делая перерывы, чтобы отдышаться, стал заниматься, возвращая телу и мышцам форму. Приседания, прыжки, отжимание от пола и от стены, наклоны, вращение руками. Медленно, понемногу, из последних сил, задыхаясь и обливаясь потом. Потом отлеживался, и его била мелкая дрожь. Но он не сдавался. Немного отдыхал и снова принимался за дело. Я наблюдала за ним, сидя на кровати, поджав ноги и отвлекаясь на сказки. Ведь нужно выучить их как можно больше. А еще он исправно ел купленные мной продукты. Через каждые два-три часа дисциплинированно отрезал себе по паре толстых кривых бутербродов (мой кинжал был ни на что не годным, если уж откровенно) и жевал их, отстраненно глядя в окно. Попросил меня купить яиц, а потом пил их сырыми, прямо из скорлупы. Меня передергивало, когда я такое видела. Не понимаю, для чего это нужно. Еще спросил, смогу ли найти и купить крынку свежей сметаны. Я смогла, купила. Он ел ее ложкой или намазывал на хлеб. Сметана и сырые яйца полезны людям, восстанавливающимся после болезни и долгого голодания? Не знаю.

Пять раз в день Дарио заваривал укрепляющий отвар. Я тоже попробовала это пойло. На вкус – редкостная гадость, горькая, вяжущая язык. Но эффект заметила, травяной сбор и правда бодрил.

В общем, мои слова, что он должен прийти в норму в кратчайший срок, были восприняты буквально, как прямой приказ. И Дар старался. Я видела, как ему тяжело, но он делал всё необходимое. Наверное... Ведь что я знаю о том, как возвращать здоровье и силы?

По вечерам я выступала в общем зале трактира. Еще дважды

приходили аристократы, снова платили золотом. Но та леди, что подарила мне амулет, больше не появлялась. Жаль. Мне бы очень хотелось задать ей вопросы, похоже, она маг, как моя мама.

Если я выходила в город, то много денег с собой не брала, боялась, что ограбят. Оставляла на хранение Дарио. Возможно, это неразумно, но я решила, что либо я доверяю, либо нет.

В последнем случае полагаться на присутствие в моей жизни этого человека не стоит. Но мне так нужно было, чтобы хоть кто-то взял на себя пусть и самую малость решений и проблем... Подсказал, помог, посоветовал...

Дар смог дать мне это. Составлял список необходимых в дорогу вещей. Что-то я уже знала после своего долгого путешествия в одиночку. Но, как оказалось, не всё. Посоветовал, что из одежды стоит купить с учетом, что скоро могут ударить морозы.

А потом предложил купить лошадей. Я знала цену *хорошего скакуна*. У меня когда-то был породистый жеребец, но такой стоил очень дорого. А сколько придется заплатить за простых коняшек, на которых мы могли бы уехать, я не понимала. Да и выбирать я их не умела. Моего Бурана мне подарил папа. Как же жаль было бросать его в родном замке, но иного пути мне Гаспар не оставил.

Также я ничего не понимала в оружии. Согласилась с необходимостью купить для Дарио меч. Но какой? Как оценить характеристики? Сколько он может стоить?

– Дар, я не смогу сделать это сам, – призналась я в своей несостоятельности. – Если ты хочешь, чтобы я купил лошадей и оружие, придется идти со мной. Ты укажешь какие, я оплачу. Можешь посмотреть, сколько я заработал за эти дни, и прикинуть, на что вырученного хватит, – высыпала я на кровать все свое состояние.

Пошел. Мы вместе рассматривали лошадей. Точнее, я пыталась понять, насколько плохи купленные нами два флегматичных мерина. Моему Бурану они и в подметки не годились, но ничего иного мы себе позволить не могли... Беспрекословно оплатила и их, и два седла. Молча наблюдала за тем, как вдумчиво перекладывал из руки в руку поочередно разные клинки Дар и примерялся, делая выпады и замахы. Он взял меч простой, без каких-либо украшений. Еще лук со стрелами. Дарио умеет им пользоваться? Обычно аристократы предпочитают холодное оружие, оставляя стрелковое гвардейцам и стражникам. Ну и наемникам, само собой.

Глава 13

На седьмой день я вернулась в нашу комнату после выступления в зале трактира и сообщила:

– Пора выезжать. Мы приобрели всё необходимое, есть и одежда, и обувь, и оружие. Моих денег еще хватит на еду в дорогу, и всё.

Дар поднял голову и взглянул вопросительно, с чего вдруг такая спешка?

– Людям больше не интересны мои истории и песни. Сегодня народу было мало, денег почти не удалось заработать. Если останемся дольше, потеряем время впустую. Ведь за постой приходится платить, а скоро станет нечем. Все остальное мы потратили.

Кивнул, не теряя времени на разговоры, точнее, на мой монолог, взял тетрадь и быстро составил список необходимых в дорогу припасов для нас и лошадей. Приписал, что стоит взять в продуктовой лавке, а что лучше заказать у трактирщика.

«Пойти с тобой?»

– Да. Завтра сделаем последние покупки, помоемся перед дорогой и послезавтра на рассвете отправимся в путь. Согласен?

Мы уже договорились, что, как я и планировала, покинем Дагарру и переместимся в соседнее королевство Лицинию. Там тоже преобладало людское население, но чем дальше от границ с Дагаррой, тем больше будет эльфов, гномов и оборотней. Это я уже знала и со слов Сюзанны, и после разговоров с людьми в городе.

Не знала только конечной точки маршрута. Дар предложил мне пересечь и Лицинию, доехать до Калиоты. Написал, что там живет его знакомый, который поможет. А дальше – по обстоятельствам.

Мне было всё равно, лишь бы хоть куда-то уже приехать и остановиться. Тем более, я сама примерно так и планировала. Осесть на одном месте хотя бы на пару месяцев, собраться с силами и найти школу магии, в которую я смогла бы поступить. Причем не в любую, а в такую, где не нужно платить за обучение. Без стипендии мне не справиться, да и заработать на учебу я не смогу. Это я понимала.

Дар пообещал, что поможет мне попасть в одну из таких. Не смог ответить, где именно, но короткая фраза внушала надежду:

«Я обещаю, ты будешь учиться. Ты спас меня. За мной долг жизни, и я сделаю для тебя всё необходимое. Верь мне!»

– Я верю, – устало улыбнулась я, прочитав его слова. – Надеюсь, у нас всё получится. Ты найдешь этого своего знакомого, он поможет тебе. Ну и мне заодно.

«Рэми, я заплачу свой долг жизни. Ты не пожалеешь о своем выборе и помощи мне. Клянусь!»

И взгляд желтых глаз, твердый, уверенный...

Начинается новый этап моего пути. Я больше полугода провела в одиночестве. Это... страшно, когда ты среди толпы, но одна. И ни единой близкой души рядом.

Сейчас же... Да, встретились два одиночества, два человека в беде. Дарио не выжить без меня, а мне, похоже, без него. В ту ночь в собачьей конуре, когда единственным существом, пожалевшим меня и протянувшим руку... лапу помощи, был старый пёс, я отчетливо поняла: еще немного, и сломаюсь.

В данный момент у меня появились надежда, какая-то внятная цель и тот, кто может поддержать. Не бескорыстно, а в качестве благодарности. Но это лучше, чем ничего.

Лошадки наши оказались, как ни странно, довольно крепенькими. Так что ехали мы достаточно бодро, под копыта стелились дороги Лицинии. Сейчас нас было двое, так что не приходилось прятаться по обочинам за кустами и деревьями, завидев встречных или услышав топот сзади. Это передвигаясь в одиночестве, я боялась собственной тени и того, что могут ограбить, а потому скрывалась и переживала. Выходила, только убедившись, что путешественники безопасны для одинокого мальчишки. Сейчас же рядом со мной был вооруженный взрослый мужчина.

Темное время суток проводили мы по-разному. Когда в лесу, нарубив лапника и соорудив лежанки, когда – просились на постой. Переговоры всегда вела я, как единственный говорящий в нашей маленькой компании человек. Дар просто стоял за моей спиной, всем своим видом показывая, что в обиду мы себя не дадим, но если надо как-то отработать и оплатить ночлег – всё сделаем.

И так делали. Доводилось и дров нарубить, и воды натаскать из колодца, и с чем-то по хозяйству подсобить. А всё потому, что в богатые дома, в которых есть свои работники, мы не заходили. Знаю я уже, ничем хорошим это не кончится. А вот к вдовым бабам или к старикам – не стеснялась стучаться, с порога обозначая наши потребности и готовность сделать что-то взамен.

Бывало, в придорожных постоялых дворах и трактирах ночевали. Но

тут уж я выступала перед посетителями, зарабатывая монетки на припасы в путь и на то, чтобы оплатить ночлег. Дарио не присоединялся ко мне, но слушал внимательно, и порой я замечала, как он отбивает ритм пальцами по столу.

– Может, ты смог бы аккомпанировать мне? – спросила я как-то. – Ты играешь на чем-то? Давай и тебе купим музыкальный инструмент?

Он долго размышлял, поглядывая на мою гитару, после чего ответил:

«Ни одна гитара или лю́тня^[4] работы людей не сравнится с поделкой сидхе. Я мог бы сказать много плохого о том народе, но их магия – музыка. Мне если только бубен или барабан. Поддержу ритмом».

– А чем плохи сидхе? – удивилась я. – Говорят, они были миролюбивым волшебным на-родом.

«Врут», – появилась лаконичная запись в тетрадке.

Мы так и общались: я вслух, Дарио – записками. И если я могла себе позволить достаточно пространственные реплики, то его ответы всегда были краткими и по существу.

О себе он не рассказывал. Я, разумеется, пыталась выяснить, как так получилось, что он угодил под суд и потом в рабство, но единственное, чего смогла добиться, – это короткая фраза:

«Меня подставили».

И всё, понимай как хочешь.

Выздоровливал он нечеловечески быстро. Буквально три недели с момента нашей первой встречи – и уже не скелет, обтянутый кожей, путешествовал со мной, а крепкий высокий мужчина. Сила и ловкость возвращались не так быстро, как вес и мышцы, но и над этим он работал. Во время каждого привала, пока я пыталась отдохнуть после долгой поездки в седле, он, не мешкая, разбивал лагерь, разводил костер и сразу же начинал заниматься. Сначала делал упражнения, чтобы разогреться, а после танцевал (иначе это и не назовешь) с мечом.

Красиво... Наверное, он когда-то был сильным воином. И снова будет, полностью восстановившись.

– Дар, сколько тебе лет? – поинтересовалась я как-то. По лицу, изуродованному шрамом, сложно было понять. Не стар, да, но точнее не ясно. – И сколько лет ты провел в... таком состоянии? – помявшись, договорила я.

Он сжал губы в тонкую линию и словно закаменел. Игнорировал меня долго, занимаясь костром. Я уж было решила, что так и не получу информации, но потом, словно решившись, Дарио взял тетрадь и, не поворачивая ко мне головы, написал:

«Считай, что мне тридцать».

– Как это, считай, что тебе тридцать? – озадачилась я. То, что ответа на второй вопрос не узнаю, уже поняла. Вероятно, это слишком болезненная тема. – А по-настоящему? Ты не помнишь?

Мужчина неопределенно дернул плечом и, взяв меч, пошел тренироваться, давая понять, что тема закрыта.

С ним было одновременно и легко, и сложно. Порой мне казалось, что не он моя собственность, а я его. Он относился ко мне как к несмышленому ребенку, опекая, помогая, охраняя от малейшей опасности. Корректировал наше передвижение, брал на себя всю тяжелую работу, не позволяя мне рубить дрова или лапник, например. Написал, что мне нужно беречь руки. Дарио внимательно слушал всё, что я ему говорила. Но о себе сообщать ничего не хотел, уходя от моих вопросов весьма умело. Хотя, что уж легче, если его немота давала ему на это все основания.

Однажды я решила пошутить и прощупать почву и со смешком проговорила:

– Ты так ко мне относишься, словно я де-вушка.

«Если бы ты был девушкой, я бы тебя убил. Или просто не пошел с тобой».

Я подавилась смехом и уставилась на него во все глаза, лишившись на мгновение дара речи.

– Но... почему? – еле выдавила из себя.

«Женщины – зло. Я бы предпочел смерть в той клетке, чем стать собственностью женщины».

– Ты неправ, Дар, – помолчав, твердо сказала я. – Не все женщины зло, так же как и не все мужчины. Если тебя когда-то предала одна из них, другие-то не виновны. Вот я оказался на улице по вине своего единокровного брата. Мне теперь считать, что абсолютно все мужчины – жадные жестокие подонки? А как же ты? Как те, кто мне помогал во время моих скитаний? А моя мать – женщина. Мой брат убил ее, а она сделала всё, чтобы подготовить мне путь к бегству, спрятала... Скажешь, что и она – зло?

Дар слушал меня внимательно, я видела.

– Знаешь, будь я девушкой... И испытай всё то, что уже довелось... Стал бы я от этого хуже? Не думаю. Вот мне было бы хуже, тут не поспоришь. Но я сам?.. Вряд ли. Так же пытался бы выжить, так же играл бы на гитаре и пел, чтобы заработать хоть немного монет на пропитание. И мимо тебя тоже не прошел бы.

«Прошел. Точнее, прошла бы. Даже не взглянула бы. Женщины хотят денег и власти, умирающий мусор им не нужен».

– Не все женщины хотят денег и власти, – покачала я головой, прочитав его ответ. – Мама была другой. Она очень любила моего отца, поэтому вышла за него замуж, делала всё для семьи.

«Вышла замуж за графа, заметь. Не за крестьянина».

– Ты злой... Стал злым. Когда-нибудь, надеюсь, ты мне расскажешь, кто же сделал тебе так больно, что ты презираешь всех женщин без исключения. Но поверь, ты неправ.

После этого разговора я приуныла. Я-то надеялась, что как только мы привыкнем друг к другу и я смогу ему доверять, а он меня защитить, то сниму амулет личины. Признаюсь, что на самом-то деле мне уже семнадцать, а не четырнадцать. И что я девчонка, а не мальчишка-подросток.

Сейчас же...

Нет, бросить меня Дарио не сможет, наложенные на рабский ошейник чары не позволят. Но и относиться ко мне так, как сейчас, он уже не будет.

И я смолчала. Придет время, мы найдем способ помочь ему избавиться от магического ограничения свободы, и тогда я уйду. Наверное, на прощание признаюсь. А может, и нет. Пусть останется в его памяти образ чудного непутевого музыканта, а не коварной хитрой особы и обманщицы.

Но всё же было грустно и обидно и за него, которого когда-то так сильно кто-то обидел, и за себя, что я не могу открыться и вынуждена буду и дальше скрывать правду.

Наше путешествие продолжалось. Оставались за спиной села, деревни и города Лицинии. Нет, не всё было гладко. И на грабителей напоролись пару раз. И тогда я, сжав от ужаса зубы, смогла наблюдать, насколько же хорош Дарио. А он оказался действительно великолепен. Часть нападавших прикончил из лука. Причем стрелы мелькали с невероятной скоростью, я даже не успевала увидеть, как он доставал новую. Оставшихся, вертясь словно сверкающий сталью волчок, Дар просто прирезал.

– Но... как?! – придя в себя от шока и скорости, с которой всё закончилось, едва начавшись, спросила я.

Руки мелко дрожали, в ушах звенело, к горлу подкатывала тошнота от вида крови. А вокруг тела...

Бросив на меня быстрый взгляд, Дар принялся обыскивать трупы. Забрал деньги и всё ценное, уж не знаю, что именно. После чего стащил погибших в одну кучу и забросал сверху ветками.

Я всё не могла прийти в себя, а мой спутник вернулся, посадил меня на лошадь и, храня невозмутимое молчание, повел ее в поводу. Я тоже не проронила ни слова. Мне было плохо во всех смыслах – и физически, и морально.

За месяцы скитаний я не единожды видела смерть совсем близко, многих хоронила и оплакивала. Я родом из края, где Неумолимая – единственная богиня, которой поклоняются. Но так и не смогла привыкнуть к тому, как легко и быстро можно умереть. К тому, как страшно выглядят окровавленные тела тех, кто еще минуту назад дышал, смеялся, двигался... Нет, мне не было жаль этих разбойников. Они сами выбрали свой путь. И я отдавала себе отчет в том, что если бы Дарио не убил их, то они убили бы нас.

Я всё понимала. Но мне было плохо от этой невыносимой жестокости мира.

Уже позднее, на привале, понаблюдав за тем, какая я пришибленная, Дар написал:

«Рэми, или ты, или тебя. По-другому не вый-дет. Это жизнь. Я буду учить тебя владеть оружием».

– Я всё понимаю. Всё осознаю, и поверь, это не первый раз, когда я... столкнулся с подобным. Но каждый раз мне тяжело. А оружие... Я не смогу так, – покачала головой.

«Значит, тебя убьют. Быть с тобой рядом вечно я не смогу. Магии научат в академии или школе. Тут я тебе помочь не сумею. Но вот с оружием... Начнем завтра».

Когда в следующий раз на нас опять напали грабители, всё повторилось. Я ничего не говорила, не видела смысла озвучивать свои глупые терзания вслух. Зачем? Воину их всё равно не понять, только начнет считать мальчишку, доставшегося ему в невольные хозяева, рохлей и мямлей. Ведь не полагается это мужчинам и парням, а признаться, что я девушка, пока нельзя. А то, что мне муторно от вида крови и трупов, он и так заметил и не привлекал меня никаким образом. Наоборот, сразу уводил подальше от места нападения.

Именно во время этих кровавых происшествий проявил себя подаренный магичкой перстень-амулет. Или талисман? Какие у него свойства, я не знала, объяснить было некому, так он и оставался просто украшением до первого нападения на нас.

Сначала я не сообразила, что он спас меня. Лишь позднее, анализируя и раз за разом прокручивая в голове всё произошедшее, осознала, что

защита сработала без моего участия. Первая стрела, пущенная в меня грабителем, просвистела рядом, не задев, а словно скользнув по касательной на некотором расстоянии от моего плеча. Даже изменила траекторию полета. Разумеется, я этого не увидела и не поняла. Не до того, когда тебе в грудь летит смерть...

Не сразу пришла разгадка и того, почему вторая стрела, которую лучник успел выпустить перед тем, как Дар его убил, не прошила меня насквозь. Тогда мне казалось, что стрелок просто промазал.

Но вот позднее меня озарило. Нет, не промазал. Слишком хорошей и беспомощной мишенью я была. То есть меня защитило нечто невидимое и неосязаемое, но при этом действенное. Поскольку никаких амулетов я сама не покупала, то осталось принять как факт, что та леди не зря вручила мне ценный дар. Он действительно сохранил мне жизнь. Не единожды и, возможно, не раз еще сохранит в будущем.

Сдержав слово, Дарио начал учить меня искусству владения оружием. Понемногу, понимая, что сразу от меня ничего не добьешься. Показывал, как держать меч и лук. Направлял мою руку...

Ученица из меня оказалась отвратительная, признаю свое бессилие. Насколько легко мне давалась с самого раннего детства игра на любых музыкальных инструментах, попавших в мои руки, настолько бездарна я была в отношении всех видов оружия. Стрелы улетали куда угодно, только не в цель. Меч был неподъемно тяжел, и я еще только с трудом замахивалась, а мой учитель уже подносил к моему горлу палку, означающую, что противник подобрался вплотную и фактически прирезал.

Случались и нападения местной нечисти. В Дагре таких тварей не существует. Не знаю почему, вероятно, в королевстве, где нет магов, нечисть тоже не заводится. Или, вероятнее всего потому, что Дагра изолирована от остального мира не только территориально, но и накрыта плотным куполом, не пропускающим потоки магической энергии. Об этом я узнала из детских учебников. Я уже прочитала их от корки до корки, чтобы понять для начала, с чем мне предстоит столкнуться в будущем.

Но прочитать – мало. Нужно ведь пробудить свою силу, и вот с этим возникли определенные трудности. Я не чувствовала свой дар. Совсем. Вообще. Никакие ухищрения и подсказки, которые давались в советах, мне не помогали. Я даже в медитативный транс погружалась несколько раз, как мама учила, и всё впустую.

Предположительно, магический дар у меня есть. Это же подтвердила и

та леди из трактира, подарившая мне перстень-амулет. Но вот как найти этот дар в себе, чтобы попытаться с ним договориться? Не знаю. У меня не получалось.

Вот интуиция, как и говорила когда-то мама, работала. Эмпатия – тоже. Я уже чувствовала не только настроение толпы, когда эмоциональный фон был плотным и практически осязаемым, но и Дарио.

Его я читала как открытую книгу. Знала о его настроении в любой момент времени. Когда он раздосадован чем-то или злится, наслаждается моим музыкальным исполнением или грустит, в ярости от несправедливости жизни и ненависти к своим обидчикам или тоскует по прошлому. Не было для меня секретом и его отношение ко мне: покровительство, забота, благодарность и привязанность.

Я не рассказывала об этом. Зачем? Уверена, такое любому не понравится. Кому приятно, что твои чувства и эмоции как на ладони видны посторонним? Думаю, мама тоже была эмпатом. Я поняла это только сейчас. Ведь ей всегда удавалось погасить любую ссору в зародыше, найти нужные слова и успокоить...

Мои жалкие попытки разобраться со своей магией, которая вроде как есть, но в то же время и нет, Дар видел. Помочь ничем не мог только. Зато высказал свое мнение.

«Тебе нужен грамотный наставник. Сам ты ничего не добьешься. У детей часто проблемы с пробуждением дара. Он или нестабилен и прорывается внезапно, или же не слушается».

– Боюсь, что наставника я найду не скоро, – вздохнула я, с досадой захлопнув учебник, в очередной раз ничего не добившись.

«Мои способности заблокированы, раньше я был магом, но сейчас даже не вижу, что ты делаешь не так».

Я попыталась еще поспрашивать, но больше ничего добиться не смогла. Также я не смогла разузнать, чем же ему не угодила моя гитара, что когда он увидел ее впервые, едва не придушил меня. Дарио делал вид, словно не слышит моих вопросов.

Глава 14

Мы уходили всё дальше от Дагарры, пересекая Лицинию и нигде не задерживаясь. По календарю шел первый месяц зимы, и уверена, что мой родной край уже украсился белым покровом, а морозы заставляли людей кутаться в теплые одежды. Но здесь по-прежнему шли дожди, и хотя было сыро и промозгло, но ни снега, ни льда. Чавкала под копытами наших лошадей раскисшая земля в те моменты, когда мы съезжали с трактов. И пусть противно и мокро, но никаких метелей и буранов.

Я хочу туда, где нет суровых зим.

Дарио сообщил, что в Калиоте еще более мягкая погода. Учитывая, что мы держали путь строго на юг, воздух становился теплее, а мерзкая морось, от которой одежда и все наши вещи отсыревали, случалась всё реже.

Надеюсь, к тому моменту, когда мы наконец доберемся до места, где я смогу осесть и поступить учиться, жизнь наладится.

Интересно, а как в стране драконов?

Вот бы найти книги об этом. Может, у знакомого Дарио имеется библиотека? Мне было бы интересно почитать и об этом загадочном народе, и о еще более непонятном – сидхе.

Мы уже почти всю Лицинию преодолели, добрались практически до границ королевства и заехали на пару дней в достаточно крупный городок. Необходимо было отдохнуть после почти месяца в пути.

Я с интересом вертела головой, рассматривая дома и жителей. Вроде всё то же самое, что и по всей стране, а неуловимо иначе. Вероятно, сказывалась близость к Калиоте. Культура другого народа неизбежно просачивалась и сюда.

Найдя постоялый двор на окраине города, мы оплатили комнату с двумя кроватями, поставили лошадей в стойло и отправились прогуляться пешком, чтобы пополнить запасы кое-каких мелочей.

– Занятно здесь, – прокомментировала я, остановившись у одной из лавок. В витрине были выставлены поделки из камня и серебра.

Дарио притормозил, а на мою реплику только пожал плечами. Мол, ничего занятного...

– А это что за существо? – ткнула я пальцем в вырезанную из сероголубого халцедона странную зверюгу – гибкая шея с шипастым гребнем, большая зубастая голова, два огромных перепончатых крыла и длинный

хвост с кончиком в виде острого сердечка. – Никогда не видел летающих ящериц. Такие вообще бывают? Они ядовитые? Какая-то местная нечисть?

Повернувшись к Дару, я глянула ему в глаза, ожидая ответа. Он ведь старше меня, наверняка больше знает. Я-то совсем дремучая, в Дагре нет книг о волшебных существах, и самих этих существ тоже нет.

«Дракон», – протянул он мне надпись в своей тетрадке.

Я давно уже ему отдала ее в безраздельное пользование, так как это был единственный способ донести до меня его слова. А себе купила для сказок и песен другую, которую тоже всегда носила в кармане, чтобы записывать всё новое.

– Серьезно?! Дракон?! – Я повернулась обратно к витрине. – А почему он похож на ящерицу? Я думал, что драконы – это... Хм. А я ведь не знаю, как выглядят драконы, – внезапно поняла я. Когда я только покинула Дагру, староста в первой деревне рассказывал, что у них крылья, длинный хвост и они летают. Сходится. – И что же, драконы большие? – взглянула через плечо на своего спутника.

«Больше этого дома».

– Ты шу-у-утишь... Это же невозможно! Мне говорили, что драконы умеют принимать облик человека, словно оборотни. Но как?! Если они больше этого дома, то каким образом? А куда исчезают крылья и хвост? Втягиваются, что ли? Но они же не поместятся... Что? Чего ты смеешься? – возмутилась я, так как Дар беззвучно хохотал, аж плечи тряслись.

«Рэми, драконы – волшебные существа. Понимаешь?»

– Понимаю, – поджала я губы. – Но это всё равно ненормально. Я могу представить, когда волк перекидывается в людской облик. У них вес примерно одинаковый. Но как можно затолкать в одного человека, даже если допустить, что это крупный мужчина вроде тебя, такие огромные крылья, хвост, шею... А голова? Ты посмотри на эту голову! – ткнула я пальцем в статуэтку. – Ну вот как такая огромная башка может уменьшить череп и стать человеческой?

Дар ухмыльнулся, потер подбородок (кстати, щетина у него не росла, и бриться не было нужды), а потом взял меня за плечо и повел внутрь лавки.

– Что желаете, господа? – тут же подскочил к нам щуплый лавочник. – Украшения? Статуэтку в подарок? Это все уникальные вещи, вырезаны лично мной в единственном экземпляре.

Дарио отпустил меня, жестом поманил мастера к витрине и показал на вызвавшего нашу дискуссию зверя из халцедона. Поверить не могу! Вот эта крылатая тварюшка – загадочный дракон! А я еще в их страну хотела поехать...

– Да, господин? Материал – твердый халцедон. Желаете приобрести?

– А что, драконы действительно так выглядят? – со скепсисом вмешалась я. – Вы сами их видели?

– Да, юноша, – улыбнулся мастер, отчего от глаз побежали лучики морщинок. – Хоть и редкие они гости в наших краях, а все же случается, залетают.

– И что, они правда могут перекидываться в людей?

– Разумеется. Хотите взглянуть? – Он потянулся, снял с витрины статуэтку и протянул ее Дару.

Тот взял и, подняв брови, вопросительно кивнул.

– Вас интересует стоимость? – не понял лавочник.

– Мой друг не может говорить. Временные проблемы с голосовыми связками, – привычно объяснила я его немоту. Давно уже придумали эту причину и, в случае вопросов, так всем говорили. А рабский ошейник прятали за высоким воротом теплого вязаного свитера. – Но, наверное, да, он хочет узнать, сколько стоит эта ящерка.

– Дракон, юноша! – укоризненно покачал головой мастер. – Вы не представляете, насколько они прекрасны в этой ипостаси. Такая невероятная мощь... Хотите, я покажу вам другие изображения? В справочнике. Ах да, простите... – Назвав цену поделки, он отошел к стеллажу и вытащил толстую книгу. – Смотрите, молодой человек.

Я принялась листать рисунки, изображавшие драконов разных расцветок. Оказывается, у них чешуя бывает чуть ли не всех цветов радуги: синяя, бронзовая, серебряная, красная, алая... Даже розовая встречается у дракониц.

Мастер что-то еще показывал Дару и негромко рассказывал, а я так увлеклась, что не обращала на них внимания.

Когда мы вышли наконец из лавки и отошли немного, Дарио похлопал меня по плечу, а после того как я повернулась, протянул на раскрытой ладони того самого серо-голубого дракончика.

– О! Ты купил? Прости, я увлекся книгой и несколько выпал из вашей беседы.

Вместо ответа он взял мою руку, вложил в нее статуэтку и сжал мне пальцы.

– Это мне? Ты приобрел его для меня? – уточнила я.

Дарио кивнул и, снисходительно улыбнувшись, потрепал меня по голове, как несмышленного ребенка. Но я не обиделась. То, что я для него – ребенок, и так понятно.

– Спасибо. Знаешь, я уже начинаю привыкать к мысли, что драконы

каким-то невероятным образом могут перекидываться в людей, – задумчиво призналась я, рассматривая на свету статуэтку. – Не понимаю – как, но готов признать этот факт. Мне просто нужно немного осмыслить это, пока всё кажется очень странным. Ну что ты опять смеешься?

Поели мы в городе, а на постоянный двор вернулись уже после обеда. Мне предстояло вечером сыграть и спеть перед постояльцами, и я уже договорилась об этом с хозяином. В пути Дарио частенько обеспечивал нас пропитанием, охотясь на дичь или птицу, но единственным источником дохода по-прежнему являлись мои выступления.

Темноты еще предстояло немного подождать, заняться было решительно нечем, и я, поставив статуэтку на столик в нашей комнате, села напротив и уставилась на нее.

– Дар, а драконы умеют разговаривать, когда они в таком облике?

Глянула на отрицательное качание головой и снова перевела взор на странное крылатое существо.

– А огнем они действительно дышат? Я на картинке видел, что у них из пасти шел дым и пламя.

Ответом мне был подтверждающий кивок.

– А магия? Они когда могут чаровать? В облике ящерицы или в человеческой ипостаси?

Дарио тяжело вздохнул, принял сидячее положение и ткнул себе в грудь пальцем.

– То есть, когда они в человеческой ипостаси, – правильно поняла я. – Хм. Нет, что-то не сходится. Они же огромные, ты сам сказал, что больше того двухэтажного дома. Без магии они не смогли бы летать. Ну что ты всё время надо мной смеешься? Ну подумай сам. Вот птица... Она легкая, да? И не слишком большая. Она может парить. А как это удастся здоровенной туше? Нет, что-то тут нечисто. Уверен, что драконы обладают магией и в таком зубастом состоянии. А огонь? Да они бы сами себе сожгли глотку, если бы не были защищены магией.

Дарио прикрыл лицо руками и снова беззвучно захохотал.

– Да ну тебя, – усмехнулась я и переместилась на кровать.

Достав тетрадку и карандаш, на несколько минут задумалась, а потом принялась быстро писать. Слова, всплывавшие в голове, я тихонечко бормотала под нос.

– Поговори со мной, дракон, крылом задев за облака. Твоей красой – ошеломлён... – перевела взгляд в окно, снова на статуэтку, и дописала: – Гладь неба для тебя легка...

Песня, пусть и немного нескладная, рождалась прямо на ходу. Я

вообще неожиданно для себя стала часто придумывать разные незамысловатые стихи и перекладывать их на музыку. Раньше за собой таких талантов не замечала, но... тогда у меня была совсем иная жизнь. Я была дочерью графа, наследницей титула и состояния, училась всему, что необходимо было знать для управления всем этим богатством и землями. Последние полгода, даже уже больше, сильно изменили меня.

– Дар, послушай, – отложив в сторону тетрадь, я взяла в руки гитару. – Я написал песенку. Как думаешь, спеть ее сегодня? Понравится она людям?

Он привычно кивнул и приготовился внимать. Собственно, именно он и был всегда первым, кому доводилось слушать мое творчество.

Поговори со мной, дракон,
Крылом задев за облака.
Твоей красой – ошеломлён.
Гладь неба для тебя легка.

Мне с выси чудится трезвон —
Восторгом слез звенят века.
Твой крик летит! Я восхищен —
Песнь неба, как же ты сладка́!

Поговори со мной, дракон.
Уважь ты просьбу чудака.
В озёрной глади отражён
Твой силуэт. Грань так тонка...

Смежив веки, чтобы не отвлекаться, я пела, и слова легко ложились на музыку. Не знаю, как ее примут люди, но у меня самой мурашки по спине побежали. Распахнув глаза, я посмотрела на Дарио и испуганно оборвала ноту, не закончив.

– Дар, у тебя кровь идет носом!

Он сидел, застыв словно неживой, уставившись на меня ничего не выражающим взглядом, а из его носа уже не капала, а буквально лилась кровь.

– Дарио! – бросилась я к нему.

И тут он открыл рот, словно желая что-то сказать, и из него тоже хлынула кровь.

– Дарио! Что... Что же делать?!

А в следующее мгновение мужчина упал на пол, и его начало бить в конвульсиях и корежить. Тело тряслось, извивалось... А кровь всё шла...

– Дарио! Дар! – Я прыгнула к нему, перевернула на бок, чтобы он не захлебнулся, и навалилась сверху, сдерживая изо всех сил, чтобы он не причинил сам себе вред. – Тихо... Постарайся не двигаться... Дар!

Когда он, отключившись, затих, и мы оба, и пол были полностью перепачканы алым.

– Боги великие... – в ужасе прошептала я и сползла с него. У меня самой руки тряслись от испуга и непонимания, что произошло. Ведь всё было хорошо. Он был совершенно здоров, сидел, улыбался, слушал меня, и вдруг такой припадок...

Чего мне стоило раздеть его и затащить на кровать, я не стану рассказывать. Когда наконец-то бессознательное тело распласталось на постели, я сама была едва жива. Звать служанку – страшно. Еще решат, что это заразная болезнь, выкинут тогда с постоянного двора. И что нам делать ночью на улице? Единственный выход – скрыть это ото всех. Кровь замыть, перепачканную одежду спрятать и потом постирать. И нужно оттереть лицо и руки. И мои, и Дара.

Этим я и занялась, перепуганная до смерти, ничего не понимающая...

А ведь еще выступать перед публикой. Внутри всё застыло от тревоги, меня слегка потряхивало от нервного возбуждения, но выбора нет, нам нужны деньги. И я пошла...

Сил на улыбки и сказки у меня не было. И я играла и пела. Наверное, никогда еще я так не играла. Отчаяние буквально рвалось из меня с музыкой и песнями... В мою шляпу падали монетки, здоровенные угрюмые мужики, понурившись, слушали и пили вино. Пили и слушали... Служанки едва успевали доносить им новые кувшины с хмельными напитками.

И я решила исполнить сегодня песню, написанную мною давно. Не представляла ее публике ни разу, очень уж она печальная вышла. Я тогда начиталась сказок о русалках, и родился этот текст, который позднее лёг на музыку. Исполнять его перед людьми я сегодня решилась впервые.

Кровью по пальцам стекает обида.

Сердце – осколки. Душа – хрупкий лёд.

Что же ты смотришь так прямо, открыто?

Ты так хотел. Это только – итог.

Ты говорил, что я дева морская...
Пряди волос, словно травы со дна.
Только в фате шла с тобою другая,
Та, что уж мною давно прощена.

Девочка юная, верила в чудо,
Нет в ней вины, она тоже – игра.
Людам всё видно, гудят пересуды,
Рожениц мука всегда тяжела.

Где же, мой милый, твой сын и наследник?
Няньки и дядьки? А как же отец?
Что же ты смотришь и молишь прощенья?
Ныне русалка я, жизни конец.

Слёз колких льдинки давно не стекают,
Жемчуга хочешь? Есть целый ларец.
Знал ты, любимый? На солнце сверкают
Слёзы русалок – каменья колец.

Зря ты так просишь забвенья, мой милый.
Я умерла уже очень давно.
Ты говоришь, я тебя заклемила?
Нет, светлый лорд, мне уже всё равно.

В водах морских мне живется привольно
Память? Стирается. Даже и ты.
Жемчугом плакала, мне было больно.
Хочешь? Отдам. А меня отпусти.

В сердце моем уж давно только холод,
Моря бескрайнего черная тишь.
Ты, светлый лорд, уже тоже не молод.
Что же пришел, всё себя ты казнишь?

Полноте, пусто, прошло уж бывшее.
Любишь? Смешно. Где ты был, мой любимый,
В годы, когда я жила лишь тобою?
Выбрал принцессу, моложе, красивей...

...Кровью по пальцам стекает обида.
Сердце – осколки. Душа – как в стекле.
Зря, светлый лорд. Тебя море не примет
....Чиркнул волну длинный хвост в чешуе.

Когда я закончила, то увидела, что в стороне притулилась служанка и, размазывая слезы, всхлипывает, позабыв о работе и посетителях. И тут ко мне подошел немолодой грузный мужчина с гордой посадкой абсолютно седой головы. Он швырнул в мою шляпу полный мешочек монет и глухо велел:

– Уйди, менестрель. Не рви душу! – развернулся и, покачиваясь словно пьяный, хотя я видела его абсолютно трезвые глаза, ушел в дальний угол. Буквально рухнул на скамейку и уронил лицо в ладони.

Отклонялась молча, забрала свой головной убор и гитару и с прямой спиной пошла к лестнице. Уходила я в звенящей тишине.

А как только поднялась наверх, бросилась к нашей комнате, чтобы проверить состояние Дара. У него был жар...

Следующие двое суток я не отходила от него ни на минуту. Он горел и не приходил в сознание. Периодически его снова начинало корежить, и он бился в судорогах. И тогда я, навалившись сверху, прижимала его бьющееся тело к тюфяку, чтобы он себе не навредил. Обтирала холодной водой, отпаивала... Дважды открывалось кровотечение. У нас был запас укрепляющего сбора, еще того, что мы покупали у знахарки. И я заваривала его, вливая по каплям сквозь потрескавшиеся от жара сухие губы.

Я сама уже падала от усталости. От тревоги кусок в горло не лез, и ела я, буквально заставляя себя. Понимала, что если и я слягу, то нам обоим конец.

Ни о каких последующих выступлениях перед публикой речь не шла. Во-первых, я боялась оставлять Дарио одного. А во-вторых, тот седовласый господин, выгнавший меня, как оказалось, швырнул мне целое состояние. В отданном им мешочке обнаружилось помимо серебра десять золотых монет. Не знаю, от чего он откупался. Вероятно, от несчастной любви и предательства. Плата за него досталась мне.

Глава 15

В какой-то момент усталость взяла свое и я не выдержала. Вроде сидела на краю кровати Дара, сначала обтирала ему лицо холодной мокрой тряпкой, чтобы унять жар, потом положила компресс на лоб и моргнула. Просто моргнула...

А проснулась как от толчка. Кто-то положил мне руку на плечо.

– Что?! – меня аж подкинуло.

Дарио полулежал в той же позе, как я его устроила, подложив обе подушки под голову и спину, боясь, что опять пойдет кровь и он захлебнется. Как оказалось, сон одержал победу и меня сморило. Я отключилась, упав головой на грудь своего пациента, а пришла в себя от того, что он потревожил меня. Сейчас его глаза были открыты, и он смотрел на меня вполне осмысленно.

– Ты очнулся! Слава богам! Как ты? Что-то болит? Как горло?

Мужчина неопределенно дернул плечом, продолжая так же внимательно смотреть на меня. От него исходила волна настороженности, даже опасения. Только я не очень понимала причину.

– Почему ты мне не сказал, что болен? Это какие-то последствия того, что с тобой делали, да? Мы бы нашли деньги на лекаря... Воды?

Облегчение, накотившее от того, что он наконец-то вернулся в этот мир, накрыло с головой. И вместе с ним пришла запоздавшая истерика. Меня внезапно начала колотить нервная дрожь, а зубы принялись выбивать дробь.

– Я с-сейчас... М-минутку... – зажав обе ладони между колен, я прикрыла глаза. – Т-ты н-не п-представляешь, к-как я исп-пугался... Д-думал, т-ты ум-мираешь...

Крепкие длинные пальцы легли на мою руку и легонько сжались. Утешает?

– С-сейчас... Я... – всхлип не удалось удержать. Пришлось закинуть голову и часто заморгать, чтобы скрыть выступившие слезы. Нельзя, я ведь вроде как мальчишка, а они не плачут. – Не делай так больше. Мы сходим к целителю, и он тебе поможет. Хорошо?

Я повернула к нему голову, встретила взглядом с желтыми измученными глазами и всё же не выдержала. Порывисто обернувшись, обняла его обеими руками и прижалась щекой к груди.

– Ты только не умирай, Дар. Всё будет хорошо. Мы обязательно

разберемся с твоей болезнью. Сейчас...

Неловко выбралась из-под его руки, которую он положил мне на голову, и сходил к столу. Взяла кружку с лечебным отваром и вернулась к больному.

– Пей. Я тебе заваривал этот укрепляющий сбор всё это время, он должен быстро поставить тебя на ноги. Ты пей потихоньку, я помогу, – поднесла посудину к его губам и чуть наклонила. – Ты двое суток не приходил в себя, а я боялся звать кого-нибудь на помощь. Вдруг бы решили, что это какая-то зараза, и выгнали нас на улицу. Я сам всё... Но сейчас уже можно пригласить лекаря, ты пришел в себя и кровь больше не идет. Да?

Допив, Дарио откинулся на подушки, а потом подцепил одеяло и осмотрел себя под ним. Поднял брови и глянул мне в глаза.

– Вся одежда перепачкалась, у тебя из носа и рта буквально хлестало. Так что я тебя раздел, затащил в кровать. Ну и потом тебе лучше не становилось, так что не до переодеваний было, – устало пояснила я. – Как ты? Хочешь есть? Я закажу что-нибудь легкое на кухне. Бульон? Что тебе принести?

Уже позднее, когда я накормила ослабевшего Дара и сама немного поела, то снова притулилась на краю его постели и попросила:

– Разбуди меня, если тебе что-то понадобится. Ладно? Я только чуть-чуть отдохну... Прилягу здесь, рядом, а то ведь ты не сможешь меня позвать... И не ложись низко, пусть голова будет поднята. Я тебе свою подушку подложил...

Он дернул изуродованной шрамом щекой и указал мне на вторую кровать, но я отказалась:

– Ты не сможешь мне крикнуть, если опять станет плохо. Я тут... Если вдруг у тебя снова начнутся судороги, проснусь. Прости, я очень устал. Ты был совсем плох и... Отдыхай.

В какой-то момент выражение глаз Дарио изменилось. Исчезла настороженность и опаска, промелькнули нежность и благодарность. Эмоции тоже изменились... Признательность и сочувствие, ласковое беспокойство. Он поймал мою ладонь и крепко пожал ее.

– Ты спи, набирайся сил. И не бойся ничего, я с тобой, – ответила на рукопожатие. – Ну что ты улыбаешься? – увидела лучики морщинок, разбежавшиеся от уголков глаз. – Я, конечно, не самая лучшая компания, знаю. Толку от меня мало. Но обещаю, что буду заботиться о тебе. И мы обязательно сходим к целителю. Я заработал, ты не думай. Нам есть чем оплатить твоё лечение.

Вместо ответа Дарио завозился, отодвинулся к стене, чтобы освободить мне больше места, и приглашающе похлопал по матрасу и по подушке. Я-то собиралась ближе к ногам пристроиться, там свободнее, но гарантированно проснулась бы, если бы он лягнул меня ногой во время припадка.

Еще двое суток ушло на то, чтобы он окончательно пришел в себя. Приглашать целителя сюда или идти к нему Дар наотрез отказался, как я с ним ни спорила. Мы едва не поругались из-за этого. Точнее, ругалась и кипела возмущением я, а Дарио, как всегда, отмалчивался и лишь качал головой. Ну не за шкурку же мне было его волочь? Хотела бы я взглянуть на это, учитывая, что он на полторы головы выше меня и шире в плечах почти в два раза. А я ведь для женщины довольно высокая, и мой рост сохранился и под личиной.

– Ну что? Вроде всё собрали? – Стоя посреди нашей комнаты, я осматривалась и пыталась сообразить, всё ли мы упаковали в дорожные сумки. – С хозяином постоянного двора я уже расплатился. Можем выходить, – повернулась к Дару, стоящему у окна с моей гитарой в руках. – Ее я возьму сам, а ты бери вещи. Так, еще плащи...

Я шагнула к кровати, надела свою неизменную шляпу, подхватила оба наших плаща и повернулась к нему.

– Рэми... – шепот, прозвучавший вдруг в тишине, заставил меня испуганно вздрогнуть и выронить из ослабевших вдруг пальцев плащи, которые тяжелой грудой шлепнулись на пол.

– Но как?! – У меня тоже вышел хриплый сип от потрясения. – Ты можешь говорить?!

– Могу, – склонив голову к плечу, искоса остро глянул на меня Дарио. – Спасибо.

– В смысле? Дар, что случилось? Почему к тебе вернулся голос? – Я скользнула к нему и пристально уставилась в глаза. – Это из-за болезни, да? Из-за кровотечения?

– Это из-за тебя, малыш. И из-за нее... – приподнял он музыкальный инструмент.

– Я не понимаю, – помотала я головой и обессиленно опустилась на стул.

– Магия сидхе... Ты и она, ваша музыка, ваше созвучие душ сняли с меня заклинание, Рэми. – Дарио говорил едва слышно, но его слова словно набат звучали в оглушающей тишине комнаты. – Не спрашивай – как. Я и сам не понимаю, потому что это абсолютно невозможно. На меня была

наложена печать вечной немоты. Кое-кто... – недобро усмехнулся он, – очень не хотел, чтобы я заговорил. А ты взял и сорвал эту печать, даже не заметив ее. И вот итог. Я, конечно, прочувствовал всю гамму ощущений от столь грубого вмешательства в неснимаемое, как считалось, заклятие, но голос ты мне вернул.

– Я... не знаю, что сказать, – растерянно пролепетала я. – И даже не представлял, что это из-за меня. Получается, я едва не убил тебя?! – сорвалась на писк от ужаса.

– Ты снова спас меня, малыш. Мой долг жизни всё растет. Скоро я должен буду тебе не одну свою жизнь, а все, целую вечность.

Я вяло отмахнулась. Не понимаю я всех этих высокопарных слов. Какой-то долг жизни, вечность... Какая вечность, когда каждый день может стать последним? Видела я много таких... строивших планы и умиравших через неделю от рук грабителей или клыков и когтей нечисти. А уж в Дагре и подавно... Сегодня ты почтенная горожанка, мирная селянка или знатная аристократка, а завтра горишь на костре и ты уже – проклятая ведьма. Нам отведено не так уж много времени, и всё в воле богов.

А от Дарио шла эмоциональная волна... Даже не знаю, как описать тот коктейль чувств, что он испытывал по отношению ко мне. Столько всего намешано, не разобрать, не перечислить... Но точно не было злости или обиды за то, что он так пострадал по моей вине.

Ехали мы молча. Кони переставляли ноги, под их копыта вновь ложилась дорога, ведущая нас в Калиоту. А у меня на душе было тревожно.

Я привязалась к этой загадочной гитаре. С ее появлением всё начало налаживаться, жизнь изменилась.

У меня даже начала закрадываться мысль, что то ограбление, в результате которого я лишилась прежнего музыкального инструмента и вещей, было не таким уж ужасным событием.

Безусловно, я признаю, после этого происшествия у меня в душе что-то надломилось. Исчезла прежняя наивная и надеющаяся на лучшее Рэмина. Я приняла и окончательно осознала: я – ничто, пылинка в жерновах богов. Меня в любой момент могут ограбить, избить, убить. Я и раньше понимала это, но как-то... не до конца, что ли. Слишком уж мне везло. Я удивлялась этому, но списывала всё на заклинание удачи, вероятно, наложенное мамой. Она была сильным магом, это я поняла уже давно. Неясно лишь, как и где она смогла научиться всему этому и выжить в Дагре, не попав на костер сестер Неумолимой.

А потом удача повернулась ко мне спиной, как я думала. Но оказалось,

что это был всего лишь очередной перекресток и толчок на новый путь.

Много месяцев я пряталась, старалась быть незаметной, держалась ото всех особняком, кроме вынужденных моментов, когда нужно было выступать ради денег или оплачивать проезд. Но от страха за свою жизнь отправилась покупать раба, который мог бы меня охранять. И нашла Дарио.

Лишившись обычной старенькой гитары, помогавшей мне зарабатывать на хлеб, получила на замену эту дивную волшебную вещицу, работы сидхе. Непонятных, загадочных и непостижимых сидхе, которых Дар за что-то очень не любит. И с появлением этого инструмента мои выступления стали приносить больше денег. Я и на лошадей смогла заработать, и на новые вещи. А Дарио отбивал нас от нечисти и грабителей. Будь я одна – не выжила бы, ехала бы, как и раньше, с обозами под охраной наемников, теряла бы время на ожидание попутчиков. А зима ведь не ждет, идет своим чередом.

И вот сейчас... Не знаю – как, не понимаю даже приблизительно, но неведомым чудесным образом я с помощью своей музыки и песенки смогла снять со своего спутника печать вечной немоты. Боги всемогущие! В своем невежестве я даже не догадываюсь, что это такое. Какая печать? Что она делала? Магия для меня по-прежнему нечто непонятное и неподвластное.

Пусть у меня действительно есть дар. Леди, подарившая мне перстень-талисман, подтвердила. Но какой дар? К чему? Как им управлять? Да хотя бы как его найти в себе? Ничего ведь не получается. Учебник уверял, что такие простенькие вещи, как, например, зажечь свечу усилием воли и управлением своего магического таланта, могут даже трехлетние малыши.

А я не могу. Совсем ничего не могу. Не ощущаю в себе ни-че-го.

И это страшно, потому что я боюсь теперь и саму себя, и свою гитару. А вдруг я опять что-то спою или сыграю и... Не знаю... Убью кого-то? Дарио чудом выжил после моего нечаянного вмешательства.

А что, если он бросит меня? Я не желаю его терять. Ни сейчас, ни потом. Не знаю, как мы будем сосуществовать, когда он узнает, что я девушка. Одна из тех, кого он презирает. А он рано или поздно узнает, ведь я не смогу скрывать это вечно. И как тогда? Мне придется уйти?

Но я не хочу! Не могу! Мне стал бесконечно дорог этот израненный жизнью и людьми человек. Я дорожу его мнением. Безмолвным присутствием рядом со мной. Его эмоциями и чувствами по отношению ко мне. И будет отчаянно горько, если однажды вместо теплоты и нежности, что исходят от него сейчас, я почувствую ненависть.

– Рэми, – позвал меня шепотом Дар. – Что с тобой?

– А? – встрепенулась я. – Нет, ничего... Переживаю. Я так боялся за тебя, за твою жизнь, а оказалось, сам виноват в твоём состоянии. И теперь не знаю... Мне можно ещё играть на этой гитаре? А если я снова что-то ужасное сотворю? Что тогда?

– Можно, малыш. Ты же не сидхе, – выплюнул он последнее слово.

– За что ты так их не любишь? Я не смог найти никакой информации об этом народе. Одни домыслы. Чем они так насолили лично тебе? Они ведь ушли из этого мира давно, а ты ещё молод.

– Сидхе... – чуть задумался Дар. – Они опасны, малыш. Им подвластны все стихии, все силы, вся магия. Нет ничего, что могло бы противостоять их чарам. Драконы – повелители стихий. Люди и эльфы владеют обычной магией, плетут заклинания, управляют ими или закладывают в предметы, создавая артефакты и амулеты. Гномы не владеют магией, но им доступны точные науки и механика, а для своих хитроумных поделок они приглашают специалистов, и те вплетают заклинания в заготовки. Оборотни хитры, сильны, изворотливы. Но сидхе... Они могут своими песнями или стихами сравнять горы с землей и опустить на дно океана материки. Разогнать тучи, вызвать засуху или наводнение. Свести с ума или вытащить из плена безумия. Для их волшебства нет ничего невозможного. Вообще ничего.

– Но мне говорили, что они были миролюбивым народом, ни с кем не воевали, жили на своих землях где-то неподалеку от драконов. Да и к себе никого не пускали.

– Жили, да... Ни один разумный не хочет терпеть рядом с собой того, кто сильнее тебя. Того, с кем ты не сможешь справиться никогда и ни при каких обстоятельствах. Кто при желании уничтожит тебя и твой край. Причем не в честном сражении, а лишь захотев этого. Это страшно, Рэми.

– То есть их просто боялись, причем не как реальную угрозу, а всего лишь как потенциальную. Так? Ведь, насколько я понял, в реальности сидхе ничего такого плохого не делали. Могли, но не делали. Правильно?

– Это их не оправдывает!

– Дар, ты не прав, – поджала я губы. – Я, конечно, совершенно не разбираюсь ни в магии, ни в возможностях сидхе, ни разу не видел драконов и весьма смутно представляю, как они повелевают стихиями. Но по логике, тогда люди и эльфы должны были изгнать и этих крылатых ящериц. Правильно? Они сильнее, они угроза, они могут то, чего мы, люди, не можем. А возьмем нас с тобой? Вот представь, что ты дракон, а я этот загадочный сидхе. Ты можешь меня переломить одним пальцем. А я, теоретически, могу что-то спеть или сыграть и победить тебя. Но ты сам-то

подумай! Пока я еще только буду петь свою песенку и играть на гитаре, ты подойдешь, стукнешь меня по голове, и всё. Нет менестреля. Ну то есть, нет сидхе, а остался один только злобный сильный дракон Дарио. И в чем тогда... Ну что ты смеешься?! Я же серьезные и правильные вещи говорю!

– Ох, Рэми, – закинув голову, веселился мой спутник. – Ты совершенно невозможен. Я за всю свою жизнь не встречал более светлого и доброго существа, чем ты. Откуда же ты выбрался-то, а? Из какой чудесной и радостной дыры, настолько далекой от всего мира, что еще веришь в такие вещи?

Насупившись, я промолчала. Вот вроде похвалил он меня, а чувствую себя так, словно меня назвали глупеньким маленьким ребенком. Но потом не выдержала и решила признаться, что уж теперь:

– Я из Дагры. И лучше тебе не знать, Дар, насколько жестоко там расправляются с магами и инокомыслящими. Я прошел всю страну пешком, чтобы только добраться до перевала на границе и вырваться на волю. Нет в моем родном глухом краю ничего радостного и доброго. Ты ведь слышал сказки закрытого королевства, которые я рассказываю людям. И поверь... Если бы о моих способностях к магии узнали сестры Неумолимой, я бы уже давно лежал пеплом в очищающем костре, а сначала прошел через пытки. Я и сейчас всё еще бегу как можно дальше от Дагры. Чтобы даже память о ней стереть из сознания. Не отпускает страх, что меня вернут туда... И то, что мне удалось пересечь невидимую черту, отделяющую мою родину от всего мира, и остаться живым, – это чудо. Выдержал, но лишь потому, что впал в глубочайший транс. Мало нас таких, кто сумел не просто преодолеть границы закрытого королевства, но и не умер при этом. Мне рассказали...

– Малыш, я...

– Если бы не то, что моя мать была магом, прячущимся ото всех, скрывающим свой дар... Я бы не выжил. Лишь благодаря ей я всё еще дышу, хотя она сама давно уже во владениях Неумолимой. И знаешь, ее бы радостно предали и отдали палачам даже наши верные слуги. Не потому, что она причинила им вред. Вовсе нет, она была добра ко всем. Но лишь за то, что она способна причинить этот вероятный вред, ведь она владеет магией.

Я смотрела вперед, не видя ничего при этом. Перед мысленным взором стоял родовой замок дас Рези, наши земли, лица родителей... Опасение в глазах моей любимой нянюшки, когда однажды ей показалось, что я веду себя как-то не так. Странно, я только сейчас это вспомнила. Сколько мне

тогда было? Годик? Не помню, как не помню того, что произошло на самом деле. Легкие штрихи воспоминаний, а не связная картинка. Но лицо няни с ужасом в глазах и ее взгляд на меня... А потом мама, подхватившая меня на руки и прогоняющая... крысу? Или кошку? Что-то небольшое и пушистое. Нет, не получается вспомнить. А после этого мама напевала, сидя у моей кровати и сжимая в ладони амулет, блокирующий мои способности. Зачаровала его еще сильнее? Чтобы ни малейшая капля силы не просочилась наружу?

А няня через пару дней успокоилась и забыла обо всем. Как и я. Только сейчас отчего-то вдруг всплыла перед глазами старая история.

– Жаль, что драконы живут так далеко и до них не добраться, Дар, – задумчиво проговорила я. – Я бы поселился в их землях. Там ведь живут и люди тоже? Как думаешь?

– А не боишься? – подал он голос. Весь мой монолог был выслушан молча.

– Драконов? Не знаю. Они не сделали ничего плохого мне, а я им, так что мы не угроза друг другу. Но там точно не имеют власти сестры Неумолимой. И лучше уж эти загадочные крылатые существа, повелевающие стихиями, чем... Три королевства за спиной, а я всё никак не могу остановиться. Так не может продолжаться вечно, Дарио. Когда-нибудь мы найдем способ избавиться от твоего зачарованного ошейника, я отпущу тебя, ты станешь свободным. А я... я тоже хочу свободы. Чтобы не вздрагивать, не оглядываться, не скрывать себя и свою сущность.

О том, что скрываю еще и свою принадлежность к женскому полу, я пока не могла сказать. Но это тяготило.

– Хорошо, – хрипло прошептал мужчина. – Я доставлю тебя к драконам.

И так просто он это сказал, будто сообщил, что, ладно, купит обсыпанный карамелью крендель, раз уж мне захотелось сладкого. Я же только усмехнулась, покачала головой и сменила тему разговора:

– Твой друг в Калиоте – маг? Он сумеет что-нибудь сделать с чарами на ошейнике? Поможет его снять? Или, хочешь, я передам ему право владения тобой? Вы ведь друзья.

– Нет! Либо мы найдем способ снять этот проклятый ошейник, либо я всегда буду принадлежать тебе.

– Но...

– Я вручил свою жизнь тебе, малыш, и никому другому ее не передам. Это мое сознательное решение. Время показало, что верить нельзя никому, но боги послали мне тебя, Рэми. Так что ты теперь навсегда мой, а я твой,

что бы ни произошло. Со временем мы найдем способ это узаконить. Как вариант, я усыновлю тебя, когда верну себе имя. Ты ведь сирота, так что это вполне возможно.

– Усыновить?.. – Я едва не расхохоталась, правда, истерически. – Нет, Дар, не нужно. Достаточно, если ты останешься мне другом при любых обстоятельствах, даже если узнаешь обо мне какие-то факты, которые тебе не понравятся. Не предашь и не отвернешься. Мне этого хватит. Пусть всё идет своим чередом. Сейчас для нас главное – это свобода от зачарованной штуки у тебя на шее и твое здоровье. Я переживаю, что мое грубое вмешательство в ту печать... И твои шрамы. Хороший целитель сможет их убрать? Они ведь, наверное, тебя беспокоят? Мне рассказали, что до продажи в рабство смертников отправляют на рудники. И что там мало кто выживает. Очевидно, тебя били, возможно, были переломы, и я не уверен, что все кости срослись как нужно. Давай сходим к врачам, пока у меня есть деньги? Почему ты упрямисься?

К тому времени, когда мы наконец-то добрались до владений знакомого Дара, его голос полностью восстановился. Он перестал хрипло шептать и кашлять, если разговаривал чуть дольше, чем в состоянии были выдержать голосовые связки. Наши разговоры теперь проходили в нормальном режиме, больше никаких записок.

Глава 16

Он по-прежнему пытался учить меня владению оружием, упрямо отказываясь признавать факт, что я совершенно криворука. Ну не слушаются меня ни меч, ни лук со стрелами. Да грабители скорее умрут от смеха, наблюдая за моими жалкими потугами, чем от клинка. Еще Дарио заставлял упражняться вместе с ним. Тут я не протестовала и всегда с охотой присоединялась. К такому я привыкла с детства, еще мама всегда твердила, как важно, чтобы тело и мышцы не теряли эластичности и были готовы к нагрузке.

А еще я смогла победить свой страх и вновь начала играть на гитаре и петь. Правда, новых песен больше не писала, исполняла только давно известные мне, те, от которых не нужно было ожидать сюрпризов. Дар меня поддержал. Наверное, если бы он не настаивал, я бы так и не решилась, просто купила бы при первой же возможности другой музыкальный инструмент, безо всяких необычных свойств. Но мой спутник был невероятно упорен. Он уговаривал, упрасивал, насильно вкладывал мне в руки волшебную поделку и требовал, чтобы я играла и пела.

– Малыш, это твоя сила. Ты должен. Магия сидхе в полном объеме тебе не подвластна, ведь ты даже не полукровка, внешность не та. Они высокие, светлокожие и светловолосые, с голубыми или серыми глазами. Но созвучие душ, которое образовалось у тебя с этой вещью, поможет выжить. Играй!

А у меня всё в груди от страха поначалу сжималось. Как от тревожных ожиданий, так и от того, что моя внешность... То, что видят сейчас все окружающие... Я ведь высокая голубоглазая блондинка. Что будет, когда заряд амулета закончится и личина мальчишки спадет? За это долгое время я и сама уже забыла, как выгляжу. Наверняка растеряла былую красоту за месяцы скитаний и выживания на улице. Скорее всего, еще и повзрослела. Но цвет волос никуда не денется, они так и останутся золотистыми, а глаза – цвета неба.

Не отвернется ли тогда Дар? У меня ведь больше не осталось никого, кроме него.

Но я хранила свой секрет. Малодушно молчала, не зная, как признаться. Не могла же я взять и сказать: «Дарио, прости, что я тебя обманывала. Но у меня светлые волосы и глаза. Поэтому моя внешность подходит под облик полукровок сидхе, которых ты так не любишь. А еще я

– девушка. Одна из тех, кого ты презираешь».

И как тогда? Что он сделает? Не убьет, конечно, в это я уже поверила. Но... оттолкнёт?

Я запуталась в своей лжи и трусости и не знала, как всё исправить.

Так и продолжали мы путь, занятые каждый своими мыслями и переживаниями, не рассказывая друг другу о себе всего. У каждого из нас имелись тайны, которые мы не были готовы открывать.

Но если Дарио не скрывал нежелания делиться информацией о своем прошлом, ловко уходя от ответов на вопросы или демонстративно переводя разговор, то о том, что и я совсем не мальчишка-менестрель, он даже не догадывался.

Каменные стены чужого родового замка выглядели внушительно.

– Приехали, – сообщил Дар, мрачно рассматривая их. – Надеюсь, ничего не изменилось и я по-прежнему могу рассчитывать на услугу. Готов?

– Да, – коротко отозвалась я, кутаясь в плащ от внезапно налетевшего порыва ветра.

Не тратя время на разговоры, мы двинулись во внутренний двор. С цокотом преодолели опущенный сейчас подъемный мост, въехали внутрь и были немедленно остановлены стражей.

– Кто такие? – брякая оружием, к нам вышел капитан.

– Доложите лорду Калахану, что прибыл Дарио с сопровождением, – по голосу моего партнера по несчастьям сразу было件нятно, что он высокий лорд, привык отдавать приказы и ждет немедленного их исполнения.

Капитан сначала рефлекторно подтянулся и дернулся, но потом до него дошло, что это не его господин, да и имя прозвучало неполно, без фамилии.

– Просто – Дарио? – со скепсисом уточнил он и быстро переглянулся со своими сослуживцами, окружившими нас, но не проявлявшими агрессии.

– Этого достаточно. Я жду, – скучающе добавил мой спутник и сложил руки на груди. Ни малейшей попытки спешиться он не предпринял.

Я в разговор не вмешивалась по понятным причинам, но следила за вояками неизвестного мне лорда Калахана настороженно, заодно оценивая открывшуюся нам территорию внутреннего двора и самого замка. Удивительно, но он мало чем отличался от родового гнезда графа дас Рези. Все такое знакомое, хотя и находится словно в другой реальности.

Разумеется, сам капитан никуда не побежал. Кивнул кому-то из своих

людей, и тот трусцой припустил внутрь здания, а мы все остались ждать. Меня внимательно рассматривали, цепляясь взглядами за гитару. Не выдержал напора любопытства, как ни странно, именно капитан.

– Менестрель? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Да, – вежливо склонила я голову, признавая этот факт и приветствуя.

– Только играешь?

– Еще пою и рассказываю сказки. Я их знаю много.

Отвечала я так же предельно лаконично и по существу. Наживать врагов не хотелось, но и лебезить я не собиралась. Мне нечего стыдиться своей нынешней профессии.

– Будем рады послушать, – кивнул мужчина и потерял ко мне интерес.

Тут прибежал запыхавшийся посыльный и громко проговорил:

– Лорд Калахан приветствует лорда Дарио и его спутника в своих владениях и просит пройти внутрь.

И лишь после этого приглашения все зашевелились. Тут же подскочили слуги, перехватили поводья лошадей, а как только мы спешили, повели их в конюшню.

Музыкальный инструмент у меня был за спиной, а вот сумку с седла я снять не успела. При обычных обстоятельствах багаж доставила бы в наши покои прислуга, но сейчас ситуация была не очень понятной.

– Лорд Дарио, прошу вас и вашего сопровождающего пройти за мной. Ваши вещи доставят в выделенные вам комнаты, – вежливо поклонился нам мажордом, спустившийся с крыльца.

Поправив гитару, с которой не собиралась расставаться ни на минуту, я пристроилась сбоку, но чуть позади Дара, признавая так его старшинство, и последовала за слугой.

Внутреннее убранство владений лорда Калахана тоже мало чем отличалось от того, что я видела еще в Дагре, как у нас дома, так и во время визитов к соседям. Каменные толстые стены, бойницы, витражи, гобелены, чучела животных, снующие слуги... Отличие было, пожалуй, лишь в освещении. Ни факелов, ни канделябров, ни даже свет-камней, заключенных в золото и серебро. Их себе могли позволить в Дагре не все, пусть и не было ни капли магии в этих загадочных минералах, но все же... Да и стоили они дорого. Хозяин же этого места либо сам был магом, либо имел достаточно средств для оплаты услуг чародеев, и, как следствие, все светильники и люстры были магическими. Никакого чада или дыма – ровное яркое освещение.

Мы прошли в просторную гостиную, где возле камина стоял высокий

широкоплечий мужчина лет сорока на вид. Цепкий взгляд холодных серых глаз, длинные светлые волосы заплетены в толстую косу, нижняя часть которой пряталась в длинный золотой футляр, больше напоминающий полый кинжал.

Хм. А может, и не золотой, а позолоченный. Выглядела эта штука совсем не безобидно. Думается, при должном умении ее можно использовать как оружие. А посмотрев в глаза лорда Калахана, я сразу поняла, он – умеет, и его якобы украшение для волос мгновенно принесет смерть тому, против кого будет направлено.

По мне этот неприятный господин скользнул равнодушным взглядом, мгновенно оценив и потрепанный вид, и безобидную внешность, и возраст моей личины, и упрятанный в чехол музыкальный инструмент за спиной. Проигнорировал мой сдержанный поклон, не поведя даже бровью, хотя не понять того, что я приветствовала его как один аристократ другого, он не мог. После этого молоденький менестрель перестал интересоваться хозяина замка.

– Дарио, – нарушил наконец лорд затянувшуюся паузу. – Ты жив.

Он не удивлялся, не радовался, не выражал никакого энтузиазма или недовольства. Просто констатировал факт.

– Да, Калахан. Я жив, – так же лаконично и безэмоционально отозвался мой спутник.

– Тебя все давно похоронили.

– Поторопились.

Я украдкой переводила взгляд с одного мужчины на другого, слушая этот странный разговор.

– Тебя приговорили к смертной казни.

– Да. Но отправили на рудники, а потом выкупили, – равнодушно отозвался Дар. Даже тени истинных чувств не проскользнуло в бесстрастных интонациях, хотя я ощущала его настороженность и неприязнь.

А вот эмоций лорда Калахана я не ощущала. Странно... Словно не человек с нами беседует, а статуя.

– Кто?

– Он, – чуть повел головой в мою сторону Дарио.

– Я могу вернуть долг. Убрать его? – на меня этот жуткий тип даже не взглянул, но отчего-то сыпануло морозом по коже. Я даже поежилась нервно.

– Нет, Калахан. Он *неприкосновенен*, – последнее слово было произнесено с каким-то странным ударением и нажимом. Я не очень

поняла, что это значит, но порадовалась тому, что меня вроде как трогать нельзя.

– Я могу найти способ. Ты знаешь.

– Нет. Он неприкосновенен абсолютно.

Ох, какой странный и непонятный разговор.

– Тогда чего ты хочешь?

– Отдых, сильного целителя, амулеты, оружие, деньги и транспортировку к драконам, – перечислил Дарио.

– Это всё? Мой долг будет полностью зачтен? – холодно поинтересовался лорд Калахан.

– Да.

– Да будет так. Вас проводят в гостевые покои. Целителя вызовут. Остальное, когда вы отдохнете и соберетесь в путь.

Дарио не поблагодарил, не задал ни одного уточняющего вопроса, молча кивнул и направился к выходу. Я же вежливо поклонилась хозяину дома и поторопилась за ним. Впрочем, была остановлена холодным равнодушным окликом:

– Менестрель.

– Да, лорд? – развернулась я.

– Я позволяю тебе петь перед моими людьми. – Взгляд аристократа ничего не выражал, а лицо – словно маска.

– Благодарю, лорд. Надеюсь, им понравится.

Посчитав на этом общение со мной исчерпанным, он отвернулся.

Пока мы шли за мажордомом в выделенные нам комнаты, я хотела задать Дару вопросы, но была остановлена строгим взглядом. Да уж, похоже, мы не в гостях у доброго знакомого, а пришли требовать возврата долга у смертельного врага. И нельзя ни на секунду расслабиться, ни сказать что-то лишнее.

Покои нам выделили, как ни странно, вполне приличные. Две уютные спальни с примыкающими уборными и местами для помывки, в которых стояли большие лохани. Просторная общая гостиная с обеденным столом в центре. То есть еще и столовая одновременно.

Похоже, лорд Калахан богат. Очень и очень богат. Интересно, какой у него титул? Я забыла поинтересоваться, потому что никак не ожидала, что тот «друг», который может нам помочь, окажется хозяином огромного замка. Ожидала персону менее значимую. А еще этот человек, скорее всего, маг. Я не верю, что он не испытывал никаких эмоций вообще. Так не бывает. Он явно ненавидит Дара, презирает меня, но от него не

чувствовалось вообще ничего, словно он говорящая кукла. А значит, либо он носит специальный амулет, либо сам владеет магией и наложил на себя щиты. Я читала, что такое возможно.

– Располагайтесь, лорды. Ваши вещи уже доставили, – сообщил мажордом. – Ужин подадут в ваши покои через полчаса. Прислать слуг?

– Пусть приготовят ванны, – распорядился Дарио. – И заберут в стирку нашу дорожную одежду.

– Будет исполнено, лорд. Что-нибудь еще желаете? Вина? Женщин?

От последнего предложения я едва не выронила шляпу, которую только что сняла с головы, но сказать ничего не успела.

– Нет. Для моего спутника пусть принесут к обеду еще десерт и сладкие напитки. Мне побольше мяса. И пришлите цирюльника.

Я скосила глаза на волосы Дара. Они не выросли ни капельки с того момента, как я вытащила его из клетки работоторговца. У меня уже возникали вопросы на этот счет, потому что если отсутствие щетины и необходимости в бритье я еще могла объяснить примесью эльфийской крови, то волосы, которые совсем не росли, удивляли. Моя прическа тоже не менялась все последние месяцы, но это же личина, она статична и неизменна. Настоящие-то мои локоны наверняка удлинлись. А вот что не так с шевелюрой Дарио – неясно. Его остригли и наложили заклинание, не позволяющее снова отрастить косу, как, например, у лорда Калахана?

Похоже на то.

Когда мажордом ушел, я хотела задать вопрос, но была остановлена. Дар приложил указательный палец к губам и отрицательно покачал головой.

Ладно... У нас есть тетрадка для обмена репликами. Я быстро вытащила ее из дорожной сумки и написала:

«Вы с лордом К. враги?»

«Да. Но за ним долг жизни. Он выполнит все мои требования. Не переживай».

Легко сказать «не переживай», это ведь не его предлагали «убрать». Но я не стала настаивать на дальнейших разъяснениях. Успеется...

Ванны нам приготовили быстро. Похоже, слуги тут были хорошо вымуштрованы, так что уже через десять минут я скинула грязную пропылившуюся одежду и с наслаждением погрузилась в ароматную горячую воду. А вещи унесла молчаливая служанка, которую я не интересовала ни в каком виде: ни как менестрель, ни как мужчина. Да и какой я мужчина? Щуплый костлявый подросток на вид...

Обед тоже был выше всяких похвал. Как несколько наименований мясных блюд, так и три вида пирожных, которые принесли специально для меня. При виде десерта я едва не прослезилась. Как же давно я последний раз лакомила тортами и сладостями. Еще в прошлой жизни...

А как только мы закончили трапезу, пришел сутулый немолодой цирюльник и почтительно поклонился у порога, держа в руках инструменты.

– Чем я могу помочь вам, господа? – переводил он взгляд с меня на Дара и обратно.

– Постригите меня. Сделайте всё, что возможно в данных обстоятельствах, но мой облик должен быть достойным статуса лорда, – распорядился Дарио и жестом указал на свою голову.

– Будет исполнено. А вас, юноша?

– Нет, спасибо. Мне ничего не нужно, – отказалась я и быстро удалилась в выделенную мне спальню.

К вечеру я успела немного отдохнуть, лежа на мягкой постели, а Дарио обзавелся вполне приличной аккуратной прической. Цирюльник молодец. Учитывая, как неровно и хаотично были обрезаны когда-то пряди, он сотворил практически чудо. Сейчас мой спутник выглядел именно благородным аристократом, пусть и по некоторым причинам отрезавшим длинные волосы, какие предпочитает носить высшее сословие.

Уже стемнело, стало тише в коридорах замка и во дворе. Не доносились уже с улицы голоса занимающейся работой прислуги. Мне лорд Калахан вроде как приказал выступить перед домочадцами. Я не заблуждалась и фразу «дозволяю выступить» поняла правильно. Но куда идти и где искать людей, не знала, а потому решила дождаться, когда позовут.

И действительно. Почтительно постучавшись, в гостиную, где мы с Дарио сидели у камина и молча смотрели на огонь, заглянул один из лакеев.

– Менестрель? – нашел он меня взглядом. – Мне приказано сопроводить вас.

– Пойти с тобой? – взглянул на меня Дар.

– Отдыхай, – помедлив секунду, отказалась я. – Мне здесь нечего бояться. Я ведь всего лишь музыкант.

Кивнув, он отвернулся и взял с пола бокал с густым красным вином. Я же нахлобучила шляпу, в которой чувствовала себя увереннее, подхватила гитару и последовала за сопровождающим.

Он привел меня в огромный каминный зал на первом этаже. Обычно в таких принимают гостей и устраивают пиры, но сейчас хозяин разрешил своим слугам занять помещение.

– Проходите, – жестом указал мне в глубь зала мой проводник. – Для вас приготовили стул.

Лакею явно не нравилось обращаться ко мне на «вы», он каждый раз делал чуть заметную паузу, но так как я спутник гостя лорда Калахана, то ему приходилось быть вежливым. Хотя я видела, меня даже ровней не считали, а уж благородным – тем более. Знакомо... Привычно...

Но я не позволила даже тени ироничной улыбки мелькнуть на лице, пробралась через толпу стражников из гарнизона, которые не были сейчас на дежурстве, служанок и лакеев, кухарок и поварят, конюхов и рабочих. Все снисходительно смотрели, оценивали и ждали развлечения.

– Приветствую вас, – дойдя до предоставленного мне места, я повернулась ко всем лицом, сняла шляпу и сдержанно поклонилась. – С соизволения лорда Калахана я выступлю перед вами сегодня. Для начала я расскажу вам несколько историй, потом сыграю и напоследок, когда у меня отдохнет горло, спою. Надеюсь, вам понравится.

Несколько молоденьких служанок зашушукались и, прикрывая рты, захихикали. На них тут же цыкнула строгая женщина в глухом черном платье, а давешний капитан, встретивший нас при въезде на территорию замка, велел:

– Приступай, менестрель. Время позднее, люди устали.

– Любите ли вы сказки? – Присев на стул, я положила ногу на ногу, обхватила ладонями колено и сцепила пальцы. – Думаю, нет никого, кому не было бы интересно послушать про чудеса и волшебство, про забавы чародеев и происки коварных колдунов. А нравятся ли вам страшные истории? Такие, чтоб мороз по коже? Слышали ли вы сказки закрытого королевства? Хотите, я расскажу вам несколько?

– Хотим! – звонко крикнула одна из служаночек, за что тут же получила подзатыльник от начальницы.

– Ну так слушайте... – обвела я всех строгим взглядом, нагнетая обстановку. – В далеком-далеком королевстве, где совсем нет магии и колдовства, нечисть отсутствует, а чародеи не имеют власти, жил-поживал один барон. Был он не стар, хорош собой, держал власть над своими владениями в железном кулаке, и никто не смел и глаз поднять от земли в его присутствии. И был он вдовцом. Да не единожды. Уже семь жен схоронил барон, а наследника у него всё не было, как и не находилось более ни одной семьи, которая согласилась бы отдать за него свою дочь...

Глава 17

Я рассказывала сказки, которых сама когда-то так боялась, что пряталась под стол, завесив его покрывалами и одеялами, чтобы сделать себе маленький домик. Потому что было... страшно. Настолько страшно, что даже легкие шаги слуг из коридора казались поступью Неумолимой, пришедшей за мной.

Эти истории щекотали нервы всем. Вот и сегодня не раз ахали люди, а особо впечатлительные девушки взвизгивали в самых жутких местах. Один из поварят, мальчуган лет восьми, даже незаметно сполз под стол, как я когда-то, и оттуда таращил на меня круглые глазенки...

– А сейчас я сыграю вам, – устав, сообщила я и взяла гитару. – Вы ведь любите музыку?

Музыку любили. Расслаблялись напряженные спины, разглаживались лица, смягчались взгляды. А потом я пела. Разные песни, как те, которые знала и выучила во время скитаний, так и те, которые написала сама.

Наконец, завершив выступление, я встала и поклонилась, благодаря за внимание.

– Надеюсь, вам понравилось, – негромко произнесла я. – Кто сможет проводить меня в выделенные покои? Я, увы, не ориентируюсь здесь.

– Я! – прозвучал вдруг ледяной голос лорда Калахана.

Ох! А он тут откуда? Я и не знала, что хозяин замка тоже пришел послушать меня. А аристократ невозмутимо выступил из темноты угла. Оказалось, все это время он фактически сидел у меня за спиной.

– Иди за мной! – бросил он приказ и, ничуть не сомневаясь, что я его выполню, двинулся к выходу.

Люди торопливо расступались, причем по их лицам было видно, что присутствие тут повелителя для них тоже стало сюрпризом.

Подхватив гитару и шляпу, я поспешила за удаляющейся фигурой, сетуя в душе, что сегодняшнее выступление не принесло и монетки. Люди просто не успели отблагодарить меня, так как лорд Калахан появился внезапно.

Торопливо, порой срываясь на бег, потому что не успевала за широким шагом мужчины, я следовала за ним. Куда мы шли, не очень поняла, но точно не в выделенные нам с Дарио комнаты. Запыхавшись, нырнула в рывком распахнутую дверь и обнаружила, что лорд привел меня в свой

кабинет. При нашем появлении зажглись магические светильники на стенах, что позволило осмотреться. Богато. Очень богато. Этот человек явно привык к роскоши.

Не обращая на меня внимания, он прошел к письменному столу, выдвинув ящик, вытащил тяжелый замшевый мешочек и протянул его мне.

– Это плата за сегодняшний вечер.

– Благодарю, сиятельный, – осторожно приблизившись, я забрала щедрое вознаграждение. – Но здесь, вероятно, слишком много.

– Тебя об этом не спрашивали, – сухо отрезал он, присел на столешницу, сложил руки на груди и вперился в меня тяжелым взглядом.

– Спасибо, лорд, – переступив с ноги на ногу, я степенно поклонилась, держа в одной руке шляпу, которую не решилась надеть, а во второй мешочек. Гитара привычно оттягивала плечо...

– Ты меня удивил, музыкант, – спустя почти минуту, во время которой меня обшаривал холодный тяжелый взгляд, сообщил аристократ. – Теперь мне понятно, почему ты неприкосновенен.

Не зная, что сказать, я тихо кашлянула.

– Ты действительно – чудо. Даже Дарио это понял и оценил. Жаль только, что ты связался с этим преступником. Поэтому я предлагаю тебе свое покровительство.

– Я... Благодарю, сиятельный, – мне пришлось снова поклониться. – Я высоко ценю ваше предложение, но...

– Ты не понимаешь, музыкант, – скользнула по губам лорда улыбка, от которой мне захотелось забиться в угол и сделаться невидимкой. – Я предлагаю свое *полное* покровительство. *Полное и абсолютное*.

Слова падали тяжело, а у меня от них волосы на голове зашевелились. Полное и абсолютное покровительство предлагали женщинам, на которых не могли или не хотели жениться. Фактически они становились неофициальными женами. И даже законная супруга не имела такой власти, как эти фаворитки и любовницы, не знаю, как вернее их назвать. Эти особы становились едва ли не равными своим лордам, любой их приказ выполнялся так же, как распоряжение хозяина. И неважно, являлась ли эта женщина аристократкой по рождению или была простой крестьянкой. Имело значение лишь то, что сиятельный лорд даровал ей свое полное и абсолютное покровительство. Но то, что я слышала сейчас это предложение в адрес малолетнего мальчишки, коим выглядела для окружающих... Это дико и ненормально.

– Лорд Калахан, – с трудом выдавливая из пересохшего горла слова, пролепетала я. – Я бесконечно признателен за оказанную честь, но я не...

женщина.

– Я заметил, – без тени насмешки отозвался он и неуловимо быстро скользнул ко мне, едва не заставив в ужасе отшатнуться. – Меня это не смущает. Ради такого невероятного существа, как ты, я готов несколько пересмотреть свои предпочтения в выборе партнеров. Я еще не стар, успею найти женщину, которая когда-нибудь выносит мне наследника. Особых талантов для этого не нужно, справится любая, лишь бы могла родить. Но ты-ы-ы... Если примешь мое покровительство, то у тебя будет всё. Абсолютно всё. И я даже пообещаю, что пока ты жив, – а вы, люди, увы, недолговечны, – я не стану брать других партнеров. Мне не навсегда придется отказаться от женщин, только на те годы, которые отведены тебе. Это всего лишь маленькое неудобство, и оно меня не остановит.

Боги великие! Он... извращенец? Ему нравятся мальчишки? Или ему нравится моя личина, причем настолько, что он готов на время отказаться от женщин и приблизить к себе безродного парнишку? И то, как он говорит... не повышая голос, не выделяя интонациями особенно значимые моменты. Лорд Калахан просто озвучил свое желание заполучить меня, и его ничуть не волновало, насколько дико это звучит.

– Если тебя волнует, что скажет на это Дарио, то не беспокойся. Я не стану требовать, чтобы ты передал мне право владения им. Меня не интересует его жалкая судьба. Он и так уже приговорен к смерти, и то, что всё еще не умер – это лишь отсрочка неизбежного. Даже то, что я снабжу его всем, что он затребовал по праву долга жизни, не изменит закономерного. Он преступник и обречен. Это лишь вопрос времени. Пусть убирается, я не стану его задерживать или каким-либо образом вредить. Даже доставлю к драконам, как и обещал.

– Но я тоже обещал... – просипела я в надежде найти вескую и не оскорбительную причину для отказа. Этот человек будил во мне какой-то первобытный ужас. Почти как сестры Неумолимой.

– Чушь. Это он твоя собственность, а не ты его. Я знаю Дарио много-много лет, он умеет морочить головы, втираться в доверие. Только зачем тебе рядом тот, у кого в душе выжженная пустыня? Кто не верит ни одной живой душе. Тот, кто никогда не подпустит к себе никого. Одиночка. Никому не нужная пустышка, которой тоже никто не нужен. И у которой нет ничего. Он не сможет тебе дать ни дома, ни нормальной жизни, ни любви, ни каких-либо иных сильных чувств.

– Я...

– Ты еще не понял, музыкант? Он считает тебя своим. И вовсе не потому, что хочет подарить тебе свое покровительство. Ему нечего дарить,

у него нет ничего, кроме его жалкой пустой жизни, которая, впрочем, принадлежит не ему, а тебе. Ты мальчик, а Дарио слишком заостенел в традициях и условностях. Даже ради тебя он не откажется от принципов. Но и к тебе никого не подпустит, если ты останешься с ним. Мы... слишком собственники. Он не захочет взять тебя, но и не отдаст другим. У тебя никогда не будет жены, детей, любовников или любовниц... Такие, как мы, не позволяем кому бы то ни было другому забрать то, что мы считаем своим.

– И вы? – поморгала я, отгоняя черные мушки перед глазами, набежавшие от паники.

– И я. Если ты примешь мое покровительство, то станешь полностью моим. Но и я – твоим. У меня раньше не случалось любовников, ни один мужчина не возбуждал меня, но это будет интересный опыт. Жаль, конечно, что ты не девушка, но я готов рискнуть ради тебя.

В один неуловимый миг этот страшный и странный мужчина оказался вплотную ко мне, резко схватил за подбородок и поднял мое лицо вверх.

– Меня привлекает не твоя внешность, музыкант, не заблуждайся. Ты не женщина, для которой красота важна. Я хочу заполучить твою сущность, твою душу, твой талант и дар. Тебе удалось тронуть меня сегодня. И я не желаю, чтобы ты сгинул. Мир оскудеет, если погибнешь из-за того, что связался с никчемным преступником. Ты будешь мне дарить свои музыку, душу и тело, а я тебе всё, чем владею сейчас или буду владеть в будущем. В том числе себя. Это справедливый обмен.

У меня от ужаса из горла вырвался какой-то глухой сип, а лорд Калахан усмехнулся и обвел большим пальцем мои губы. Не грубо, нет, но и без... ласки или желания. словно изучая неодушевленный предмет, пытаюсь понять, нравится ли ему то, что он ощущает.

Я же буквально окаменела, как мышонок перед змеей, не имея сил даже отодвинуться. Меня никто в жизни так не пугал, как он.

Мужчина начал наклоняться к моему лицу, и я до смерти перепугалась, что он захочет меня поцеловать. Боюсь, этого я не вынесу...

– Лорд Калахан, – прошептала я, глядя в глаза, в которых почти исчезла радужка, ее затопил черный как ночь зрачок. – Я высоко ценю ваше предложение. Это большая честь. Но я... Я не могу. Простите, – сорвалась на писк в конце и зажмурилась.

– Уверен? – мои губы обожгло чужое дыхание, но он не прикасался, не целовал, только ужасал до полуобморочного состояния. – Очень скоро ты поймешь, что твой раб ничем тебе не поможет, мальчик. Он приносит лишь несчастье. И тогда ты придешь ко мне. А я умею ждать и приму тебя.

Стальная хватка исчезла с моего лица, прозвучал шорох и шаги, и лишь тогда я осмелилась открыть глаза.

– Я... могу идти? – начала я пятиться к выходу.

– Да, конечно, – лениво отмахнулся хозяин замка, снова присев на столешницу. – Я не насильник и не злодей. Я хочу получить тебя, но добровольно. Чтобы ты ценил и осознавал всё, что я буду тебе преподносить, и с радостью отдавал себя, свою душу и талант. Только так. Сломанная игрушка мне неинтересна. Всё или ничего.

– Простите, лорд Калахан, – прижав к груди шляпу и тяжелый мешочек монет, я добралась до двери и хотела уже взяться за ручку, но была остановлена еще одной фразой.

– Береги свою душу, музыкант. Этот мир жесток. И покажись завтра лекарю. У тебя вся аура искорежена, поэтому наверняка существуют проблемы с управлением даром.

Вместо ответа я поклонилась и кивнула. Моя аура искорежена? Это из-за того, что я почти всю жизнь носила амулет, блокирующий магические способности?

– Завтра вечером я желаю слушать твою музыку. Тебя проводят в тот же зал.

В коридор я вывалилась чуть живая от бурливших во мне эмоций. С безумным взглядом поймала за рукав проходившую мимо служанку и попросила проводить в выделенные нам покои. А едва войдя в нашу общую с Даром гостиную, обессиленно осела на ближайший пуфик.

– Рэми? – от камина ко мне шагнул Дарио. – Что с тобой?

– Лорд Калахан предложил мне свое полное и абсолютное покровительство, – выпалила я.

– Вот как? – помрачнел он, а его эмоции полыхнули глухой бессильной яростью. – Ну надо же... Калахан никогда не отступал от принципов и выбирал в любовницы всегда только женщин. Ты сумел его зацепить. И что же? Принял покровительство? В дальнейший путь я теперь отправлюсь один? Или же ты захочешь держать меня при себе, как своего верного раба?

– Дар, – не выдержав, я сорвалась с места, подбежала к нему и уткнулась лицом в грудь. Меня запоздало начало трясти от обуревавших чувств и испуга. – Я боюсь его. Он... так говорил... Я не всё понял, какие-то странные вещи, и...

Мгновение, и вместо ярости меня затопило, оглушая, облегчением, надеждой, затаенной болью.

– Не бойся, малыш. – Одной рукой Дарио обнял меня за плечи и

прижал, а второй погладил по голове. – Я никому тебя не отдам. Ты только мой. А я... я твой, что бы ни случилось. Я верну свое честное имя, обещаю. И тогда у тебя будет всё. Я не смогу дать тебе семью и детей, но всё остальное у тебя будет. Клянусь.

И я поверила. Могут лгать слова, но не эмоции. А для меня не было тайн в его чувствах, в малейших изменениях настроения. Лорд Калахан всё лжет! У Дарио есть душа, и вовсе она не выжженная пустыня. Уж я-то знаю. Ему больно, плохо, он зол на весь мир и на тех, кто обрек его на страдания, но он не одиночка. Ему нужен кто-то рядом, так же как и мне.

А вот сам лорд Калахан словно мертвец. Будто не живой человек он, а всего лишь оболочка.

Как же мне признаться-то, что я не мальчишка? Ну как? Надо сделать это быстрее, пока не поздно. Уедем из этого жутковатого места, уберемся подальше от его хозяина с этими дикими намерениями, и я сразу же признаюсь Дару. Решено. И будь что будет... Я устала скрывать себя.

Спать мы ушли не сразу. Мне понадобилось время, чтобы вернуть душевное равновесие. Часть разговора с владельцем замка беспокоила, но я была тогда настолько перепугана, что смысл некоторых фраз ускользнул. Что-то беспокоило, но что?

Паника плохой помощник, а я была близка к обмороку от ужаса. Знаю ведь, что для многих и многих сильных мира сего ничего не стоит убить, сломать, заточить в тюрьму, запытать ради развлечения или затравить собаками бесправного маленького музыканта или нищего бродягу. И пожелал бы лорд Калахан исполнить свой каприз, то ничего бы ни я, ни Дар сделать не смогли бы.

С утра пришел обещанный лекарь. Был он немолод, высок и худощав, со строгим умным лицом и цепким взглядом. С порога внимательно осмотрел нас, задержавшись на моей скромной персоне чуть дольше, чем требовала ситуация. Ведь его пригласили лечить не меня.

– Приветствую вас, – заговорил он, сделав свои выводы. – Я магистр Латтас. С кого начнем?

– С него, – указала я на Дарио.

– Уверены, юноша? Ваше лечение займет меньше времени, да и долгий восстановительный период вас не ждет.

– Рэми? – напрягся Дар. – Ты болен? Почему не сказал?

– Нет, лорд. Ваш друг не болен, но в помощи целителя определенно нуждается. Лорд Калахан был прав. Как долго вы носили блокирующий амулет? Я вижу, что ваши магические каналы пережаты и практически

атрофированы.

– Мм-м, – помялась я. – Предположительно, с самого рождения. Но возможно, чуть меньше. С года? Я не знаю точно, а родители мертвы, выяснить не у кого.

– Кто был магом? – подойдя вплотную, целитель поводил руками над моей головой, вглядываясь во что-то, видимое только ему.

– Мама.

– Ну что ж... Где ваша комната? Вам лучше прилечь. Больно не будет, но возможны головокружение, некоторая дезориентация в пространстве и тошнота. И мне понадобится задать вам кое-какие вопросы относительно вашего состояния.

– Прошу вас, – подскочив, я приглашающе повела рукой в сторону выделенной мне спальни.

Дарио направился за нами, но целитель строго взглянул на него и покачал головой:

– Нет. Вы будете мне мешать, так как в случае вашего друга предстоит работа с магическими потоками и аурой.

Дару явно не понравилось, что его не желают пускать, но спорить он не стал. Поджал губы, кивнул и вернулся к разожженному камину, возле которого предпочитал проводить время.

Мы с лекарем прошли в спальню, он велел мне лечь на спину и расслабиться. Сам же пристроился на краю постели и стал зачем-то водить надо мной руками. Выглядело странно, словно он щупает воздух, но я молчала, боясь помешать.

– Вы можете снять амулет личины? – спросил он, заставив меня испуганно вздрогнуть. – Он искажает ауру. Я вижу пробивающиеся сквозь него всполохи, – вероятно, заряд заканчивается, – но это не совсем то, что нужно для идеального лечения.

– Мне бы... не хотелось пока этого делать, – тихо ответила я, напряженно вглядываясь в лицо мага.

– Да, я понимаю. Одинокой девушке тяжело в нашем мире, – кивнул он, а я аж задохнулась. Он видит даже это? Расскажет всем? Выдаст меня? – Ладно, попробуем обойтись так. Сколько вам полных лет?

– Семнадцать.

– Девственны?

– Да, – и меня залило жаркой волной смущения.

– Это хорошо, – не глядя мне в глаза, кивнул лекарь. – Ваша личина очень сильна. Очень. Мастер, создавший ее, невероятно хорош в своем деле. Такого плотного слияния я еще ни разу не наблюдал. Скажите-ка,

милая, а изменения в характере сильно проявились? Не свойственное вам поведение? Неожиданные решения? Странные для вас поступки? Может, некоторая инфантильность?

– Н-ну... я не уверена, но... Наверное, да, – поразмыслив, признала я то, о чем раньше не задумывалась. – А как вы?..

– Ваша личина – это не только внешность. Она полностью изменила ауру и психотип. Вы сейчас несовершеннолетний мальчик не только физически, развитие и характер тоже соответствуют. Так?

– Н-наверное, – опешила я.

– Это временно, не переживайте. Как только снимете амулет или он сам себя исчерпает, к вам вернутся не только женское тело, но и истинные характер и темперамент. Ну и аура, разумеется. Но я бы советовал вам не затягивать. Заряда в личине осталось совсем немного, очень скоро она спадет сама. Будет крайне досадно, если это случится в неподходящий момент. Ну что ж, а пока будем работать с тем, что имеем. Я восстановлю ваши магические артерии и подправлю течение потоков сил. Но не ожидайте, что сразу же сможете полностью воспользоваться своим даром, любая болезнь вылечивается не за один раз, всегда требуется период на полное восстановление. И я бы посоветовал вам снова обратиться к целителю, как только снимете изменяющий амулет. Тогда будет видно то, что я сейчас могу пропустить из-за слияния искусственно наведенного образа и вашей собственной ауры.

– Хорошо, спасибо. Магистр, а вы... сообщите?

– О том, что вы не тот, за кого себя выдаете? – цепко взглянул он мне в глаза. Впервые во время разговора. До того он изучал лишь окружавший меня воздух. Точнее, ауру, которую я не вижу. – Нет. Во-первых, это не мое дело. Во-вторых, я целитель и давал клятву о неразглашении проблем своих пациентов. И в-третьих, вы не представляете собой опасности для окружающих, не преступница. Можете не волноваться на этот счет, я никому ничего не расскажу.

– Спасибо. Личина спасала меня много месяцев. Без нее я бы не выжила.

– Я понимаю, – серьезно кивнул он. – По вашему физическому состоянию я вижу, что и в облике мальчика вам пришлось нелегко. А уж оставайтесь вы девушкой... Ну что ж, расслабьтесь, закройте глаза и постарайтесь не шевелиться.

Что он делал, я не знаю. Ничего не чувствовала и не слышала. Ни каких-либо эффектов, типа тепла, ни звуков... Просто я лежала, маг сидел и водил надо мной руками.

Закончив, он еще раз велел непременно обратиться к целителю позднее и пошел к выходу.

Глава 18

Дарио ждал нас в гостиной. Он так и не ушел к себе, и я немного напряглась, поймав его взгляд – а не услышал ли он наш разговор. Но нет, судя по его лицу, для него всё по-прежнему.

– Ну-с, на что жалуетесь вы? – подошел к нему магистр Латиас. – Сразу скажу, снять с вас ошейник принадлежности я не могу. Нарушать закон не стану. С этим вам и вашему владельцу предстоит разбираться самостоятельно. По той же причине я не смогу восстановить до нормального состояния ваши магические артерии. Но во всем остальном готов помочь.

– Шрамы и внутренние повреждения убрать сможете? На лице и на теле? – хмуро спросил Дар.

– Несомненно, только в вашем случае процесс будет весьма болезненный. И вам придется выбрать, либо лицо, либо тело. Во втором случае я смогу излечить и все застарелые травмы.

– А почему или – или? – вмешалась я в разговор.

– Магический ошейник режет все энергетические потоки и ауру, – глядя на шею будущего пациента, пояснил целитель. – Нет целостности, соответственно, излечить всё за один раз невозможно. А две процедуры он не вынесет. Видите ли, в его случае я даже не смогу наложить обезболивающее заклинание. Мне жаль.

– Я понял, магистр Латиас, – сверкнул глазами Дарио и сжал челюсти. – Прошу вас заняться моим телом: как шрамами, так и последствиями всех травм. Они беспокоят, а регенерировать и вернуть здоровье сам я не могу в нынешних обстоятельствах. Рэми, идем. Я хочу, чтобы ты присутствовал.

– Вы уверены? – промелькнуло беспокойство в глазах лекаря. – Процесс лечения крайне интимный, я не уверен, что мальчику стоит на это смотреть. Вам придется быть обнаженным и...

Мужчина замялся. Его явно смущало то, что я девушка. Он-то об этом знает.

– Магистр, моя жизнь и тело – его собственность, – устало пояснил Дар. – Он мой владелец. Рэми уже выхаживал меня, когда я умирал. И я доверяю только ему. Он принадлежит мне, я знаю. Даже если слягу, служанок и сиделок к себе подпустить не разрешу.

– Удивительно, – пожевал губами целитель. – Что ж, пойдемте.

Мы вошли во вторую спальню, и магистр Латиас обратился к своему новому пациенту:

– Вам необходимо раздеться донага и лечь на кровать. И желательно зажать что-то в зубах. Процесс излечения шрамов и неправильно сросшихся тканей в вашем случае окажется болезненным. Рэми, если вам станет дурно, скажите. У меня с собой есть нюхательные соли.

Спустя время обнаженный Дар лежал, сжимая в зубах скрученный в тугую жгут край простыни.

– Мне жаль, что я никак не могу помочь вам с обезболиванием, – невесело проговорил маг, присаживаясь на край матраса. – Поверьте, я совсем не рад тому, что сейчас предстоит делать. Но в вашем конкретном случае – или так, или никак. Может, потерпите до того момента, когда снимете магический ошейник, который так чудовищно коверкает и режет вашу ауру и магические потоки? Открытых ран у вас нет, а излечение застарелых внутренних травм и рубцов... Это будет мучительно.

Дарио сверкнул глазами и решительно помотал головой.

Магистр Латиас вздохнул и приступил.

Он говорил, что будет больно? О нет. Это были пытки. Агония. Страдание, которое невозможно выдержать с достоинством. И жертва лечения мычала сквозь сжатые зубы, не имея возможности кричать.

Я не знаю, как лечат старые глубокие шрамы, неправильно сросшиеся мышцы и, возможно, кости и сухожилия под ними в обычных условиях. Почему-то думала, что целитель проведет рукой, произнесет заклинание, и всё разгладится. Но мне и в кошмарном сне не могло привидеться, что можно делать это *так*... Отслаивая участки кожи от мышц, делая что-то как с ними, так и с располагающимися глубже тканями, приращивая потом всё обратно. Переходя к следующему месту и по новой...

Нет, крови не было. Кожу целиком целитель не снимал с тела, только оттягивал ее куски, и она оставалась в его пальцах словно тоненькая тряпочка, приподнятая над тем, что ранее прикрывала. А потом ее «приклеивали» и «отрывали» новый кусок...

Сначала спина, ягодицы, икры и бедра сзади... Я видела, насколько Дару больно, по тому, как напрягалось его тело, сжимали и комкали простыни пальцы. Потом мне, глотая слезы жалости, пришлось помогать магистру Латиасу переворачивать обессиленного пациента лицом вверх. И всё повторилось... К счастью, на груди и животе рубцов было меньше. Это на спину даже страшно смотреть. Я помню свой шок, когда увидела его отмытое от грязной коросты тело в бане в день нашего знакомства.

Долго, невыносимо долго. И мучительно не только для Дара, я тоже страдала, глядя на этот жуткий процесс лечения. Нет, мне не стало дурно, как опасался лекарь, и не понадобились нюхательные соли. Наверное, я слишком много уже видела людской боли.

– Ну вот и всё, – утомленно сообщил целитель, выйдя из спальни и поманив меня за собой. Дар к этому времени потерял сознание и уже ни на что не реагировал. – Теперь полный покой не менее суток. Не позволяйте ему вставать. И я бы все же пригласил сиделку или служанку. В ближайшее время он совсем ничего не сможет, даже сесть или перевернуться. О том, чтобы самому дойти до уборной, не может быть и речи. Не укрывать! Прямо сейчас нужно хорошо обмыть с ног до головы, так как я еще вывел наружу скопившийся в организме яд. Со времен каторги на рудниках, полагаю, остался. Ах да. Вашего раба необходимо каждые два-три часа переворачивать, чтобы кровь не застаивалась, а кожа дышала. Когда очнется и пройдет боль – массаж всего тела минимум трижды в день на протяжении недели. Справитесь?

– Справлюсь, магистр, мне не впервой. А он не позволит кому-то постороннему прикоснуться к себе. Я знаю.

– Удивительные отношения... Юная леди, а вы уверены, что он... Гм... Я так понимаю, он не в курсе, кто вы?

– Нет. *Пока* нет.

– Вам предстоит нелегкий разговор. Я не имел чести быть ранее знакомым с лордом Дарио, но слышал о нем. И он... То, кем вы являетесь на самом деле...

– Думаете, он убьет меня, когда узнает? – напряженно спросила я.

– Что? – изумился маг. – Убьет?! Ну что вы. Напротив... Милая, вы осознаете, что он мне сказал? Вы ведь слышали? Он уже сейчас забывает, что это он ваш раб и собственность. Считает, что *вы* принадлежите ему, при том, что видит вас мальчиком. Если же вы молодая девушка, да еще и хорошенькая... М-да...

Я открыла рот, собираясь возразить, что не ожидаю от Дарио ничего плохого, но не смогла сформулировать свою мысль внятно. А правда, как он поступит, когда выяснится, что мне семнадцать и я девушка? Именно этого ведь и опасюсь – его реакции.

– Мы... разберемся в наших отношениях позднее, – произнесла наконец.

– Несомненно, – хмыкнул целитель. – И я даже предвижу итог. На этом откланиваюсь. Я сделал для вас обоих всё, что мог. Если захотите позднее

вернуть вашему рабу красоту и стереть шрам с его лица, то придется сначала снять ошейник. Но я бы не советовал. Лорд Дарио опасен, он осужденный на смерть преступник. И то, что всё еще жив, как вижу, не заслуга его самого, а ваша жалость и мягкосердечие. И я даже не знаю, поздравить вас или выразить сочувствие.

– Я спас... спасла его, а он уже не единожды уберёт меня. Если бы не Дар, я бы не добрался... то есть не добралась бы сюда в целости и сохранности. И он обещал охранять меня и дальше. Простите, я отвыкла за эти месяцы говорить о себе в женском роде. Скрываюсь ведь.

– О да, он сильный и опасный противник и великолепный воин, хотя еще молод. Я слышал... Вам ничего не грозит, леди. Он считает вас своей собственностью и перегрызет горло любому, кто посмеет на вас покушаться. Это в их натуре, видите ли. Они не умеют по-другому. Ужасные собственники, делиться и отдавать свое органически не способны.

– Они?

Бормоча себе под нос что-то непонятное, магистр засобирався и ушел, не ответив на мой вопрос. Кто они-то? Высокородные аристократы? Мужчины в целом? Члены рода Дара? Он не называл мне свое родовое имя, предпочтя в своей обычной манере увильнуть от ответов, так же как и я не говорила, что я дас Рези.

Дарио не приходил в себя. Глухо стонал, периодически начинал биться в конвульсиях, глазные яблоки бегали под веками, ресницы подрагивали. Иногда звал меня. И я говорила с ним, от звука моего голоса он затихал, ему словно становилось легче. Невероятно трудно было переворачивать тяжелое обмякшее тело, как велел целитель.

Было искушение позвать кого-нибудь на помощь, но я сдерживалась. Отчего-то была уверена, что Дар мне не простит, если я подпущу к нему кого-то чужого. А он ведь обязательно узнает. Люди не умеют держать язык за зубами, особенно прислуга. Это я знаю давно.

Ближе к вечеру заглянул лорд Калахан. Без стука вошел в спальню, стоя на пороге, сначала внимательно осмотрел меня и довольно кивнул. После этого впился взглядом в распластанное на постели обнаженное тело. Я торопливо прикрыла Дара до пояса простыней, вызвав у визитера гримасу, отдаленно напоминающую усмешку.

– Уже вечер. Тебя проводят в зал, музыкант.

– Меня зовут Рэми, лорд Калахан, – негромко проговорила я.

– Знаю. Поужинай и спускайся, – приказал он и ушел.

Ужин принесли буквально через пять минут после этого. А как только я торопливо поела, за мной пришел вчерашний лакей. Под его насмешливым взглядом я тщательно заперла дверь в отведенные нам гостевые покои, спрятала ключ в карман и отправилась выступать. Не в наших с Даром интересах злить лорда Калахана. Я это понимала. И если мне приказано выступить, я это сделаю. Причинить вред тому, перед кем долг жизни, он не захочет. А вот мне – запросто.

И снова я играла, пела и рассказывала сказки. Кое-что меня даже попросили повторить.

– Менестрель, расскажи еще раз историю про лесника, у которого было три дочери, – крикнула с другого конца зала одна из служанок. – Такая жуть, я полночи не спала!

– Жанна, ты не спала, потому что тебе Михель не давал! – насмешливо ответил ей один из стражников.

– А ты не завидуй! – поправила волосы девушка. – Конечно, мне было боязно ложиться одной.

– Ага! А Михель всю ночь тебя охранял! – заржали мужики.

Когда все просмеялись, я заговорила:

– А хотите, я вам расскажу другую сказку? Не про лесника, а про лорда, у которого тоже было три дочери? Одна была умница, другая рукодельница-кружевница, а третья – красавица.

– Хотим! А потом еще и про вчерашнего лорда, который семь жен схоронил. Вот ведь страх! Не хотела бы я за такого замуж, – снова подала голос разбитная Жанна.

– Да лорд бы тебя и не взял! Хватит с тебя Михеля!..

Время шло, я завершила свое выступление и встала со стула, подхватив свою гитару. Хотела пройтись со шляпой в руках среди народа, видела, что многие уже приготовили монетки, собираясь отблагодарить. Но не успела... Невесть откуда вынырнул лорд Калахан, надменно кивнул, словно благодаря за доставленное удовольствие, и равнодушно перекинул мне точно такой же мешочек с монетами, как и вчера.

Если внутри такая же сумма, то я теперь богата. Даже один золотой – это огромные деньги для бродячего музыканта. И неважно, что раньше у меня были дорогие наряды и украшения, стоившие больше сотни золотых. Папа никогда не скупился на меня и маму. Вчера лорд Калахан небрежно расплатился со мной пятьюдесятью полновесными золотыми монетами.

Я не ошиблась, сегодня оказалась та же сумма. Либо хозяин этого дома баснословно богат и даже это для него – мелочь, либо он пытается

продемонстрировать, что я обрету, если приму его покровительство. Не знаю, но деньги возьму. Мне они точно нужнее, чем этому надменному жуткому господину.

Ночь мне пришлось провести в комнате Дарио. Притулилась на его кровати, чтобы в нужное время помочь.

Наш визит в итоге затянулся. Я еще три вечера подряд выступала, в конце возникал из ниоткуда, словно призрак, лорд Калахан, отдавал мне замшевый мешочек с пятьюдесятью золотыми и уходил.

Дарио пришел в себя, и хотя был слаб, но с моей помощью вставал и сам доходил до уборной. Вот только мыться пришлось ему помогать. В положенное время я делала ему массаж, не слушая возражений, мол, и так сойдет.

Целитель распорядился? Вот и всё!

– Рэми...

– Мм-м? – не отвлекаясь от своего дела, промычала я. Разминала спину, усевшись сверху на лежащего на животе Дара.

– Я рад, что ты мой. Я ценю.

– Вообще-то, это ты вроде как мой... – замерли мои пальцы.

– Это само собой.

Кажется, кое-кого основательно заклинило на тему принадлежности. Раньше такого не было, мы вполне мирно сосуществовали и спокойно ехали к цели как партнеры и приятели. А тут... Так повлияло поступившее от лорда Калахана предложение о покровительстве? Или беззащитность и зависимость от меня из-за тяжелого лечения старых травм и шрамов?

– Рэми.

– Да?

– Малыш, я не смогу подарить тебе физической любви, как это обещал Калахан. Прости, но это... выше моих сил. Раньше я любил женщин. Больше... не люблю, но и перебороть себя не смогу. Ты для меня – самое дорогое, единственное, что у меня есть. Я сделаю для тебя всё, обещаю. Кроме... Если ты передумаешь, я усыновлю тебя. Или просто буду всегда рядом, не отпущу, не позволю уйти.

– Я не хочу уходить, – помедлив, отозвалась я, радуясь, что не вижу лица Дара, а он не видит моего. – И безумно рад, что ты не хочешь физической любви с мальчиком.

Дарио еще трижды возвращался к этой теме, которая оказалась для него неожиданно болезненной. И наверное, мне следовало бы признаться в

том, что я девушка, именно сейчас. Но я струсилa. Опять.

А его буквально заклинило на мне, что даже немного пугало. То есть я понимала – это оттого, что он прикипел ко мне. Что мы с ним повязаны. У нас неожиданно оказалась одна судьба на двоих. Но эта чуть ли не одержимость, постоянные попытки взять меня за руку, чтобы удостовериться, что я рядом, никуда не исчезла, просьба ночевать в его спальне, пока мы находимся здесь... Неконтролируемая ревность ко всем, даже к слугам...

Нет, он не делал ни малейших поползновений в мою сторону, я видела, он воспринимает меня именно как ребенка, но... Даже мама так никогда не тряслась надо мной.

В один из дней, после обеда, пришел лакей и с поклоном сообщил, что лорд Калахан приказал проводить нас обоих в оружейную.

– Идем, Рэми, – тут же вцепился в мою руку Дар. – Мне нужно выбрать оружие.

Хозяин замка ждал нас в помещении, сплошь завешанном и уставленном всеми видами смертоносных игрушек.

– Дарио.

– Калахан.

Приветствовали они друг друга странно...

– Выбирай, – повел рукой владелец всего этого изобилия, после чего перестал обращать внимание на него и сосредоточился на мне: – Рэми.

– Да, лорд Калахан, – с опаской отозвалась я.

– Я подобрал тебе оружие. Иди сюда.

– Но я не умею, лорд, – вяло запротестовала я, но не решилась ослушаться. Меня пугал этот жуткий человек, и проще было не спорить с ним, тем более, ничего плохого он пока не сделал.

– Знаю. Кинжал, – пройдя на противоположный конец зала, он протянул мне изящную небольшую игрушку. – Особого вреда не нанесет, но магическая составляющая не позволит противнику сразу же снова напасть. Это даст тебе фору, и ты успеешь скрыться. Твоя железка, которую ты зачем-то носишь на поясе, ни на что не годится. Если только колбасу нарезать.

Я молча приняла кинжал, благодарно склонив голову. Он прав, а я не в тех обстоятельствах, чтобы отказываться. Вдали Дарио сосредоточенно подбирал себе меч под руку и в нашу сторону только поглядывал, не вмешиваясь.

– Арбалет, – протянул лорд Калахан мне широкий наруч. – Надень его

на левую руку, там он не будет мешать.

– Но... – озадаченно повертела я широкий посеребренный браслет. Точнее, наруч. Это арбалет? А где болты? Пружина? Спусковой крючок?

– Тоже магический. Активируется силой мысли и даром. Мой целитель постарался, я вижу, что твоя аура восстановлена. Потренируешься им управлять позднее. Убить из него сможешь, лишь попав в глаз, и я сомневаюсь, что ты способен на подобную меткость. Но его дротики парализуют, ты опять же сможешь убежать.

– Вы не очень-то верите в мои силы, да? – У меня невольно скользнула невеселая улыбка.

– Каждому свое, музыкант. Я не верю в то, что твой раб сможет тебя защитить, поэтому делаю это сам. Мне плевать, если умрет Дарио, он живет взаймы и лишь по твоей милости. Но ты нужен нам всем. С уходом сидхе в этом мире не осталось прекрасного. Жаль, все поняли это слишком поздно, их уже не вернуть. Я хочу уберечь хотя бы тебя.

– Лорд Калахан, – во мне неожиданно на смену страху пришло уважение. – Спасибо. Мне жаль, что я не могу... Но я был бы рад, если бы вы считали меня другом вне зависимости от того, какие отношения вас связывают с Дарио. И я вам очень благодарен.

– Не стоит, я делаю это не ради тебя, а ради себя. Наши души умирают без волшебства сидхе, без цвета их музыки. Последняя из них, которую я слышал, сгинула бесследно более пятидесяти лет назад. И с тех пор никто ни разу не сумел пробудить во мне и капли тех чувств, что смог ты.

– Как ее звали? – зачем-то спросила я.

– Альянда. Прекрасная Альянда... Наивная мечтательница и идеалистка, которая не ушла одновременно со всеми своими, а осталась... Мне горько, что я не сумел помочь ей. Полагаю, она сдалась и открыла тропу к сородичам. Поэтому оставайся с нами хотя бы ты, музыкант.

«Альянда. Прекрасная Альянда...» – колокольным звоном звучало в ушах.

– Так звали мою маму, – внезапно охрипла я от догадки.

– Она была полукровкой? Только сидхе называли так своих дочерей. Что ж, это объяснило бы твой талант. Ты похож на нее?

– Нет, – медленно покачала я головой. – У нее были голубые глаза и длинные золотые косы.

Лорд Калахан окаменел. Застыл, глядя на меня пристально и недоверчиво, а потом задал вопрос:

– У твоей матери была вот тут маленькая родинка? – коснулся он своей верхней губы слева.

– Да.

О том, что у меня такая же родинка, как и у мамы, я промолчала, разумеется.

– Альянда... – внезапно глухо застонал мужчина и спрятал лицо в ладонях. – Она... умерла?

– Да. Больше полугода назад.

Лорд Калахан отвернулся и с прямой спиной пошел прочь. Словно слепой, пошатываясь и сшибая всё на своем пути.

Глава 19

Обратно нас провожал лакей. Хозяин замка не появился ни у нас, ни позднее вечером на выступлении, которое я планировала сделать последним. Дарио сказал, что завтра утром мы отправляемся в путь.

Спрашивал он и о нашем разговоре. Но я почему-то не захотела рассказывать. Не сейчас... Зная отношение Дара к сидхе, мне просто было страшно. Уж выкладывать, так всё. А я пока не готова.

Позднее мажордом принес для Дарио деревянный ларец, сообщив, что лорд Калахан велел передать амулеты. Можно забрать любые, которые мы сочтем подходящими.

Я в процесс выбора не вмешивалась, лишь издали наблюдала, как Дар копался в ларце, перебирая и внимательно рассматривая кольца, браслеты, подвески, броши. Что он в итоге выбрал, я не стала интересоваться. Все равно ничего в этом не понимаю.

Утро началось рано. Вещей у нас было мало, так что упаковали мы их еще с вечера. Вышли во двор, где я, зябко поеживаясь, стала искать взглядом наших лошадок. Странно, но никто не спешил вести их к нам.

– Что-то здесь не слишком расторопные конюхи, – заметила отстраненно и поправила оттягивающую плечо гитару.

– Лошади нам не понадобятся. Оставим их здесь, – соизволил ответить невозмутимый Дарио. – Они все равно дешевые и мало на что годные. Когда потребуются, купим нормальных.

– Но как же?.. О! Лорд Калахан, доброе утро.

– Готовы? – равнодушно спросил вышеозначенный господин, широким шагом подходя к нам.

Он был тоже одет по-походному, а на его поясе красовались меч и кинжал.

– Да, Калахан, – кивнул ему Дар. – Амулеты я выбрал. Ларец остался в комнате.

– Знаю. Отойдите.

Мой спутник тут же подхватил за локоть ничего не понимающую меня и торопливо оттащил подальше от мрачного и крайне недовольного жизнью и нами обоими хозяина замка.

Я открыла рот, желая поинтересоваться, что происходит, да так и застыла с отвисшей челюстью. Фигура лорда пошла рябью, исказилась в

пространстве, как это бывает с маревом в особенно жаркие дни, и вот вместо светловолосого мужчины во внутреннем дворе замка стоит... дракон. Огромный бронзовый дракон. С крыльями, хвостом, шипастым гребнем на длинной шее, четырьмя когтистыми лапами и огромной башкой.

– А-а-а... эт-то... – Способность говорить не спешила ко мне возвращаться.

«Живее! Хватит терять время!» – вдруг прямо у меня в голове прозвучал голос лорда Калахана, а из ноздрей огромного ящера вырвался дымок.

Кажется, я как никогда была близка к обмороку. И неважно, что я сейчас вроде как не девушка.

– Рэми, поторопись, – потянул меня за руку ничуть не удивленный Дарио. – Калахан не станет долго ждать.

На негнущихся ногах я заторможенно поплелась за ним, а подойдя вплотную к жуткому чудовищу, промямлила:

– Лорд Калахан? Вы... дракон?! – признаю, на последнем слове я сорвалась на фальцет.

«Что за глупый вопрос? Разумеется, я дракон! Музыкант, ты что, не знал, к кому приехал и с кем?» – Голос в голове звучал раздраженно.

– Мм-м... С кем... Дар, ты тоже?!

– Рэми, шевелись!

Дарио увильнул от ответа и повлёк меня к отставленной в сторону здоровенной чешуйчатой лапе. Принялся карабкаться на спину монстра, чуть ли не за шкурку затаскивая наверх и меня. А я чувствовала себя так, будто меня по голове стукнули.

– Боги всемогущие! – прошептала я, вцепившись в один из шипов на хребте ящера, когда мой спутник насильно усадил меня в пространство между двумя из них.

– Рэми, хватит! Ты сам хотел к драконам, я обещал, что доставлю тебя к ним, – немного нервно произнес он за моей спиной. – И да, я тоже дракон. Был им, если уж точнее. После приговора мне заблокировали не только магию, но и оборот. Лишь по этой причине я вынужден был обратиться к Калахану.

«Маленький музыкант не знал, с кем спутался? Смешно», – без малейшей тени улыбки прогудел прямо в моем сознании голос лорда Калахана.

– Я думал, что драконы там, далеко, – зачем-то попыталась я оправдаться. – А вы живете здесь, в Калиоте.

О том, что я сижу на спине жуткого огнедышащего чудовища и оно, кажется, собирается взлететь, я старалась не думать.

«Глупый мальчишка. Я же предупреждал, что ты не с тем связался».

Посчитав на этом общение со мной исчерпанным, дракон расправил крылья, согнул лапы, толчком прыгнул вверх и... полетел.

Кажется, я закричала. Не уверена. Но ветер тут же забился в рот, сдул с головы капюшон и засвистел в ушах. Внизу уменьшались дома, деревья, а небо становилось ближе.

Когда немного пришла в себя и отмерла, то оказалось, что я так и сижу с открытым ртом, намертво вцепившись в шипастый гребень, нас окружают низкие тяжелые облака, а земли не видно. Подо мной мощно перекачивались тугие горячие мышцы, и вообще ящер оказался горячим. Словно на печке сидишь, так что, несмотря на пронизывающий ветер и сырость, было не холодно. Только пальцы окоченели и уши. Рискнув, я отцепила одну руку и, накинув капюшон на голову, потуже затянула шнур на горловине, чтобы он больше не слетал.

«Лететь долго, музыкант. Можешь поспать. Меня нервируют истерики».

– Я постараюсь вести себя достойно, лорд Калахан, – негромко ответила. Почему-то была уверена, что он меня услышит.

Дарио за моей спиной был молчалив и погружен в себя. От него исходили тоска, болезненная грусть по тому, что было в его жизни и чего он лишен. Крылья? Он лишен крыльев и возможности летать?

Отчего-то я не испытывала злости и обиды на него за то, что он не рассказал мне и не подготовил к такой неожиданности. Ну... дракон. Жуть, конечно. С другой стороны, я тоже о многом умолчала. И я сама – неведома зверушка, как оказалось. Мама была сидхе, и учитывая, что я совершенно не похожа на папу, а полностью унаследовала ее внешность и, кажется, дар, то и я вроде как сидхе. Та еще новость. Хотя, возможно, полукровки не так раздражают окружающих, как чистокровные сидхе. С этим еще предстоит разбираться.

Летели мы долго. Люди не соврали, говоря, что драконы живут обособленно ото всех и очень далеко. Минута за минутой, час за часом, а мы все парили в небе, изредка выныривая из облаков, чтобы согреться. Огромный страшный зверь ловил потоки воздуха, тогда его крылья переставали размеренно двигаться, и мы планировали, словно воздушный змей.

Я даже начала находить странное удовольствие в невероятности

происходящего. С интересом смотрела вниз, на мелькающие кусочки полей и лесов, на тонкие нити рек и блестящие на солнце кляксы водоемов.

Наконец впереди встали горы. Я думала, мы двинемся к ним, но кроме горных хребтов, укрытых снежными шапками, показалось и море. Бескрайняя сверкающая гладь, простирающаяся до самого горизонта. А у подножия гор раскинулся город. Вот к нему мы и начали спускаться.

Я уж было решила, что мы приземлимся где-то в центре, на одной из широких площадей, но вместо этого лорд Калахан, точнее дракон, сделал круг над городом, словно давая нам возможность рассмотреть его. А потом начал плавно снижаться к западной окраине, туда, где среди садов прятались аккуратные двухэтажные домики. Возле каждого из них расстилалась открытая лужайка, на которой не было ни клумб, ни кустов, и, кажется, я поняла, для чего она предназначена.

На одну из таких площадок, покрытых сочной зеленой травой, чешуйчатый ящер и приземлился. Тяжелое тело удивительно аккуратно для своих размеров присело, пружиня на мощных лапах. После чего два огромных крыла сложились, и прозвучала команда:

«Спускайтесь!»

Услышала ее не только я, так как Дарио за моей спиной завозился, похлопал меня по плечу и позвал:

– Рэми, мы прилетели, просыпайся.

– Я не сплю, – выпутываясь из капюшона, отозвалась я и попыталась привстать.

Попытка провалилась. За долгие часы неподвижности тело затекло и совершенно не слушалось. Дар понял правильно, негромко хмыкнул, аккуратно подхватил меня за шиворот и выволок. Он же помог спуститься, потому что я сама позорно скатилась бы по скользкому чешуйчатому боку прямо на землю.

А как только мы оба очутились внизу и отодвинулись подальше, драконья туша снова пошла рябью – миг – и перед нами невозмутимый и холодный светловолосый лорд. К нему уже вернулись привычная невозмутимость, надменность и отстраненность. Лишь на короткие мгновения его выбила из состояния отрешенности вчерашняя новость о смерти моей мамы.

Я озадаченно осматривалась, пытаюсь понять, куда он нас привез, но долго гадать не пришлось.

– Рэми, этот дом я когда-то давно подарил Альянде. Она ушла, но за зданием и территорией приглядывали. Теперь это всё твое. Документы

оформят в ближайшее время. Твой раб может жить с тобой, если ты не пожелаешь от него избавиться.

– Лорд Калахан, мне... – пролепетала я.

– Не заблуждайся, музыкант. Я делаю это не ради тебя, а в память о ней. Не хочу, чтобы ее дитя бродяжничало. Идите за мной! – Он отвернулся и пошагал к крыльцу.

Там нас уже ждали. Симпатичная пожилая дама в простом аккуратном светлом платье и немолодой крепкий мужчина с сильной проседью в каштановых волосах, держащий в руках садовые ножницы. Рядом с ними две хорошенькие девушки в форменных платьях служанок и белых передниках. Судя по внешности – дочери этой госпожи. Семья, приглядывавшая за домом.

При нашем приближении женщины присели в книксенах, а мужчина поклонился.

– Лорд Калахан, рады вас видеть. Мы не знали, что вы сегодня придёте, – заговорил глава семейства и передал садовый инвентарь одной из девушек.

– Я привез нового владельца этого дома, – проигнорировал приветствие и недоумение аристократ. – Отныне вот ваш хозяин, – кивнул он на меня. – Слушаться беспрекословно. Документы на собственность оформят в ближайшее время. Для вас всё останется неизменным, если только вы не пожелаете сменить работу. С ним вместе будет жить его раб, – последовал небрежный кивок на Дарио.

От того полыхнуло яростью, фактически ненавистью, но смолчал, только желтые глаза прищурил.

– Приветствуем вас, господин, – тут же поклонились мне слуги. – Как к вам обращаться?

– Мое имя Рэми, – сделав вид, будто не заметила попытки прощупать мой статус и фамилию, с вежливой улыбкой ответила я. – Мы с вами познакомимся ближе чуть позднее, а сейчас можно горячего чая? Мы долго добирались, я продрог.

– О, конечно, – встрепенулась женщина. Экономка? – Может, горячего шоколада? И есть пироги с мясом и с вишней. Не желаете перекусить?

– Желаем, – ответил вместо меня лорд Калахан. – Рэми, мне нужно с тобой поговорить. Я задержусь здесь до завтра. И ты ответишь мне на кое-какие вопросы.

Я поежилась, но спорить не решилась. Слишком уж быстро всё происходит, я не успеваю морально подготовиться.

Сразу после чаепития я познакомилась со слугами. Подтвердилось, что это действительно семья. Госпожа Виенна приглядывала за всем хозяйством в целом, командовала дочками Ма́ршей и Ли́ндой, которые следили за порядком, а господин Жа́ник исполнял работу, требующую мужской силы: занимался конюшней, домом и садом, мог починить крыльцо или покосившиеся двери и ставни, перекрыть крышу, если та начинала протекать.

В данный момент отсутствовала еще одна особа из прислуги, кухарка, которая уехала поутру на рынок и не успела вернуться. Господин Жаник даже посетовал, что завтра придется снова ехать за пополнением запасов, так как они не ожидали, что прибудет столько народу.

Госпожа Виенна провела меня по дому, показала все комнаты, рассказала, где что находится, и дождалась, пока я выберу покои для себя. Я остановилась на тех, в которых когда-то жила прежняя хозяйка этого дома. Мне сразу приглянулась просторная светлая спальня с примыкающими гардеробной и ванной комнатой, в которой помимо отхожего места, выполненного из мрамора... – из мрамора! – оказалась не лохань, а широкая и глубокая ванна. Над ней красовались блестящие краники, а когда я покрутила их, то чуть не застонала от предвкушения. В дом проведен водопровод! Невероятно просто! И вода шла и холодная, и горячая. То есть можно не ходить больше в общественные бани и не таскать в ведрах кипятков, нагретый на огне, чтобы наполнить ванну.

Неплохо живут драконы. Очень неплохо. В людских землях водопровод непосредственно в своем доме могли позволить себе далеко не все. Даже в нашем родовом замке такого не было, мыться мы спускались в специально отстроенные бани на цокольном этаже. Одна – господская, богато отделанная. Вторая – побольше размером, но намного скромнее – для всех остальных жителей замка.

Не знаю уж, как с этим обстоит в городских домах. Благо после череды жутких эпидемий все королевства следили за чистотой своих граждан. И в самом захолустном и убогом городишке можно было найти общественную баню, в которую могли прийти даже нищие. Для публики поприличнее – частные и платные. Для нищих и бродяг – содержали места для мытья за счет казны, были они убоги и неказисты, но главную задачу выполняли. В городах царила чистота, эпидемии больше не повторялись.

С каждой минутой пребывания в этом месте мое настроение неумолимо поднималось вверх. Сначала как-то не верилось, что лорд Калахан говорил всерьез. Да и я не вполне адекватно воспринимала действительность после долгого полета на спине невероятного

огнедышащего зверя, которого увидела впервые в жизни (статуэтка не считается). Устала, замерзла и словно впала в эмоциональный ступор от невероятности всего происходящего.

Поэтому и адресованные прислуге слова дракона, что я – новый владелец, восприняла со скепсисом. А сейчас наконец-то поверила.

Вот этот чудесный особнячок теперь принадлежит мне. Я буду тут жить! Отныне это мой новый дом! Мой собственный! Мне больше не нужно бродяжничать, спать на улице, на конюшне или в грязных убогих каморках в трактирах. Ведь позволить себе приличные комнаты я не могла.

Отныне я не бездомная бродяга, гонимая страхом и жаждой обратиться как можно дальше от родного королевства, а хозяйка отличного дома в приличном районе и, главное, там, где меня никто никогда не найдет.

Я улыбалась в предвкушении, спустившись в холл на первом этаже, чтобы отыскать Дарио и лорда Калахана. Но последний нашел меня сам. А вот куда исчез мой скрытный друг – вопрос.

– Рэми, идем. Я желаю, чтобы ты рассказал о жизни Альенды и о том, как она умерла.

Моя улыбка увяла, а перед глазами встало мамино лицо. Милая моя, как же я скучаю по тебе. Мы ведь даже попрощаться толком не успели.

Лорда Калахана интересовало всё. Родовое имя, титул и кто мой отец? Как мы жили? Где? Как именно выглядел наш замок и где конкретно он расположен? На каком этаже покои родителей и мои? Где кабинет папы? Сколько прислуги? Большой ли гарнизон? Где расположен фамильный склеп? Кто еще из родни имеется? И лишь в самом конце, вынудив из меня всю душу, он спросил то, с чего, я думала, начнет:

– А сейчас – подробно! Почему ты сбежал из дома и очутился на улице? Кто тебя выгнал? Кто сейчас владеет титулом и состоянием? И как умерла Альенда? С самого начала и со всеми деталями!

– Отец умер от болезни, – хмуро рассматривая свои сжатые на коленях руки, начала я. – Он слег и последние пару месяцев жизни не вставал с постели. Целители так и не смогли понять, что с ним, но он слабел с каждым днем. Мама ухаживала за ним, приглашала лекарей и травниц, но ничего не помогало. Меня она предупредила еще в детстве, что умрет через неделю после мужа. Я не знаю почему. Она так и не сказала. Говорила только про любовь, души, обряд единения, но в детали не посвятила...

Мои последние слова заставили дракона болезненно поморщиться. Он явно знал про этот обряд больше меня, и ему совсем не понравилось, что та, которой он когда-то дорожил, связала себя подобными магическими

узами.

А я продолжила, стараясь рассказывать детально, как было велено, но короткими фразами и по существу:

– Потом папы не стало. Накануне он послал за моим единокровным братом, Гаспаром. Он бастард, намного старше меня, и жутко злился, что наследство и титул должны перейти-ти ко мне, ребенку, рожденному в браке, а не к нему, старшему сыну. Гаспар приехал утром. Не один, со своей шайкой, все пьяные, веселые... Мы с мамой боялись, что он сделает что-то с нами. С самого детства Гаспар шпынял меня, проклинал и обещал, что я сдохну в нищете, он позаботится. Он терпеть не мог всех нас.

– Альенда всегда была слишком доброй и мягкосердечной. А проблему нужно решать в зародыше и сразу избавляться от врагов. Она могла это сделать легко, никто бы и не догадался, – обронил мой собеседник.

Это ужасно, наверное, но я была с ним согласна. Цинично, аморально и беспринципно, ведь Гаспар мой брат. Но, да, лучше бы этого врага не было в нашей жизни. Когда я стала такой жестокой? Я мысленно грустно усмехнулась.

– Для меня мама обустроила тайное укрытие, о котором никто не знал. Мы с ней случайно нашли старинный план замка, на котором был отмечен потайной коридор, ведущий наружу. Мне пришлось спрятаться. Предполагалось, что она придет за мной, если всё будет хорошо, выпустит. Если же не появится, то нужно было затаиться. Она боялась, Гаспар убьет ее, чтобы добраться до наследства. А следом и меня. Она не пришла...

– Дальше! – скомандовал дракон, так как я сделала небольшую паузу. В горле пересохло и от долгой речи, и от нахлынувших горьких воспоминаний.

– Мне пришлось просидеть там месяц, пережидая, пока прекратится погоня, которую наверняка отправили за мной, не обнаружив в замке. Потом по тайному ходу выбрался наружу, шел пешком через всю страну. Мне позднее люди рассказали. Для всех – графиня Альенда наложила на себя руки от горя по безвременно почившему супругу, – тут меня передернуло нервной дрожью. – А наследником всего состояния и титула стал Гаспар, единственный выживший отпрыск графа, его старший сын, незаконнорожденный, но признанный.

– Альенду убил этот Гаспар?

– Уверен! Он неоднократно, с самого моего детства, грозился прирезать меня. А маму ненавидел лютой ненавистью. Она была законной женой, вроде как его мачехой, родила ребенка, который должен унаследовать всё то, что Гаспар считал своим. Я был в бегах, не мог узнать

всё досконально. Но и так ясно, – криво улыбнулась я. – Графиня якобы наложила на себя руки. Ведь Гаспар не знал, что она и так обречена и умрет не позднее чем через неделю. А труп истинного наследника (как бы мой труп) был позднее найден в лесу, обглоданный волками до неузнаваемости. Опустили по одежде. Об этом мне тоже рассказали люди. Не удивлюсь, если и папу отравил он. Мы трое были препятствием к богатству. Гаспар много пил и играл в карты.

– Хочешь вернуться в родной замок и принять титул и состояние?

– Нет!!! – Меня аж подкинуло. – Ни за что! Я не вернусь в Дагру никогда! Лучше быть нищим музыкантом на свободе, чем графом с магическим даром в закрытом королевстве.

– Я понял, – спокойно ответил лорд. Сцепив пальцы, он несколько мгновений размышлял, что бы еще спросить, но, так и не придумав, встал: – Отдыхай. Осваивайся. Спросишь у Жаника, как проехать в город, если пожелаешь. Слуги всё покажут и расскажут. Приглядывай за своим рабом, как бы он глупостей не натворил. А я вернусь через несколько дней и проверю, как ты тут устроился.

– Лорд Калахан! – вскочила я. – Не знаю, как вас благодарить за всё, что вы сделали для меня. Я...

– А я сделал это не для тебя, – равнодушно глянул он мне в глаза. – Мне нравится твой талант, бесспорно. Я не хочу, чтобы он сгинул, и поэтому предлагал тебе свое покровительство. Но *этот* дом я отдал не ради твоих красивых глаз или умения петь и рассказывать сказки. Это для Аленды, в память о ней. Я не смог уберечь ее, так пусть живет хотя бы ее ребенок.

Он отвернулся, мгновение помедлил, словно размышляя, после чего покинул меня.

Глава 20

Лишь с его уходом я отпустила себя, сгорбилась, и слезы закатали на сжатые руки. Всю душу разбередил, разворошил тщательно запрятанные в памяти воспоминания, вытянул наружу заглохшую боль.

Ненавижу Гаспара. Чтоб он сдох, тварь! Я не убийца, нет. Не умею просто. Но, кажется, если бы могла, его бы придушила собственными руками.

Мне понадобилось много времени, чтобы вернуть себе душевное равновесие и найти силы выйти к остальным. Слезы высохли, хотя глаза наверняка теперь красные.

С кухни доносились голоса, госпожа Виенна отдавала распоряжения своим дочкам, а они что-то весело чирикали в ответ, взбудораженные новостями и переменами. Где находятся Дарио и лорд Калахан, было неясно.

Послonyaвшись по холлу, я прихватила куртку и, выбравшись из дома, бездумно побрела по саду, прикасаясь кончиками пальцев к деревьям.

Здесь царило тепло. В Дагре сейчас разгар зимы, выюжат бураны, заноса всё снегом, греются у огня люди. В Калиоте, где стоял замок лорда Калахана, тоже зима, но мягкая, больше похожая на середину привычных мне осени или весны. А тут почти лето. И воздух теплый, хоть и не жаркий, и деревья не облетели, даже цветы вон растут, и трава зеленая. Неплохо устроились драконы. Где-то рядом море и горы. Для них, крылатых, наверное, вообще не расстояние...

Хорошо... Даже куртку не нужно застегивать и свитер под нее надевать. Закинув голову, я смежила веки и подставила лицо ласковому ветерку.

– О чем задумался, малыш? – заставил меня вздрогнуть голос Дарио.

Открыв глаза, я заозиралась и обнаружила его сидящим под деревом. Он прислонился спиной к стволу и смотрел на горы с мечтательным выражением лица.

– Скучаешь по крыльям? – правильно поняла я тоску, которой веяло от него.

– Скучаю, – не взглянув на меня, согласился он. – Я давно не летал. Если когда-нибудь снова смогу перекинуться, покатаю тебя.

– Ладно, – подойдя, я присела рядом и вытянула ноги. – Лорд Калахан

уезжает, но сказал, что вернется через несколько дней.

– Он знал Альенду? Твою мать?

– Да. Не рассказал только никаких подробностей.

– И не расскажет. Мы не любим и не умеем признавать свои ошибки и неудачи. А в том, что она стала матерью не его ребенка, наверняка виноват он сам. Не удержал свое сокровище.

– А ты? Ты удержал свое сокровище? – невольно улыбнулась я. Смешно сравнивать живое существо с чем-то драгоценным и неодушевленным.

– Ну ты же всё еще мой, значит, удержал, – повернул он ко мне голову и прищурился. – Ты мое сокровище, малыш. Других не было. И, скорее всего, уже не будет.

– А как же та женщина, что ранила тебя? Та, из-за которой ты теперь ненавидишь весь женский пол? – затаив дыхание, спросила я. Может, хоть сегодня поделится?

– Она не была сокровищем. Я просто думал, что люблю ее. Ошибался. А она не любила меня, предала не задумываясь.

– А если бы я был женщиной, я бы стал твоим сокровищем?

– Почему «стал бы»? Ты уже – оно. Бесценное, единственное. Не забивай себе голову всякой ерундой, Рэми. Ты мой, и ничто этого не изменит, я тебе уже говорил.

– Дар, послушай, – кашлянула я, набравшись смелости. – Я хочу тебе кое в чем признаться. Это очень важно. Понимаешь, я не рассказывал тебе всей правды о себе. Боялся. Ты пугал меня, и я... Пообещай, что сначала выслушаешь и только потом будешь злиться и ругаться? Ладно?

– Я слушаю.

– Нет, пообещай сначала, что не... уйдешь и не возненавидишь меня, – нервно сжимая и разжимая кулаки, попросила я.

Всё, сейчас расскажу. Страшно, но пора.

– Обещаю, – со смешком отозвался он. – И что же за такая страшная тайна у тебя?

– Понимаешь... Я не... – сглотнув ком в горле, я почти пропищала: – Я не мальчик.

– Что?! – Я ожидала, что на мою голову обрушатся брань и гнев, но вместо этого Дарио расхохотался. – Ох, Рэми. В твоём-то возрасте?! Ты когда успел? Ну ничего себе! И кто же была та распутница, которая затащила в постель ребенка?

– Да нет же! – Я даже на ноги вскочила. – Я не про это! Ты не понимаешь! Я не мальчик, потому что...

Мне помешал договорить вынырнувший из-за деревьев лорд Калахан.

– Вот вы где, – скользнул он по нам взглядом. – Дарио, идем. Мне надо с тобой поговорить.

– Но я... Дар, одну минуту! Это важно!

– Потом, малыш, – легко поднявшись с земли, потрепал он меня по голове и ушел.

Вот просто взял и ушел, не выслушав мое признание, на которое я так долго не могла решиться.

К ужину оба мужчины не вышли, заперлись в кабинете. А когда я встала утром, Марша, старшая из сестричек, сообщила, что лорд Калахан улетел и забрал с собой моего раба. Мне же они оба велели отдыхать, набираться сил, изучать дом.

– Я покажу вам библиотеку, господин Рэми, – тараторя, сообщила девушка. – Там очень много книг. Лорд Калахан сказал, что они вам непременно понравятся, и чтобы вы изучали их.

– А они не сообщили, куда отправились и когда вернутся?

– Шутите? – с недоумением взглянула она на меня. – Они же драконы.

– И-и-и?

– Они никогда ничего не объясняют и не докладывают. Вы совсем недавно с ними познакомились, да? Драконы, они такие... – повертела она в воздухе метелкой для пыли, которую держала в руке. – Но зато щедрые и ничего лишнего не требуют. Вот как озвучат с самого начала свои условия и требования, четкий и подробный список, так и всё. На них очень престижно работать.

– А вы все люди?

– Ну да, конечно. А вы не видите ауры? Лорд Калахан сказал, что вы одаренный. Ну, те книги, они же по магии. Остались от прежней хозяйки дома. Я-то с ней никогда не сталкивалась, родилась через много лет после ее отъезда. Но мама говорит, она была очень сильной магичкой. И невероятно красивой.

– Госпожа Виенна была знакома с леди Альяндой? – сделала я стойку.

– Ну, знакома – это слишком громко сказано. Она сама тогда еще сопливой девчонкой была, но видела леди. Наша семья уже не первое поколение работает на лорда Калахана. Мои бабушка и дедушка служили в его замке, а потом он предложил им вместе с детьми перебраться сюда и присматривать за домом. Они согласились. Ребятишкам в этом климате лучше, а у мамы еще трое братьев и сестра. Они все, конечно, уехали, когда выросли. Работают в замке лорда. А мы с мамой здесь. Это хорошо, что тут

снова будет жить кто-то, кроме нас, слуг. Такой красивый особняк и уже полвека пустует. Обидно.

– Понятно. Жаль, мне бы хотелось узнать больше о жизни прежней хозяйки.

– Вы ее родственник, да?

– Леди Альянда – моя мама.

– Батюшки! – всплеснула руками Марша и резво заторопилась. – Вот все удивятся! А вы спускайтесь к завтраку. Я вас совсем заболтала. – И она убежала.

Наверняка помчалась сплетничать. Ну да ладно. Гораздо больше меня беспокоит внезапный отъезд Дарио вместе с лордом Калаханом. Они же враги. Что могло вдруг случиться, заставившее их обоих всё бросить и спешно укатить? Дар даже меня не предупредил. Непонятно.

Может, они заключили временное перемирие? Но ради чего?

В просторной гостиной, одновременно являющейся столовой, мне уже накрыли стол. А как только я уселась, Линда тут же принесла горячую еду. Ела я неторопливо, наслаждаясь каждым кусочком вкуснейшего нежного омлета с зеленью и сыром, с удовольствием вдыхала запах свежего хлеба, намазывая его маслом и ягодным джемом...

– Потрясающе вкусно, – сообщила Линде, окончив трапезу. – А кухарка со мной не хочет познакомиться?

– Еще как хочет, – хихикнула девчонка, которая, наверное, всего на год или два старше меня настоящей. – Но Жужа очень... гм... как бы это сказать-то? Она ужасно стеснительная. Вот.

У меня взлетели брови. Стеснительная кухарка? А такое вообще бывает? Обычно эти особы весьма строги, трепетно относятся к своей территории и зачастую гоняют подчиненных похлеще, чем офицеры из гарнизона. Даже самые простые, из какой-нибудь придорожной таверны. Повелительницы кастрюль и сковородок, чародейки специй и выпечки...

– Можно с ней познакомиться?

– Конечно. Вас проводить на кухню?

– Найду, – улыбнулась я и направилась в нужную сторону. Вчера госпожа Виенна успела мне показать, где располагается кухня.

Заглянув в неплотно прикрытую дверь, я никого не увидела и потому вошла внутрь.

– Госпожа Жужа? Здравствуйте.

В дальнем углу что-то грохнуло, заставив меня подпрыгнуть на месте и резко обернуться.

– Здравсьте! – поприветствовал меня женский голос, а из-за рабочей тумбы-стола высунулась кудрявая светловолосая макушка.

– Э-э... – от такого приветствия я немного растерялась. – Госпожа Жужа?

– Здравсьте, молодой господин, – бочком из-за укрытия выбралась юная хорошенькая гномочка. Она хлопала глазами, мяла в руках белоснежный передник и явно чувствовала себя не в своей тарелке.

Надо же... Гномка – и служит в доме кухаркой. Странно это. Обычно гномы и их женщины занимаются всякими механизмами, драгоценностями, ну или банковским делом.

– А я хотел познакомиться и поблагодарить за завтрак, – наконец обрела я дар речи. – Было очень вкусно. И то, что мы ели на ужин, тоже понравилось. Но вас я вчера не видел.

– Правда понравилось? – неожиданно просияла девушка. Гномы долгожители, и хотя я затрудняюсь предположить, сколько календарных лет этой особе, но по их меркам она, скорее всего, не так давно вышла из детского возраста.

– Правда. А что на обед будет? Я уже в предвкушении.

– А что вы хотите? – тут же перешла она на деловой тон.

– Похлебка? – предложила я.

– Грибная, мясная, рыбная?

– А что, можно выбирать? В смысле... – Я рассмеялась. Отвыкла совсем за месяцы скитаний от того, что у нормальных людей, ну, то есть существ, можно заказывать повару или кухарке желаемые блюда к обеду или ужину. – Простите, госпожа Жужа. Я немного одичал за время путешествия. На ваше усмотрение, но я люблю супы и похлебки. Разные.

– А рыбу уважаете? – улыбнулась она в ответ.

– Я всё уважаю, если оно вкусное. Дорога отучает от привередливости.

Девушка сморщилась, словно хотела заплакать, но потом просветлела лицом и предложила:

– Хотите свежих ягод со взбитыми сливками?

– А есть?! Сейчас же зима.

– Какой вы смешной и милый, – совершенно перестала она смущаться. – Здесь же теплый край. Конечно же, тут есть и ягоды, и фрукты. Причем круглый год.

– Тогда хочу! Очень!

Вот так мы и познакомились с Жужей. Она попросила звать ее просто по имени, так как действительно оказалась совсем молодой по меркам

своего народа.

Марша, как и обещала, отвела меня в библиотеку и в смежный с ней маленький уютный кабинет. Сейчас он пустовал. Никаких записей или бумаг, альбомов или тетрадок. Даже чернила высохли, а писчие принадлежности пришли в негодность. Правда, в одном из ящиков письменного стола я нашла пачку чистой бумаги. А вот остальное придется купить, если мне понадобится что-то записывать.

Осмотревшись, я принялась изучать книги. Библиотека была не очень большая, но невероятно ценная. Здесь не было места дешевым бульварным романам или детским сказкам. Справочники, учебники, какие-то мудреные исследования по совершенно непонятным мне пока наукам.

Неужели мама всё это читала и знала? Удивительно.

Как же умудрилась она попасть в Дагру, выйти за папу? Бросила всё... Свободное привольное существование сильной магички, которую наверняка уважали и любили? Что же заставило тебя так... испортить свою жизнь, мама? Да и мою, что уж говорить. Родись я не в Дагре, уже давно бы училась в магической школе и не боялась бы каждый день попасть на костер за свой дар. И уж конечно, я знала бы, какие у меня способности, развивая их с раннего детства, а не блокируя амулетом настолько, что вся аура искорежена теперь.

Стоит ли говорить, я так увлеклась исследованием библиотеки, что к обеду меня чуть ли не за шиворот вели? Жужа постаралась, всё было необычайно вкусно. А на десерт я получила свежую клубнику со взбитыми сливками...

Время неожиданно полетело стремительно. Я с жадностью изучала книги. Пыталась разобраться, что мне досталось в неожиданное наследство. Довольно быстро поняла, что без предварительного обучения или наставника-мага мне не освоить ни один из этих мудреных талмудов. Я совершенно не понимала, о чем в них речь.

Зато нашла толстенный «Бестиарий» с полным перечнем всех видов нечисти и нежити. От одного только алфавитного указателя этих разнообразных монстров и существ волосы дыбом вставали. В Дагре не было ни нежити, ни нечисти. Я всё больше утверждалась в мысли, что королевство закрывали от всего мира не только границы, но и мощный непроходимый магический купол. Иначе бы эти жуткие твари просочились, ведь для них даже горы не препятствие. Но в моей родной стране они не встречались.

Я решила, раз уж есть время в ожидании возвращения Дарио и лорда Калахана, проштудировать обнаруженный «Бестиарий». Нужно ведь искоренять свое дремучее невежество. Если я намерена пойти учиться со следующего года, то необходимо многое наверстать. Не хочется выглядеть необразованной дурехой в глазах своих сверстников и возможных однокурсников. Тем более что ни одну другую книгу мне все равно не понять, слишком сложные пока.

Оторвалась от чтения только к вечеру третьего дня, когда уже круги перед глазами начали плавать. Увлеклась... Отыскала, до того как уйти спать, господина Жаника и поинтересовалась, как мне попасть в город, чтобы сделать кое-какие необходимые покупки.

Он тут же вызвался завтра меня отвезти, да и Жужа обрадовалась. Ей нужно было на рынок. Вот поутру мы втроем на бричке^[5] и отправились.

Жужа куталась в плащ и дремала в обнимку с корзиной, господин Жаник правил лошадкой, а я пристроилась рядом с кухаркой и смотрела по сторонам.

Зеленый пригород быстро закончился, начались улицы города. Из разговора с горничной я уже знала, что столица драконьего государства называется Тьяра. А само государство – Тьяринда. Рассказчица из Марши оказалась так себе, для нее всё было само собой разумеющимся, и толком поведать о своей стране она не сумела.

Ну да, считается, что тут живут только драконы. Но как – только драконы, если и люди есть? Она даже посмеялась, когда я ей сообщила, что в далеких отсюда краях все уверены, что тут, кроме этих огнедышащих рептилий, никого не водится. Фыркнула и принялась перечислять:

– Драконы – это понятно. Испокон веков они тут жили и живут. А гномы как же? Много их здесь. Весьма уважаемый народ. Вы, молодой господин, вот у Жужи спросите. Она расскажет. А еще эльфы. Правда, ушастых не слишком много, они предпочитают дальше селиться, где больше лесов. Зато община оборотней крупная. Рыси в основном тут обитают. А раньше еще сидхе жили по соседству. Ну как по соседству? Сказывают, что вперемешку на самом-то деле, но может, и врут. Про волшебный народец вообще никто ничего толком рассказать не может, ведь сколько веков уже минуло с их ухода. Драконы, те, конечно, помнят, всё же они вечноживущие, но с нами информацией не делятся. Хотя сохранился заброшенный город сидхе, который на самом-то деле – государство, но прямо на территории Тьяринды. Да... Так, кто еще? А, ну как же? Ведьмы, значит.

– А ведьмы, они не люди, что ли?

– Ну-у, как сказать? Вроде как люди, но только они не совсем люди. Ведьмы, – пожала она плечами, очень «понятно» объяснив.

– А маги? Маги – люди?

– А маги – это все, кто одаренные. Вот лорд Калахан, к примеру. Ух и сильный он маг! И ваш раб, Дарио, тоже магом был когда-то. Но я слышала, он еще молодой, так что до лорда Калахана ему далеко... Еще эльфы. Ну и среди нашей расы, конечно же, тоже маги рождаются. С драконами им в способностях не сравниться, что есть, то есть. Ежели только архимагистр какой, но я с такими не сталкивалась. Но среди наших много талантливых чародеев. Способности у всех разные, само собой. Но учатся и занимаются чем-то в своей области. Мужчины по артефактам, уничтожению нечисти, целительству или там за урожаем и погодой приглядывают. Женщины, к примеру, лавки красоты держат, всякие мази и притирки делают, косметику и лекарства опять же. Ну или иллюзии дамочкам богатым создают. До дракониц или эльфиек человечкам ведь далеко по красоте и сроку жизни, а стареть не хочется. Вот аристократки и накладывают чары на внешность, если даже всякие кремы и лосьоны магические уже не помогают против морщин.

– Как интересно...

Глава 21

После этого разговора, приняв к сведению, что средства по уходу за собой с магической начинкой – нечто в порядке вещей, составила список того, что мне требуется купить. Я ведь совсем скоро сниму личину, и во что превратилось мое настоящее тело и волосы за эти долгие месяцы, даже думать не хочу. Они более полугода не видели никаких кремов или бальзамов.

А мне хотелось быть красивой. Для Дарио. Чтобы... он увидел меня не чучелом лохматым, а такой, какой я была раньше. Понятно, что теперь у меня нет роскошных длинных кос, но хотя бы то, что осталось, нужно привести в прежний вид.

Я одновременно боялась, что он разочаруется и разозлится на меня, когда узнает правду. Но и желала, чтобы... Чтобы ему понравилось то, что он увидит. Настоящую меня. Не смешного, нелепого мальчишку-подростка, а молодую красивую девушку. Мне это важно. Безразлично, как я буду выглядеть в глазах окружающих, они мне никто. Но Дар... Меня волнует только его мнение, в его глазах я хочу быть прежней Рэминой дас Рези. Чтобы ему захотелось сделать мне комплимент, чтобы он оценил.

У нас странные отношения, я знаю. Неправильные из-за моей вынужденной скрытности. Но когда я откроюсь... Так хочется увидеть восхищение в желтых глазах... Только в его.

И в кармане моей потертой кожаной куртки, надетой прямо на рубашку, без опостылевшего теплого свитера, лежало несколько списков для торговцев. Я ведь не смогу им сказать, что это для меня, вот и придумала маленькую легенду. А потом, когда сниму личину, смогу всем этим воспользоваться.

Тьяра, столица Тьяринды, мне понравилась. Да что там, я с первого взгляда влюбилась в этот светлый, уютный и чистый город. В яркие разноцветные домики с красными черепичными крышами и стенами, увитыми вьюнком и цветущими лианами. На каждом балконе непременно красовались либо кашпо, либо длинные узкие ящики, в которых радовали глаз роскошные цветы. И в воздухе не пахло грязью или нечистотами, как это обычно бывает в людских городах. Вовсе нет. Тут вообще не оказалось злых кварталов и трущоб. Пригород плавно переходил в мощные улочки, ведущие к центру, к широким площадям с фонтанами, цветущими

кустами и зелеными деревьями, укрывающими тенью расположенные по кругу скамейки.

Много лавок и уличных лотков с фруктами, цветами, книгами, какими-то яркими поделками. Ближе к центру появились более дорогие магазины со сверкающими стеклянными витринами, в которых красовались манекены, обряженные в роскошные платья и элегантные мужские наряды. Шляпные мастерские демонстрировали болванки с изумительными головными уборами. Я таких даже не видела никогда...

Общий же эмоциональный фон этого города был такой, что мне хотелось все время улыбаться и петь. Никакой ненависти и злости, никто никому не завидовал и не посылал мысленных проклятий.

Кажется, я обрела то место, в котором хочу остаться навсегда.

Понять, кто из прохожих люди, а кто драконы, я не могла, так как не различала пока ауры. Но совершенно свободно шли по своим делам гномы, эльфы, наверное, еще и оборотни. Больно уж хищная грация чувствовалась в некоторых фигурах. Казалось, моргнешь, а он прыгнет, на лету превращаясь в зверя.

Один из таких господ, облаченный в красную яркую рубашку, весело подмигнул мне и приподнял шляпу, потешно кланяясь Жуже. Хорошенькая гномочка тут же засмушалась, порозовела, но я видела, что ей приятно это пусть и смешливое, но внимание от симпатичного мужчины.

– Жужа, а у тебя жених есть? – тут же заинтересовалась я.

– Ой, ну скажете тоже, молодой господин, – хихикнула она. – Мне еще рано.

– Приехали, господин Рэми, – притормозил тут Жаник. – Вы хотели погулять, а я отвезу Жужу на рынок. Он на другом конце города. А тут всякие лавки, магазины, да и поесть можно, во-о-он там кондитерская, – указал он рукой направление. – Где вас забрать?

– Давайте, тут и заберете, – спустилась я на землю. – Как эта площадь называется?

– Поющих русалок, – ткнул он пальцем в направлении фонтана в центре площади. – Видите этих хвостатых, которые поют? В смысле, вода журчит. А покупки вы с собой не забирайте, господин Рэми. Просто скажите, чтобы доставили всё в Музыкальный дом в западном пригороде.

– А почему «Музыкальный»?

– С прошлой хозяйки название осталось, да так и прижилось. Дивно она пела и играла, говорят. Вы-то тоже от матушки талант унаследовали, да? Гитарка-то у вас с собой.

– Да, я тоже пою и играю, и не только на гитаре.

– А нам сыграете, молодой господин? – оживилась Жужа. – Мы страсть как музыку любим, да не дали боги талантов. В гостинной и рояль стоит. Мы его не трогаем, только пыль девочки протирают. Но он должен быть исправным.

Оставшись в одиночестве, я сначала обошла площадь по кругу, запоминая названия улиц, лучами отходящих от нее. Заодно сориентировалась и решила, с чего начну.

Первой по плану оказалась лавка, торгующая всякими снадобьями, примочками, мылом, лосьонами и бальзамами, коими пользуются дамы.

Войдя, даже растерялась от изобилия разноцветных баночек, флакончиков, горшочков и от того, как здесь пахло. Ко мне тут же подскочила продавщица и, улыбаясь, поприветствовала:

– Доброе утро, господин. Чем вам помочь? Желаете купить что-то для себя?

– Нет, – с трудом отвела я глаза от стеклянной витрины. – Мне нужно купить много всего для молодой леди. Тут целый список... Сейчас, – покопавшись в кармане, вынула нужную бумажку и отдала ее. – Она очень долго путешествовала и не имела возможности следить за собой в дороге так, как надлежит благородной особе. Так что ей требуется всё. Полный набор. И для тела, и для волос, и для лица, и для ногтей... Но она иностранка, незнакома с тем, что у вас предлагают, поэтому к каждому из средств нужна четкая инструкция. Вы разберетесь, да? А то я не понимаю, для чего все эти штуки, – состроила я смущенное лицо и улыбнулась так, как всегда, когда мне требовалось расположить к себе людей.

Впрочем, я не солгала. Я действительно совершенно ничего не понимаю в средствах по уходу, в которых присутствует частичка магии. В Дагре это было просто невозможно, а все остальное время я была в личине парнишки.

Пробежавшись по списку взглядом, продавщица уточнила:

– Нужны с магией или простые? Заговоренные дороже.

– Она сказала, самые лучшие и быстродействующие, – пожала я плечами. – А еще велела, пока буду ждать заказ, подобрать ей духи. Что-то легкое, свежее, может, с ягодными нотками. То, что подойдет для семнадцатилетней девушки. Вы мне порекомендуете?

Довольная тем, что предстоит большой заказ, продавщица подвела меня к прилавку, на котором выстроились крохотные флакончики с духами. Все бутылёчки были разных цветов и оттенков, причудливых форм, и казалось, возьмешь их в руки, и тончайшее стекло лопнет прямо в пальцах.

Указав мне на нужную полку, она поспешила с моей бумажкой к другим витринам и при-лавкам.

Отвлекла только пару раз с уточняющими вопросами:

– Ваша родственница блондинка или брюнетка?

– Блондинка, – немного удивилась я тому, что меня породнили с этой предполагаемой юной леди, но исправлять не стала.

– А средство для быстрого роста волос... Насколько длинные она хочет? Она укоротила их ради дороги, я правильно поняла? Какие они сейчас?

– Ну... примерно вот так, – приняв озадаченный вид, я провела себя по руке выше локтя. – А раньше были ниже колен.

– Ох! – всплеснула руками девушка. – Какой роскошью пришлось пожертвовать... Бедненькая! Я положу ей самое лучшее и быстродействующее эльфийское средство. Ваша родственница будет довольна, обещаю. За месяц вернет косы.

Вскоре целая куча различных склянок, банок и флаконов выстроилась в широкой плоской корзине. Каждую из них девушка надписала и привязала к их горлышкам бечевкой листочки с точными инструкциями. Туда же бережно опустила предварительно спрятанный в коробочку флакончик с выбранными мною для «родственницы» духами. Там же лежали уже щетки, мочалки, кисточки, пилки и прочее.

Обошлось мне всё это в весьма круглую сумму, но иного я и не ожидала. Так что беспрекословно расплатилась, благо деньги у меня теперь имелись после неслыханной щедрости лорда Калахана. Тогда, в своем замке, он заплатил мне очень много. Сообщила продавщице, куда всё доставить, удивив адресом...

Примерно так же обстояли дела и в других магазинах и лавках. Свои прежние размеры я знала наизусть, не думаю, что сильно изменилась за эти месяцы. Так что приобрела комплект нижнего белья из тончайшей нежной ткани и кружева, ночную сорочку, пеньюар и чулки. Было немного неловко выбирать, ведь я вроде как для леди всё это покупаю. Но я справилась.

В галантерейной лавке – гребень для волос, заколки и шпильки. Эту мелочь я забрала с собой сразу, она много места не занимает. В магазине готовой дамской одежды – повседневное платье по местной моде. Условия обозначила сразу, передав листок с мерками: наряд требуется для благородной юной леди, голубоглазой и светловолосой. Что-то из хорошего материала, скромное, элегантное, достойное ее статуса и возраста. Осталось только выбрать из предложенных пяти платьев то, которое понравилось. После этого была обувная лавка, и мой список приобретений

пополнился кожаными туфлями на небольшом каблучке к платью, а для дома – легкими тканевыми и без задника. И наконец – изысканная шляпка с вуалью, чтобы прятать лицо от яркого солнышка, и кружевные тонкие перчатки.

Всё. Теперь я смогу привести себя в порядок и не просто переодеться в женскую одежду, но и сделать прическу и выехать в город для нормального похода по магазинам. Ведь девушка не может обходиться таким минимумом вещей долгое время.

Закончив с покупками, с удивлением поняла, что устала. Вроде и ходила-то всего ничего, а вот, поди ж ты. Отвыкла...

И посему направилась к той кондитерской, которую мне порекомендовал господин Жаник. Заказала дивный десерт, состоящий из нарезанных фруктов (я таких раньше никогда не пробовала), хрустящих воздушных вафель и мороженого. *Таким* мороженым мне ранее тоже не доводилось лакомиться. В Дагре ничего подобного не делали, а потом у меня денег не было. Сверху все это изобилие еще было посыпано дроблеными орешками и шоколадной крошкой.

В жизни ничего вкуснее не ела! Когда отправила в рот первую ложку, едва не застонала от удовольствия. Кажется, прислуживавшая в заведении служанка это поняла. Хихикнула, взглянув на меня, и велела позвать ее, если захочу добавки. И от нее шла волна такой доброй иронии над ребенком, дорвавшимся до лакомства, что тоже хотелось рассмеяться.

Неужели жизнь наконец-то налаживается? Мне только нужно поговорить еще с Дарио, переждать вспышку его гнева за мой обман, а потом всё будет хорошо. Ну не может же мне постоянно не везти?

Именно в кондитерской меня и нашел господин Жаник. Каюсь, увлеклась и не успела к месту встречи. Жужа ждала нас в бричке, и я, торопливо оплатив съеденный десерт, поспешила за своим сопровождающим. Пора возвращаться домой.

Может, Дарио уже вернулся? Я соскучилась. Привыкла за последний месяц, даже больше, что мы круглые сутки с ним вдвоем, и сейчас мне не хватало его присутствия.

Он не вернулся ни в этот день, ни в следующий, ни еще через день. Куда лорд Калахан его увез, у меня не имелось ни малейших догадок. Я вообще не понимала ни этого жутковатого дракона, ни того, почему Дар не предупредил меня. Ведь мог бы записку оставить. Я же волнуюсь...

Их не было десять дней. Чтобы отвлечься, я полностью погрузилась в книгу. Благодаря отменной памяти и способности запоминать после

первого же прочтения, проблем у меня не возникло. За это время я полностью проштудировала толстый и внушительный «Бестиарий» и теперь знала все типы и разновидности нежити и нечисти, существующих в нашем мире.

Однажды утром ко мне в библиотеку заглянула Марша и сообщила:

– Лорд Калахан вернулся.

– Бегу!

Отложив «Бестиарий», в котором уже просто рассматривала иллюстрации монстров, я бросилась в холл, почти кубарем скатилась с лестницы навстречу вошедшим мужчинам.

– Дарио! – счастливо улыбаясь, я подскочила к нему и обняла. – Почему ты не предупредил меня, что уезжаешь?

Дар ничего не ответил, да и вообще как-то странно отреагировал на мое приветствие и радость от встречи.

– Рэми, мы кое-что привезли. И нам нужно поговорить, – сдержанно и отстраненно произнес он, не делая даже попытки приобнять меня за плечи или погладить по голове, как делал это обычно.

– Простите! – опомнилась я. – Лорд Калахан, приветствую вас.

– Идем! – окинув меня оценивающим взглядом, приказал тот и первым направился в сторону библиотеки, неся в руках кожаный мешок.

Вопросительно взглянула на Дара, но он старательно отводил глаза, и ответа я не получила.

Пришлось идти куда велено.

Лорд Калахан уже прошел в пустующий кабинет мамы, опустил свой мешок на письменный стол и вольготно расположился в кресле. Войдя следом за мной, Дарио занял второе из кресел, а я не знала, что делать мне. То ли пойти и сесть за стол, то ли постоять пока, чтобы понять, что происходит.

– Что там? – не выдержав, указала на мешок.

Мужчины переглянулись, но вместо ответа я услышала совсем иное.

– Мы навестили Дагру. Я хотел убедиться, что Альянда мертва.

– Но... – опешила я. – Дагра ведь далеко! У меня почти полгода заняла дорога оттуда до... Ах, ну да, – правильно поняла я иронично вздернутую бровь лорда Калахана.

Он ведь дракон. Для крылатого существа любое расстояние не преграда.

– Альянда, графиня дас Рези, действительно мертва, – спокойно подтвердил он то, что я и так знала. А еще я поняла, что сейчас меня

разоблачат... – Я взглянул на ее останки. Кроме того, имел занимательную беседу с ее пасынком, Гаспаром. Ты не сказал, что он сумасшедший.

– Он не был сумасшедшим, – смирившись с неизбежным, ответила я. Присесть мне было некуда, так как в данных обстоятельствах идти и занимать место за письменным столом у меня не хватало смелости. Так и стояла посреди кабинета.

– Неужели? Когда я отыскал его в графском замке, он был совершенно безумен. Нес какую-то околесицу про тени, охотящиеся на него. Про шорохи и то, что замок его ненавидит и пытается выжить. Что вода тухнет, еда гниет, а по ночам кто-то невидимый шепчет, чтобы он уходил.

– Что?! – изумилась я. – В Дагре нет магии. Замок не мог... или... мог, – внезапно меня озарило. Похлопав глазами, я призналась: – Перед побегом мне пришлось в голову мазнуть стены своей кровью и... сказать слова... Но у меня даже подозрений не возникло, что это может стать заклинанием и оживит замок.

– Дагра под колпаком, но внутри магия все еще действует, – равнодушно пояснил лорд Калахан.

– Что с Гаспаром? – мрачно спросила я, проигнорировав это ненужное уже пояснение.

– Я вырвал ему сердце, – абсолютно невозмутимо ответил он. – А перед этим пообщался.

– Хорошо... – медленно кивнула я.

Гаспар мертв? Это лучшая новость, что я слышала за последние месяцы. Только вот радоваться отчего-то не получается. Наоборот, на меня снизошло спокойствие. Сейчас всё расставится по своим местам. Лорд Калахан уже понял, кто я. Да и Дарио тоже, если судить по его лицу и взгляду.

– Я привез его голову, – с ленивой грацией поднялся дракон, подошел к столу и за волосы вынул из своего кожаного мешка... эту самую голову.

Наверное, нормальной реакцией нормальной девушки должен был бы стать обморок, или тошнота, или хотя бы визг. Но я видела столько смертей и ужаса за это время, что даже не вздрогнула. Просто стояла и смотрела на голову того, кого люто ненавидела. А потом услышала какой-то жуткий смех, от которого хотелось поежиться. И с удивлением поняла, что смеюсь я.

– Замечательно. Это просто замечательно, лорд Калахан. Моя душа успокоилась. Тот, кто стал причиной смерти моих родителей, тоже мертв. Надеюсь, он страдал перед тем, как умер.

– Безусловно, – согласился мужчина. Он опустил отрезанную голову

Гаспара на мешок, чтобы не пачкать стол, и вернулся в кресло.

А Дар всё молчал, глядя на меня, словно чего-то ожидая. Без ненависти или злости, но... как-то странно, не так, как всегда.

– Что с замком? – не отрывая взгляда от останков своего врага, своего единокровного брата, спросила я. – Он уцелел?

– Пожалуй, да. Меня не интересуют чужие развалины. Мне был нужен лишь тот, кто посмел поднять руку на Альенду. Драконы никогда не оставляют неотомщенными чужие грехи.

– Вы расскажете? – апатично перевела я на него взгляд.

– Даже покажу, если не боишься.

Я покачала головой. Боюсь? Наверное, я уже ничего не боюсь. Устала.

Тогда это жуткое существо с длинной светлой косой неспешно приблизилось ко мне. Лорд Калахан взял меня за подбородок, приподнял лицо, наклонился и уставился глаза в глаза.

И меня захлестнуло волной чужих воспоминаний. Я даже не успела удивиться тому, что это в принципе возможно. Почему нет? Маги умеют многое...

Картинки, мелькавшие в моем сознании, увиденные чужими глазами, поражали. Полет в небе, мелькающие поля и реки, горы и пленка прозрачного мыльного пузыря, прикрывающего... Дагру.

Стремительное пикирование вниз со сложенными крыльями, и тот, чьим взором я сейчас смотрела, прорвался сквозь эту тоненькую преграду, казалось, даже не заметив ее. Круг над землей, и родовой замок дас Рези с высоты птичьего полета.

Парение, струя огня, поливающая бегающую по двору стражу из гарнизона. И вот уже полыхающие человечки носятся с криками или падают на камни... Остальные бросаются врассыпную и прячутся, пространство свободно.

Приземление и, судя по тому, что картинка перестала демонстрироваться с высоты, трансформация в человека. А рядом – Дарио с мечом в руках. Выходит, он летел на спине огнедышащего ящера.

А дальше – кровавый хаос. Два человека, нет, два дракона в человеческом обличье шли по коридорам моего дома, оставляя за собой то, что когда-то было живыми людьми. На периферии зрения – беловолосый мужчина со шрамом на щеке и с окровавленным мечом в руках. Именно так, наверное, должен выглядеть воин загробного мира, слуга Неумолимой, пришедший вершить казнь.

Глава 22

Служанок и горничных не встречалось, так же как детей из прислуги. Мужчины, те, кого я когда-то знала и которые после гибели моей мамы остались служить ее убийце. Солдаты из гарнизона, до сих пор не разъехавшиеся прихлебатели и дружки Гаспара, зачем-то пытавшиеся дать отпор ворвавшимся в замок существам... Потом их окровавленные трупы...

Пойманный за шкирку мальчуган, некстати вынырнувший из ниши, в которой прятался. Его субтильное тельце, встряхнутое, словно тряпичная игрушка, и вот служка, заливаясь слезами от ужаса, кивает и показывает куда-то рукой. А потом он ведет к кабинету отца. Добравшись, ребенка отталкивают. Он неинтересен...

Папин полутемный кабинет с задернутыми шторами. На письменном столе беспорядок, чего граф дас Рези никогда не допускал, все бумаги перерыты и небрежно раскиданы. Книги и папки из шкафов и стеллажей сброшены на пол. Маленький сейф, прячущийся за картиной, приоткрыт... Кто-то тут что-то долго и тщательно искал, злясь и раскидывая всё ненужное.

А в углу на полу сидит, съежившись и бессмысленно что-то бормоча, Гаспар. Глаза безумные, изо рта стекает ниточка слюны.

– Я знал, я знал... – принял его взгляд более-менее осмысленное выражение, когда он увидел вошедших. – Она была проклятой колдуньей. Я знал. Мерзкая тварь! Правильно я ее прирезал! Я знал! Надо было сжечь ее! Давно еще! Отец не дал...

– Кого ты прирезал? – спокойно спросил голос лорда Калахана.

– Альянду! Эта сука заняла все внимание отца! Я знал! Она за столько лет не постарела ни на день. Ведьма! Она слишком красива для человека! Гнусная подлая дрянь! Я ведь моложе и лучше! А она... Да-а-а! Надо было прирезать ее еще до того, как она родила... Я слабак! Надо было...

Он опять забормотал что-то невнятное, а его лицо стало безумным.

Картинка сменилась, и передо мной пыточная в подвале замка, а к стене прикован Гаспар. Горелая плоть... Кровь, стекающая по телу... Снова слюны изо рта и проклятия, извергаемые потоком.

«Во всем виновата эта дрянь, Альянда! Она, это всё она. Не видела никого, кроме своих мужа и ребенка. А он, Гаспар, моложе, лучше и

сильнее. Она ответила за это. Он добр, убил ее быстро, всего лишь перерезал горло. Он добр, да. Надо было помучить, а он проявил слабость... А она всё подстроила! Он ничего не получил!»

Иногда его речь напоминала бред сумасшедшего, и он говорил о себе в третьем лице, а порой это были слова сжигаемого страстью и ненавистью мужчины. Картинки мелькали... Не весь разговор, к счастью, не каждая минута пыток и допроса. Потом мужская рука, с силой ударившая в грудь распятого на стене Гаспара, и в ладони перед глазами кусок мяса... Нет, не мяса. Это вырванное прямо из груди еще живого человека сердце.

Небрежный замах мечом, и по полу катится отрубленная голова.

Кожаный мешок в руке, его видно, если взглянуть вниз. И покои моих родителей... Потом хранилище. Деньги наша семья хранила на счету в Гномьем банке, так что в подвалах замка находились лишь фамильные драгоценности. Обнаружились не все, только два сундучка вместо четырех. Наверное, остальное Гаспар успел продать. Сейф с особо ценными документами... Удивительно, что драконы смогли его так легко обнаружить за фальшпанелью. О нем знали не все, и уж конечно, его нельзя было просто взять и открыть. Похоже, Гаспару папа не сообщил о втором тайнике, а лорд Калахан увидел его магическим зрением.

Не перечитав и не заглянув в бумаги, забирают все. Дарио сует их за пазуху и прячет окровавленный меч в ножны.

И еще одно кровавое шествие к выходу, впереди идет воплощение Неумолимой, и на пути умирают в муках от меча и магии ничтожные человечки, которые наивно пытаются остановить двух драконов, вершащих месть.

За спиной – Дарио, который легко, словно они ничего не весят, несет сундучки с драгоценностями рода дас Рези.

Усеянный обгорелыми трупами замковый двор... И картинка меняется, лорд Калахан снова огромный огнедышащий ящер. К его мощным лапам опускаются сундуки, смотрящиеся для дракона всего лишь шкатулками, и когтистые чешуйчатые пальцы сжимают груз. А на украшенную гребнем спину вскарабкивается Дарио...

И вновь полет. Отдаляется опустевший замок дас Рези, у которого не осталось наследников. Никто из прямых потомков этого гордого графского рода уже не будет там жить и править землями.

Приближающийся мыльный пузырь магического купола, который не является преградой для драконов. И облака...

Когда лорд Калахан отпустил мое лицо и отошел, я пошатнулась от внезапности возвращения в реальность. Я снова была в маленьком чистом и уютном кабинете, принадлежавшем когда-то моей маме. Альенде, сокровищу лорда Калахана. Сколько же ей было лет? Я не знаю. Привыкла воспринимать как само собой разумеющееся то, что она всегда выглядела очень молодо. Мне было уже шестнадцать, а в городе нас принимали за сестер. Кто мог предположить, что она из вечноживущего народа. И в этом доме жила более пятидесяти лет назад. А до того?

Так какого же ты была возраста на самом деле, мама? Я ничего не знаю о тебе, как оказалось. Ты утаила от своего единственного ребенка всё. Обрела на существование в королевстве без магии. Вынудила всю жизнь носить амулет, блокирующий дар. Не спасла. Не уничтожила угрозу в лице Гаспара. А ведь могла, теперь я это понимаю. Даже не научила владеть своими способностями к музыке и поэзии в том виде (или свойстве), как это должны делать сидхе, – используя их как свое волшебство.

Я ничего не ведаю не только о тебе, но и о себе. Барахтаюсь, как кутенок, выброшенный в воду. Выплывет – хорошо. Не выплывет – ну что ж, случается.

Долгие месяцы на трактах, в нищете, в голоде. Ночевки в трущобах в окружении отбросов общества. А ведь я могла жить в достатке вне Дагры, учиться, как все маги...

Так зачем всё это было, мама? За что ты так с нами обеими?

Отчего не рассказала, не научила, не объяснила? Почему я как слепая ищу свой путь на ощупь? Любила ли ты меня вообще, или для тебя существовал только мой папа? Его ты обожала, я знаю. Видела ту безграничную любовь к мужу в твоих глазах...

Впрочем, нет, тут я не права, и во мне говорят обида и непонимание. Ты любила меня, свою единственную дочь. Но почему всё... *так*? Отчего не дала мне лучшей жизни, той, которую я могла иметь, а ты могла мне предоставить, всего-то отправив прочь из закрытого королевства? Ведь драконам магический купол, окружающий Дагру, не стал препятствием. А тебе? Сидхе, про которых говорят, что для них нет вообще ничего невозможного?

Сбежав от всего мира, ты заперла себя в тесных рамках государства, в котором маги – это несчастные, обреченные на смерть. Но ты заперла там не только себя, но и меня...

– Не вижу шока и потрясения, – сухо констатировал лорд Калахан, успевший вернуться в кресло. – Тебя совсем не тронуло то, что я показал?

– Отрадно, что Гаспар страдал перед смертью, – равнодушно ответила я. – Мне не по силам было убить его, и хорошо, что это сделали вы. Благодарю.

– И это всё? Не будет восторгов, требований передать тебе бумаги, вынутые из сейфа, и драгоценности, вытащенные из сокровищницы?

Я только пожала плечами, ожидая, когда же он разоблачит меня. Какая разница? Зачем мне те бумаги? Они действительны в Дагре, не здесь.

– Ну что ж, тогда я перейду к другому. Граф и графиня дас Рези действительно жили там, где ты сказал. И их обоих собственноручно убил этот Гаспар, – небрежно кивнул он на голову моего единокровного брата. – Отца отравил, мачехе, Альянде, перерезал горло. Только видишь ли, в чем дело... Гаспар ведь не всё время нес бред сумасшедшего, он многое рассказал перед смертью. У четы дас Рези не было сына по имени Рэми. У них родилась дочь – Рэмина, которой сейчас было бы семнадцать лет. Так кто же ты, музыкант? Кем ты был в замке? Пажом? Служкой? Откуда ты так хорошо знаешь расположение их покоев? Имена и внешности? И для чего присвоил себе имя и статус Рэмины дас Рези? С поправкой на пол и возраст, разумеется.

– А вы еще не поняли? – удивилась я. Действительно удивилась. Думала, уж сейчас-то они всё поняли и именно поэтому Дарио молчит и так странно на меня смотрит.

– Не поняли чего? – закинул ногу на ногу лорд Калахан.

– Дар, это именно то, о чем нам следовало поговорить тогда в саду, помнишь? – взглянула я на него. – Мы не успели, а ты улетел.

Так странно, я не испытывала ни малейших эмоций. Словно заморозило душу. И от Дарио тоже не исходило никаких эманаций. Смог заблокироваться?

– Я имею прямое отношение к графскому роду дас Рези, – перевела я взор на лорда Калахана. – Только, как оказалось, мне ничего не было известно о том, кем являлась Альянда, моя мать. Не знаю, почему она скрыла от меня всё. Зачем? Это так... глупо и неправильно. Вы верно сказали, у них был не сын, а дочь. И меня действительно зовут Рэми, это сокращенное домашнее имя от Рэмина. И я не мальчик, Дарио, потому что я – девушка. Это то, что я не успела тебе сказать. Мама дала мне амулет личины, и все эти месяцы я его носила.

– Не может быть, – отмахнулся лорд Калахан. – Таких амулетов, которые меняли бы даже ауру, не существует. И поэтому я снова спрошу. Кто ты, музыкант? И желательно сказать правду.

– А я и сказала правду. Меня зовут Рэмина, наследная графиня дас

Рези. И мне семнадцать лет.

Я сжала амулет личины, невидимый никому, кроме меня и, что удивительно, целителя. Прокусила губу, мазнула по ранке пальцем, активировала своей кровью чары на кулоне с бирюзой и сорвала его с шеи.

Пару мгновений ничего не происходило, а потом... О-о-о, словно кипятком ошпарило, заставив коротко вскрикнуть, а потом... возникло ощущение, что с меня живьем сдирают кожу. Это было настолько невыносимо, что я даже звука издать не могла, лишь глухо застонала и рухнула на колени.

Когда этот ужас так же внезапно схлынул, а дыхание вернулось, просипела:

– Мама не сказала, что это будет настолько... больно.

С трудом выпрямила спину, осознав, что по лицу скользнули мои распущенные светлые волосы. Грязные, спутанные... Личину, похоже, я все это время носила, словно маскарадный костюм и маску. Под ней пряталось мое настоящее тело и волосы, которые не видели мыла и воды восемь месяцев. Или даже больше... Я уже сбилась со счета.

На руки закапало что-то горячее, и я с некоторым удивлением увидела кровь, срывающуюся с моего лица. Отстраненно провела пальцами под носом, по губам, так же флегматично взглянула на перемазанную алым ладонь. Носовое кровотечение открылось... Так странно... Лучше бы я в обморок упала.

А тело было будто не мое. Я отвыкла от него? Возможно. Или поменялись ощущения из-за того, что на мне больше нет амулета, блокирующего магию, а целитель выправил мою ауру?

Мир воспринимался иначе. И саму себя я чувствовала иначе.

– И я уже не та, и люди вокруг – не те, и жизнь – не та, – безэмоционально проговорила, глядя на ладонь, в которую продолжали падать красные капли.

Надо остановить кровь, да?

– Взгляни на меня, – будто откуда-то издалека прозвучал голос лорда Калахана.

Я с трудом встала на ноги, откинула волосы с лица и повернулась к дракону.

– Ну что ж, леди Рэмина, наследная графиня дас Рези, потомок сидхе и дочь Альенды, приветствую тебя. Ты очень похожа на мать. Очень... Малышка Альенда всегда была талантливым артефактором. Ее поделка даже мне не по зубам оказалась, не распознал под личиной мальчишки девушку-сидхе. Старею, может?

– Сидхе? – заговорил Дар, глядя на меня словно на чужого человека. – Леди Рэмина, значит?

Я хотела что-то сказать... Даже не знаю что. Извиниться? Объяснить? Но перед глазами поплыли разноцветные круги, в ушах зазвенело, и я начала заваливаться навзничь. Затылок коснулся чего-то твердого... Пола?

Пришла я в сознание, лежа на чем-то мягком. Понадобилось время, чтобы ощутить себя как нечто целое, а не развалину, а потом я открыла глаза и скосила их на кресло, стоящее рядом у окна. Думала, увижу там Дарио. Ведь я всегда была рядом с ним, когда он болел. Не отходила, караулила, пока ему было плохо.

И когда обнаружила кресло пустым, то... всё поняла. Как раньше уже ничего не будет. Похоже, он не шутил и не преувеличивал свое отношение к женскому полу в целом, а теперь и ко мне, как к одной из его представительниц.

Ну что ж... Мы поговорим, конечно. Я объясню причины своей скрытности, но теперь уже понимаю, что это ничего не изменит. За последние дни я начала понимать драконов, благодаря отдельным репликам Марши или Линды.

Вздохнув, я протянула руку и подергала за сонётку^[6], вызывая горничную. Помощь мне не помешает, заодно следует заново представиться прислуге. Они славные люди, не хочу, чтобы думали обо мне плохо.

Дверь приоткрылась буквально через несколько секунд. Похоже, все уже знали, что «молодой господин» вовсе даже и не господин, а самая что ни на есть молодая леди.

– Вызывали? – просунула голову в щель Марша. Глаза ее горели от предвкушения сплетен и жажды подробностей.

– Входи, Марша, – приняла я сидячее положение и с отвращением взглянула на сальную прядь волос, скользнувшую по щеке. Повертела ее в пальцах, оценивая свое плачевное состояние, и проговорила: – Позволь еще раз представиться, Марша. Графиня Рэмина дас Рези.

– А я уже знаю, – радостно улыбнулась она и скользнула в комнату. – Лорд Калахан оповестил нас, что вы девушка, а не мальчик. В смысле... Ну, что вы леди Рэмина.

– В самом деле? – безэмоционально проговорила я. – И как?

– Как мы отнеслись? – правильно поняла она. – Да никак. Мы же люди с понятиями, ясно ведь, что для вас, одаренных, все эти штуки с личинами и чарами в порядке вещей. Раз скрывались так долго, значит, была причина.

– Хорошо, – медленно кивнула я. – Марша, мне нужно ваше содействие. Я много месяцев носила личину, сама видишь, во что превратилась. Всё необходимое уже приобрела, в гардеробной корзина и свёртки с одеждой и обувью, покупки, что из магазинов привезли. Ты или Линда сможете помочь мне привести себя в порядок?

– Конечно, леди. Я сейчас позову Линду, и мы вместе всё быстренько сделаем. Одну минуту, только включу воду, чтобы наполнить ванну.

Вернулась она не одна, а с сестрой. Девушки еще и горячий травяной отвар принесли. Сказали, Жужа передала, мол, поможет тонус поднять.

Я не спорила. Разделась, скинув опостылевшую мужскую одежду, закапанную кровью, опустилась в ванну, наполненную горячей водой с пеной и маслами, и мелкими глоточками выпила травяной сбор. И правда, полегчало.

Про обоих драконов сознательно ничего не спрашивала, оттягивая неприятное. Сейчас моя задача – вернуть себе достойный сиятельной леди облик. А вот потом я спущусь на первый этаж, найду их, и мы поговорим. Как с лордом Калаханом о том, что теперь будет с этим домом, ведь он отдавал его мальчишке Рэми, а не лгунье Рэмине. Так и с Дарио о том, как нам дальше жить.

А еще нужно узнать о судьбе драгоценностей графов дас Рези, вывезенных из моего дома, и о бумагах из сейфа. Что там прятал папа? Я не знала кода от сейфа и никогда в него не заглядывала. Мне только было известно о его существовании.

Надеюсь также, что лорд Калахан убрал голову Гаспара из кабинета. Не хочу снова это видеть.

Я была невозмутима. На меня словно снизошло вселенское спокойствие и равнодушие. Ни слез, ни огорчения, ни волнения. В сердце и в душе будто коркой льда всё покрылось. Мне казалось, я оттаяла, когда мы с Дарио стали путешествовать вдвоем. Но маленький толчок, сброшенные личина и характер ребенка мужского пола, отчужденность Дара – и опять мою сущность сковала зима.

Я выполняла все просьбы Линды и Марши, которые занимались моим телом и волосами. Послушно поворачивалась и подставляла руки и ноги для притирок, лосьонов, кремов. Терпела, пока они отмывали мои грязные волосы, а потом расчесывали их и распутывали колтуны, выполаскивали и мазали бальзамами... Закрывала глаза, когда девушки накладывали на мое лицо ароматные магические смеси. Даже не поморщилась, пока выщипывали брови, возвращая им форму. Тихо сидела, пока они

шлифовали ногти на руках и ногах.

Всё так привычно и так... непривычно. Это было чем-то обыденным в моей прошлой жизни. Но та жизнь осталась позади. А в этом новом существовании нужно снова приучиться к тому, что за тобой ухаживают и помогают.

Я действительно одичала.

Кто я теперь? Уже не та юная, наивная, уверенная в том, что всё всегда будет хорошо, Рэмина, что жила в Дагре. Всё оборвалось слишком внезапно и трагично, на высокой ноте.

Но я и не бродячий нищий менестрель, хотя и влачила это жалкое существование на самом дне общества много месяцев.

Жаль, но я еще и не маг, не всемогущая сидхе.

Так кто я теперь?

Всё нужно строить заново, с нуля. С чего начать? К чему стремиться? Какова моя конечная цель?

Кажется, меня накрыло отчаяние. Или я просто изменилась?

Спустя несколько часов я смотрела в зеркало и одновременно узнавала и не узнавала себя в этой особе. Черты лица стали жестче, пропала детская мягкая припухлость, скулы заострились, а из глаз ушла наивность. Это были глаза взрослой женщины, не девочки, которой я убегала из родного дома. Прическа тоже другая, непривычная. Раньше я носила две косы, так как с длиной волос ниже колен сделать что-то замысловатое на голове было сложно. Их было слишком много, невероятно густые, очень длинные. А сейчас локоны хоть и отросли за месяцы скитаний, но для кос были коротки, поэтому Марша собрала их и подняла наверх, красиво уложив и заколов шпильками. Элегантно, пожалуй, мне идет.

Изменилась и фигура. Подростковая угловатость и неловкость ушли, оставив тело полностью сформировавшейся молодой девушки. Грудь подросла, что удивительно, а мышцы подтянулись. Не изменились лишь осанка и то, как я держала голову. Раньше ее оттягивали тяжелые косы, не позволяя опускать подбородок, сейчас же это осталось привычкой.

Расправив подол красивого голубого платья, я сунула ноги в туфли и встала.

– Спасибо, девушки. Вы пока свободны, а мне нужно поговорить с драконами. Где я могу их найти?

– Лорд Калахан был в гостиной, – неуверенно ответила Линда. – Но где он сейчас, я не знаю.

Кивнув, я вышла из покоев и направилась на первый этаж.

Глава 23

Означенный лорд нашелся именно там, в гостиной. Он сидел у камина и читал толстую книгу из библиотеки. Я видела там этот пухлый томик с какими-то непонятными формулами и значками.

– Лорд Калахан, – приблизилась я к нему.

– Леди Рэмина, – перевел он на меня взгляд и оценивающе осмотрел с ног до головы. – Такая же головокружительная красавица, как и мать. Я не удивлен, впрочем.

Никак не отреагировав на его слова, я заняла второе кресло и откинулась на спинку.

– Разве леди не полагается приветствовать лорда реверансом? – поднял он бровь.

– Разве лорду не полагается вставать, когда в помещение входит леди? – с такой же отстраненной интонацией ответила я вопросом на вопрос.

Да уж, я растеряла манеры сиятельной особы, он прав. Вжилась в роль парнишки из благородных и хорошо еще, не отвесила поклон... Нужно будет последить за собой, а то можно попасть в неприятную ситуацию.

– Спрашивайте, леди Рэмина, – никак не отреагировал он на мою дерзость.

– Что теперь будет с этим домом? Когда мне нужно съехать? И, наверное, мне следует вернуть вам подаренные кинжал и магический арбалет?

– Съехать? Вздор. Мне безразлична ваша половая принадлежность. Я уже сказал, что передал эту собственность наследнику, точнее, наследнице Альенды. Дом ваш по праву, просто в бумагах теперь написано ваше полное имя, женское. Пока вы отдыхали, я уже слетал в город и всё оформил. Документы в кабинете. Драконы всегда держат свое слово и не меняют решений, леди Рэмина. И уж конечно, не забирают назад подарков. Оружие теперь принадлежит вам.

– Спасибо. Вы злитесь, что я умолчала о..? – помялась я.

– Я уже давно ни на что не злюсь, леди. Мне всё безразлично. Слишком долго живу, моя душа мертва, а тех, кто мог бы ее оживить, в этом мире не осталось.

– Мертва? Но как же тогда то, что вы отправились в Дагру, чтобы покарать Гаспара?

– Всего лишь месть, простой долг чести. Альенда была моим сокровищем. Я ее не уберег, моя вина. И я сполна за это наказан. А ваш единокровный брат посмел поднять на нее руку, за это я уничтожил его.

– И что теперь будет со мной?

– Понятия не имею, леди Рэмина. Меня не трогает ваша судьба, и принимать в ней участие я не намерен. Я передал вам наследство матери, обеспечил безопасным жильем. Вы теперь не нищий менестрель, которого следовало спасать. Остальное меня не касается. Вскоре я отбуду в свой замок в Калиоте.

– Могу я спросить? Почему вы живете там? В людском королевстве? Здесь ведь намного лучше, и тут ваши соплеменники.

Дракон помедлил, прежде чем заговорить, но все же ответил:

– В Калиоте у меня замок, много места и простора. А в Тьяринде – особняк в пригороде и дом в центре города. Тесно.

– Простите за неуместное любопытство.

– Еще есть вопросы? – взглянул он на меня.

– Да. С ваших слов я узнала, что мама была сидхе. Соответственно, я полукровка. О том народе практически ничего не известно, и я не знаю, чего мне ожидать в будущем. Сколько лет я теперь проживу? Вероятно, дольше, чем простой человек? И где меня смогут обучить владению даром? В Тьяре есть академия или школа для одаренных, в которой и меня могли бы учить?

– У сидхе и драконов в браках с людьми не бывает полукровок. Слишком сильная кровь и расовая магия. А ваш отец даже не был магом, леди. Самый обычный человек. Так что вы не полукровка, а самая настоящая сидхе. Со всеми расовыми особенностями, даром и сроком жизни. У вас впереди вечность, если, конечно, вас кто-нибудь не убьет или вы не умрете вслед за своей половинкой души, когда выберете мужчину и сделаете его своим супругом.

Я окаменела, переваривая новую информацию. Вот как, значит. Ну, спасибо, мама. Удружила. Как бы я жила в Дагре, не владея магией сидхе, не зная ничего о себе, но при этом не старея и не имея возможности выбраться из закрытого королевства? Костер был бы неизбежен. Даже Гаспар сделал вполне очевидные выводы, хотя и не знал всей правды, догадался, что его мачеха – маг. Точнее, как он подумал, ведьма.

Что же касается «половинки души» – вот уж нет. Ни за что! Не для того я столько всего преодолела, пытаюсь вырваться на свободу и обрести себя, чтобы умереть вслед за мужчиной. Мама сделала свой выбор и за

себя, и за своего ребенка.

Я ее ошибки не повторю. Замуж не пойду и на обряд связывания судеб и душ не соглашусь. Совсем не обязательно это. Если встречу мужчину, которого полюблю, то смогу просто быть с ним. Полагаться на единство душ я больше не стану.

Уже поверила Дарио, который говорил, что он ни за что не откажется от меня. И пусть я не сказала ему правду, виновата, за что еще предстоит извиниться, но ему хватило этой малости, чтобы нарушить обещание. Я видела приговор нашим отношениям в его глазах тогда, во время разговора в библиотеке.

Отныне моя жизнь принадлежит только мне. Не позволю себе больше надеяться, что ее можно кому-то доверить. Мир жесток, да. Ты ведь так часто говорила, мама?

Я не понимала тебя, думала, что это выдержка из еще одной страшной сказки закрытого королевства. А оказалось, вот оно что.

– «Мир жесток, и не в наших силах изменить его...» – тихо процитировала я ее слова, неоднократно слышанные в детстве.

– Альянда не единожды это повторяла, – впился в меня взглядом лорд Калахан. – Что еще?

– «Таким, как мы, в нем нет места. Наш удел либо уйти, либо умереть»...

– Она ушла, а потом и умерла. Глупая маленькая сидхе, – промелькнула мрачная тень на бесстрастном лице дракона.

– Я не могу считывать ваши эмоции. Вы ставите щит?

– Вы эмпат, леди?

– Неуправляемый. Это выходит само собой, но не всегда. Вас я не чувствую, а теперь перестала чувствовать и Дарио.

– Ментальный блок, а не щит. Этому учат магов. А к вашему рабу частично вернулось управление некоторыми способностями после того, как вы каким-то образом взломали печать, а потом его подлечил мой целитель. Не до конца, само собой, он все еще неполноценен.

– Вы мне не ответили насчет магической школы, лорд Калахан. Есть подобная в Тьяре? Я смогу в нее поступить?

– Есть, разумеется, но вам она вряд ли будет полезна. Вы иной расы, у вас своя, особенная магия. Когда я встретил Альянду, она была уже взрослой женщиной, полностью обученным сильным и разносторонним магом. Полагаю, образование получала еще у своих преподавателей, до исхода сидхе из этого мира.

– Вот как, значит...

И еще одна моя надежда разбилась вдребезги. Ладно, пойдем иным путем. Пока не знаю каким.

– И последний вопрос, лорд. Вы не знаете, как мне снять с Дарио магический ошейник? Я обещала вернуть ему свободу, как только найду способ это сделать.

– Обычное заклинание на крови владельца. Ничего сложного. Но вы уверены, леди Рэмина, что хотите лишиться власти над ним? Он ведь не может отказать и выполнит любой прямой приказ. Вы его хозяйка, он ваш раб.

– Он был мне другом всё это время. Не рабом. Научите меня, пожалуйста, лорд Калахан.

Дарио я нашла в его комнате, той, которую он занял сразу по приезде сюда. Постучавшись, я вошла и отыскивала его глазами. До моего прихода он сидел в кресле, но увидев меня, встал.

Аккуратно прикрыв дверь, я прошла внутрь, осмотрелась, куда присесть, и, не найдя второго кресла, опустилась на диван.

В воздухе висела тяжелая тишина. Дар ничего не говорил, лишь рассматривал меня. Его взгляд останавливался на прическе, глазах, родинке над губой, скользнул ниже к декольте, опустился на скрещенные на коленях руки, добрался до туфелек...

Окончив осмотр, мужчина тоже присел.

– Так я выгляжу на самом деле, – негромко проговорила я, посмотрев ему в глаза. – Сама уже отвыкла от своей внешности, не видела ее много месяцев.

– Зачем вы пришли, леди Рэмина? – сухо поинтересовался он.

– Чтобы объясниться и извиниться. Мне действительно жаль, что ты узнал всё не от меня, а вот так... Я пыталась рассказать, что являюсь девушкой, но не успела. Надо было раньше, признаю.

– И что же помешало вам давно поставить меня в известность о том, что вы девушка, да еще и сидхе? – Меня окатило волной презрения, которой хватило бы, чтобы затопить несколько королевств.

– Про то, что моя мать не человек, я узнала в замке лорда Калахана. А до того даже не догадывалась об этом. Потом думала, что раз я полукровка, то это не так уж и страшно. Но сейчас в курсе, что у сидхе в браке с людьми полукровки не рождаются. Так что да, я сидхе. Уж прости.

Дарио брезгливо скривил губы, но промолчал.

– Что же касается моей половой принадлежности... Я ведь задавала наводящие вопросы. Ты помнишь свои слова? Ты убил бы меня, узнав всё

тогда. Или, что вероятнее, не пошел бы за мной из той клетки, а предпочел отправиться к Неумолимой, лишь бы не отдать свою жизнь в женские руки. Я не хотела умирать и не желала смерти тебе. Поэтому молчала. Боялась признаться.

– Маленькая лживая предательница. Я поверил тебе, а ты... Я ведь считал тебя своим сокровищем, клялся помочь во всём. А ты все это время смеялась надо мной.

Дар так смотрел... И я окончательно осознала, что то, о чем уже догадалась ранее, – истинная правда. Он отказался от меня в тот момент, когда узнал, что я девушка и к тому же принадлежу к ненавистному ему народу. Что ж... Но расставить все точки в наших отношениях всё же стоит.

– Неправда, Дарио. Ни разу я не смеялась над тобой. Я считала тебя другом, близким человеком. Я ведь тогда думала, что мы оба с тобой принадлежим к человеческой расе. Но мы оба нелюди, как оказалось. Ты ведь о себе тоже умолчал. Я не знала, что ты дракон, как не знала того, что вы не умеете прощать. А я поверила и в то, что тебя предали и подставили, и в то, что ты невиновен, и в то, что мы теперь будем вместе. Заботилась о тебе, надеялась и строила планы на будущее. И не предавала тебя ничем: ни словом, ни делом. Мои поступки были искренними, от всей души. Но ты можешь быть спокоен, тебе не придется терпеть меня в своей жизни, раз уж я не являюсь твоим сокровищем. И не придется пытаться что-либо мне дать. Я освободила тебя из клетки, ты помог мне преодолеть тяжелую дорогу. Я лечила и выхаживала тебя, а ты оберегал меня и не дал погибнуть. Ты сдержал свое слово и доставил меня к драконам. Осталась последняя деталь, одно мое невыполненное обязательство... Что же касается всех твоих клятв, я возвращаю их тебе. Ты мне больше ничего не должен.

– Неужели? – Улыбка мужчины больше была похожа на оскал. – И что же? Тебе ничего не требуется от твоего раба, сиятельная леди? Какие будут приказания?

– Всё, что мне требуется, – это свобода и безопасность. Ты исполнил обещание, с твоей помощью я их получила. А остальное?.. Я принимала всё, что мне предлагал друг, близкий и дорогой человек, тот, к кому я привязалась. Но мне ничего не нужно от того, кто меня ненавидит и презирает.

Я встала и подошла к нему.

– Подними голову, Дарио.

Он дернулся и яростно вскинулся, собираясь сказать что-то злое и гадкое, но замер, увидев у меня в руках маленький кинжал, который я

вынула из кармана платья.

Не глядя на дракона, я сделала маленький надрез на ладони, дождалась, пока наберется лужица крови, и приложила порез к металлическому магическому ошейнику.

– Я, леди Рэмина, наследная графиня дас Рези, своими словом, волей, велением сердца и властью крови освобождаю принадлежащего мне по праву и по закону раба, дракона Дарио. Отныне и вовеки нет и не будет моей власти и воли над этим существом. Я отказываюсь от всех притязаний на него, снимаю с себя ответственность за его жизнь и поступки, как прошлые, так и будущие. С этого мгновения меня не связывают с драконом Дарио никакие обязательства, обещания и клятвы, и он не принадлежит мне ни телом, ни душой, ни жизнью, ни словом, ни клятвой. Также я отказываюсь от его долга жизни. Мне не нужно от вышеназванного дракона Дарио ничего, и я даю слово, что ни сейчас, ни в будущем не потребую от него никаких услуг. Наши отношения на этом исчерпаны, и все взаимные долги и обязательства зачтены. Он свободен и не имеет более ко мне никакого отношения. Отныне над ним лишь боги. Да будет так! *Rasy ide hivyo kuwa midele na midele!* – проговорила я продиктованное лордом Калаханом заклинание.

Мою ладонь кольнуло, по магическому ошейнику пробежались искры, и он распался на две половины, соскальзывая с шеи своего носителя.

Оказывается, это так просто... Если бы я знала, то сняла бы эту дрянь давно, а Дару не пришлось бы проходить через мучительную агонию лечения от шрамов и старых травм.

Не взглянув в глаза застывшего Дарио, я зажала бесполезную уже железку в руке, чтобы остановить кровь, сочащуюся из пореза, и направилась к двери.

Вот и всё. Точка поставлена.

Я уже взялась за дверную ручку, но была остановлена вопросом:

– И что теперь, Рэми? Что ты планируешь делать? Как тебе всё это?

– Что теперь? Ничего, Дар, – повернулась я к нему, к чужому теперь существу. – Буду жить. Просто жить. Учиться чему-то, узнавать себя новую, осваивать свой дар и способности. Я ведь ничего не знаю и не умею. Мне предстоит многое наверстать и найти свое место в этом мире. У меня впереди вечность, оказывается, а не жалкая человеческая сотня лет.

– Ты рада? – Наклонив голову, он взглянул исподлобья.

– Мне семнадцать лет, а я чувствую себя старухой, – внезапно поняла я. – Я провела детство в иллюзии, в страшной сказке. Вырвалась, убедила себя, что тот кошмар закончился. Но, как оказалось, попала в иную

иллюзию, в которой тоже никому нельзя верить. Но я снова научусь радоваться. Непременно научусь. Только не сразу, пока что мне слишком больно. Знаешь, Дар, мне жаль твой народ. Вы не видите красок, не осознаете полутонов. Ваш мир черно-белый. Вы держите слово, да, и не отказываетесь от своих решений, даже если они неверные. Не умеете прощать. И в этом ваша беда.

Я вышла в коридор, но не успела отойти.

– Рэми! Я...

На один короткий миг, буквально на мгновение, в желтых глазах промелькнуло что-то прежнее. Но тут же непримиримо сжались в твердую линию губы, и продолжения не последовало.

– Удачи, Дарио. От всего сердца желаю тебе вернуть свое честное имя, титул и состояние. Найти и покарать своих обидчиков. Мой дом открыт для тебя, если захочешь приехать в гости, то тебе предоставят покои и всё необходимое.

В ответ я не услышала ни слова. Беловолосый дракон резко отвернулся к окну, пряча лицо, и я тихо прикрыла за собой дверь. Уже удалялась по коридору, когда из его комнаты донесся грохот, словно с силой швырнули что-то тяжелое в стену.

Но я даже не остановилась. Мы оба с ним виноваты, оба ошиблись. Так бывает.

Они с лордом Калаханом улетели этим же вечером, не стали оставаться ни на ужин, ни на сон. Не прощаясь, покинули дом. Что-то подобное я и предполагала, а потому ушла в сад и меланхолично раскачивалась на качелях, отрешенно глядя на горы.

Дарио забрал все свои вещи, я увидела сумку на его плече. Он даже не оглянулся на входную дверь или окна, не заметил и меня среди полумрака вечернего сада. Вскрабклся на спину огромного дракона и оставил в прошлом всё, что нас связывало.

Будто и не было ничего между нами. Просто попутчики, случайные знакомые.

Я больше не его сокровище. Он больше не тот, к кому я привязалась.

Нет, я не плакала. Ни слезинки не проронила. Не уверена, что я вообще могу еще плакать. Жизнь покажет... Просто проводила взглядом удаляющегося огромного ящера и маленькую человеческую фигуру на его спине. А как только крылатый силуэт исчез из виду, снова оттолкнулась ногами, позволяя качелям взлететь.

Два дня я провела в унынии и попытках осознать и принять себя,

прежнюю и одновременно новую. Слуги притихли и меня не дергали, наблюдая издалека, как я сижу на веранде, глядя в никуда, или бездумно раскачиваюсь на полюбившихся мне качелях в саду.

Только Жужа переживала, так как у меня совершенно пропал аппетит, и я почти не ела эти двое суток. Кусок в горло не лез, хотя приготовлено все было вкусно.

Но утром третьего дня я проснулась, полежала, рассматривая потолок, и поняла, что так дальше продолжаться не может. Да, от меня отрёкся друг. Да, я оказалась неведомой зверушкой – сидхе. Да, мама меня всю жизнь обманывала. Но я свободна, никому ничего не должна, у меня есть дом, немного денег. А значит, жизнь продолжается, к тому же мне обещано бессмертие, и пора разбираться и с сегодняшним днем, и с грядущей вечностью.

Так что я решительно направилась в ванную, потом оделась сама, не вызывая горничную. Волосы оставила распущенными, лишь расчесала. Я дома, не жду никого чужого и могу себе позволить такую роскошь. Впрочем, я видела женщин в Тьяре. Многие дамы не утруждали себя сложными прическами или косами. Особенно эльфийки, у которых локоны порой спускались ниже колен, как у меня раньше. Ушастые красотки просто украшали их цветами и маленькими заколками с драгоценными камушками или жемчужинами. И оставляли спадать по спине словно шелковый плащ.

Так почему бы и мне не упростить себе жизнь? Пусть волосы отдыхают, дышат, возвращаются к привычной для меня длине.

Придирчиво оглядев себя в зеркале, спустилась в столовую и очень обрадовала Маршу и Линду, попросив принести мне плотный завтрак.

Сестрички прямо аж просветлели лицами и бросились выполнять мое распоряжение и накрывать на стол.

Покончив с трапезой, я прошла по дому. Проверила, не осталось ли каких-то вещей Дарио и лорда Калахана. Обнаружила гостевые покои идеально прибранными и пустыми. После этого отправилась в библиотеку и кабинет.

В библиотеке тоже ничто не напоминало о недавнем присутствии в этом доме чужих. Чисто, все книги на полках, ни пылинки. А вот в кабинете на полу обнаружили два сундучка с фамильными драгоценностями графского рода дас Рези. Ну надо же... Я-то думала, лорд Калахан, как настоящий дракон, приберет сокровища к рукам. Им вроде полагается. Но нет, вот они, даже нетронутые. Я приоткрыла каждый из сундуков и заглянула внутрь. Ожерелья, браслеты, крупные серьги,

диадемы, броши, колъе, кольца... Бриллианты, сапфиры, рубины, изумруды, аметисты и топазы... Чего там только не было. Никогда не задумывалась о том, сколько же их было у папы. Просто носила все, что он мне давал или дарил.

Надо бы куда-то спрятать все это. Не могут же эти несметные богатства оставаться вот так, на полу в кабинете.

Пришлось искать госпожу Виенну и задавать вопрос, а есть ли в доме сейф или хранилище?

– Да, разумеется, леди Рэмина, – спокойно сообщила она. – Просто лорд Калахан велел пока не трогать ничего. Только какой-то мешок унес отсюда. А к этим сундукам и бумагам приказал не прикасаться, пока вы не посмотрите и не отдадите иное распоряжение.

– А бумаги где?

– В ящике стола, я туда все сложила, чтобы ничего не потерялось. Сейф тут, в кабинете. Я могу показать. А хранилище в подвале. Там же и лаборатория.

– Вместе с продуктами, что ли? – удивилась я.

– Ну что вы, леди. Два отдельных входа. С кухни в продуктовую часть, а с противоположной стороны дома вход в отдельные изолированные помещения. Прикажете отнести сундуки туда?

– Давайте начнем с сейфа. Потом я переберу драгоценности и решу, что оставить пока у себя в комнате, а что убрать в хранилище. Насчет лаборатории... – помялась я. – В ближайшее время она мне не пригодится, но я осмотрю ее.

Глава 24

Пустой сейф нашелся в углу за отъезжающим в сторону стеллажом с книгами. А я и не догадалась, хотя уже рассматривала стоящую тут литературу. Госпожа Виенна передала мне два ключа, отпирающий амулет от магического замка и бумажку с шифром. После этого предложила принести обитые бархатом шкатулки для хранения украшений, чтобы я сложила в них то, что буду использовать в ближайшее время.

Я согласилась. Нужно ведь понять, что мне досталось от отца. Возможно, что-то придется продать, когда закончатся деньги. Дом и прислугу надо на что-то содержать. И лошадь мне нужна. Предстоит часто выезжать в город, каждый раз отвлекать господина Жаника не годится. Да и гардероб необходимо пополнить. Я не смогу обойтись всего одним платьем.

Время до обеда пролетело быстро. Только мне пришлось переодеться в один из своих потрепанных дорожных костюмов, чтобы не испортить единственный приличный наряд. А потом я просто выгребла на ковер в кабинете полностью все содержимое одного из сундуков и начала методично перебирать, записывать, что имеется, и складывать обратно. Самые скромные и непритязательные украшения откладывала в шкатулки. Их буду носить в повседневной жизни.

После обеда та же участь постигла второй сундучок. Ну что ж, я богата. Даже если придется постепенно распродавать наследие дас Рези, мне этого хватит на ближайшую пару сотен лет. Ну, если не транжирить деньги, конечно.

Я не склонна к мотовству и азартным играм, значит, не пропаду.

Сокровища господин Жаник при помощи Марши и Линды отволок в хранилище. Я же только подивилась, насколько сильны драконы даже в человеческом обличье. Дарио в одиночку нес оба сундучка, словно они ничего не весили. А тут три человека с трудом отволокли их по одному и потом долго не могли отдышаться.

Хранилище, располагавшееся в подвале, было не таким большим, как в замке. Это понятно. Но места здесь вполне хватит для того, чтобы тут можно было складывать ценные предметы и что-то подобное.

Лаборатория... Н-ну... Наверное, это лаборатория. В центре большой стол с гладкой мраморной столешницей. Ряды полок по стенам. Низкие шкафы с выдвигаемыми ящиками под полками. Стазис-ларь в углу. Мойка.

Узкий стеллаж для книг или тетрадей. В одном углу маленький секретер вместо письменного стола. Прямо над ним к стене прикручен магический светильник. Остальные расположены под потолком.

Когда-нибудь, когда я научусь хоть чему-то, это место может мне пригодиться. Пока же осмотрелась и вышла.

Утром следующего дня вынула из ящика стола отцовские бумаги и принялась их изучать. Документы на собственность, векселя на предъявителя, расписки. Оказывается, многие из соседей были должны графу дас Рези весьма крупные суммы. То-то они, наверное, обрадовались, когда наш род сгинул. Я внимательно прочитала каждое долговое обязательство. Ну уж нет, дорогие аристократы, не в тех я обстоятельствах, чтобы позволить вам забыть о ваших долгах. Найду способ получить то, что причиталось папе. Ваши деньги, как и наши, хранятся в Гномьем банке. Нужно будет нанять юриста и обсудить, как быть в подобной ситуации.

Нашлось и папино завещание. По нему он оставлял всё, что у него есть, своей дочери, Рэмине дас Рези. Гаспар в завещании не упоминался. Отец передал ему его долю состояния еще при жизни, обеспечив сыну безбедное существование. Однако при разгульной жизни последнего этого хватило ненадолго.

На документе была капля моей крови и подписи свидетелей. Надо же, а я и забыла, что когда-то давно отец просил меня приложить порезанный пальчик к бумажке и позволить крови впитаться. Я тогда была маленькая и не осознавала, для чего это нужно. А оказывается, папа писал завещание. Жаль, что это ничем мне не поможет. Всё, перечисленное в документе, осталось в Дагре. И земли, и замок, и прочая недвижимость, так же как и доли в разных деловых предприятиях.

Но векселя на предъявителя я смогу погасить и тут, в Тъяринде, так как гномья банковская система опутала весь наш мир. Сумма весьма приличная выйдет в итоге. Хорошо, что Гаспар не добрался до этих векселей. Значит, действительно не знал о существовании второго сейфа.

Ну что ж, нужно посетить местное банковское отделение. О чем я известила господина Жаника, попросив утром отвезти меня в город. Предстоит сделать много дел.

Гномий банк выглядел везде одинаково. Приземистые здания с большой золоченой вывеской, и этажи в них уходили не вверх, а вниз. Вежливые исполнительные гномы, для которых важен каждый клиент.

Попросив господина Жаника дожидаться меня на улице, я прихватила сумку с бумагами и направилась внутрь. Прошла за сотрудником банка в

отдельную комнату и сообщила, что желаю открыть счет и нуждаюсь в консультации по имеющимся у меня бумагам и векселям.

– Слушаю вас, леди.

– У меня есть завещание отца. Свидетельство о рождении, подтверждающее наше родство, в наличии. Что можно сделать с этим, учитывая, что вся завещанная собственность находится в Дагре?

– Кхм, – поперхнулся кашлем бородатый крепыш и растерял всю свою невозмутимость. Полагаю, ему ни разу не доводилось встречаться с кем-то, кто сумел покинуть закрытое королевство живым, да еще и добрался до земель драконов. – Позвольте взглянуть? Мне также понадобятся слепок вашей ауры и капля крови для открытия счета.

– Разумеется, господин, – выложила я на стол все бумаги.

Именно по причине того, что для открытия в Гномьем банке счета необходим слепок ауры, я и не пыталась делать этого раньше. Мама предупредила, что под личиной у меня аура изменится. Но сейчас-то я прежняя.

Взяв в руки артефакт для сканирования ауры, я подержала его, дождалась, пока он изменит цвет, после чего уколола палец о специально предназначенную для этого магическую штуку. Или не совсем магическую, у гномов не всегда понятно, что является чистой механикой, а что с магической составляющей.

Служащий банка изучил все мои документы, векселя, расписки, завещание и свидетельство о рождении. Проверил их на подлинность уже третьим артефактом. После чего занялся слепком моей ауры и образцом крови. Снова все тщательно проверил. От его внимания не укрылось ничего, ни один завиток на подписи или закорючка в тексте, оттиск печати или образцы крови всех заинтересованных лиц и сторон.

Убедившись, что всё настоящее и достоверное, он занялся открытием счета, но потом взглянул на меня с укоризной:

– Леди, но на ваше имя уже открыт счет. Причем семнадцать лет назад. Средства регулярно пополнялись. Желаете получить выписку об остатке на нем?

– Что?! На мое имя есть счет? Как это возможно? Мне всего семнадцать, и я его точно не открывала.

– Полагаю, о вас позаботились родители. Так как? И что будем делать с деньгами по всем векселям и долговым распискам, сроки выплат по которым уже подошли и вот-вот станут истекшими, а также с остатками на счете вашего покойного отца? Прикажете перевести всё на ваш личный счет?

– А можно? – опешила я.

– Разумеется, леди, – невозмутимо подтвердил гном. – Завещание подлинное, информация о нем у нас имеется, ваша личность подтверждена. Конечно, мы не сможем ничего сделать с недвижимостью, она в Дагре. Но все деньги графа дас Рези, хранившиеся в нашей банке, мы можем хоть сейчас перевести вам. Точно так же как и вывести со счетов ваших должников средства и погасить долговые обязательства. Им будут переправлены по нашим каналам официальные документы и закрытые обязательства. Исполнять?

– Исполняйте, – медленно отозвалась я и в полном ступоре откинулась на спинку кресла.

Так просто? Всего лишь подлинное завещание, свидетельство о рождении, подтверждение моей личности, и я могу получить всё, мне причитающееся? Невероятно!

Жаль только, что те, с кого я сейчас стрясу долги, узнают о том, что Рэмина дас Рези не умерла, а сбежала. Да и боги с ними. Я теперь так далеко от закрытого королевства, что до меня никто не дотянется. А замок и земли пусть наследуют папины дальние родственники. Король, конечно, будет в ярости, но...

Зато теперь понятно, почему Гаспару пришлось продавать фамильные драгоценности. Он просто не смог добраться до отцовского счета в Гномьем банке, не сумел предъявить образец крови якобы загрызенной волками Рэмины дас Рези, последней законной наследницы графа. Ведь мой единокровный братец точно знал, что тот труп, «найденный в лесу», принадлежит не мне.

Гномы дотошные и въедливые, пока им не предъявят всё необходимое и, что важно, подлинное, они не выдадут и жалкого медяка. Для них и тысяча лет – не срок, будут вежливо, но непреклонно требовать доказательства и обоснования. И даже короли им не указ. За это их и ценят. Всё, что попадает в их ведение, находится в безопасности, никто и никогда не сможет незаконно выскрести со счетов и хранилищ этого низкорослого народца ни-че-го, если только не предоставит неопровержимые доказательства прав собственности или наследования. Про последнее я, правда, до сегодняшнего дня не знала.

Спустя час я выходила из отделения банка, став, кажется, одной из богатейших женщин Тьяринды. Если уж рвать все связи, то сразу, за один присест. А то еще пронюхают папины должники, что объявилась законная наследница, и опустошат свои счета, чтобы спрятать от меня деньги и

избежать выплат по обязательствам. Векселя тоже все погасила. Мне не нужны ценные бумаги, предпочитаю твердый и конкретный счет в надежном банке.

Постояв на крыльце, я несколько ошалело осмотрелась по сторонам, пытаюсь прийти в себя от шока и изумления. Поверить не могу в происходящее...

С опасением взглянула на пухлый конверт, полученный от гнома по завершении всех процедур.

– Что в нем? – удивилась я тогда.

– Не могу знать, леди Рэмина. Но у нас распоряжение, оставленное... мм-м... около четырехсот лет назад: вручить этот конверт тому, кто является носителем крови и прямым родственником некой Альенды Шохард. Инструкция четкая и не имеет иных толкований: отдать тому, кто придет в это отделение нашего банка и докажет свое с ней родство. Счет данной особы давно заморожен, на нем лишь неснижаемый обязательный остаток. Ваша кровь практически идентична ее, артефакт подтвердил, что вы являетесь ее прямым потомком. Так что получите, и прошу расписаться вот здесь.

И вот сейчас, стоя на крыльце, я смотрела на ждавшее меня четыре столетия послание от мамы. Боги великие... Да сколько же ей на самом деле было лет?! В который раз уже задаюсь этим вопросом, но и предположить ответ не берусь...

– Леди Рэмина? – выдернул меня из ступора голос господина Жаника, ожидавшего меня в бричке. – Куда дальше?

– А? – хлопая глазами, взглянула я на него. – Ах да! Сейчас за одеждой и обувью. Я куплю еще кое-что из готовых нарядов и закажу индивидуальный пошив остального.

После лавок с дамской одеждой, обувью и салона модистики я велела ехать к торговцу лошадьми.

– И зачем вам лошадь, леди? – недовольно пробурчал мой сегодняшний кучер. – Неужто я не смогу вас возить? Негоже молодой леди одной разъезжать, да еще верхом.

– Не обижайтесь, господин Жаник, но если вам придется меня постоянно сопровождать, то у вас не останется времени на прочие занятия. Я намерена тратить все свое время именно на выезды. Мне нужно многое сделать в городе и окрестностях.

– Ох уж эти одаренные, – продолжал он бормотать себе под нос. – Вот я бы Маршку и Линдусю ни за что не отпустил одних где-то болтаться. А у

ледей всё не как у людей...

– Вы разбираетесь в лошадях? Сможем вместе выбрать? – не обратив на это внимания, поинтересовалась я. – Не хотелось бы, чтобы нас обманули и подсунули никуда не годного коня.

– Да куда мне в лошадях-то, леди? – в сердцах махнул он рукой. – Я ж чистокровный человек. Не дракон, не оборотень, не эльф... Это они чуют животных.

– Вот как, значит... – медленно кивнула я и проводила взглядом нескольких шагающих по тротуару мужчин. – А где тут есть кабак или иное заведение, в которых любят проводить время оборотни?

– Леди, вы с ума сошли? – аж повернулся ко мне всем корпусом господин Жаник. – Вы что удумали? К зверюкам этим соваться?!

– Мне нужна услуга от одного из них, – пожала я плечами. – Где находится конезаводчик или торговец, знаете вы. А мне требуется тот, кто выберет подходящую лошадь. За вознаграждение, разумеется.

– Да не делают так дела сиятельные леди! Где это видано, а?

– А вот сейчас и будет видано. Так что, где можно найти приличного оборотня?

Перевертыши, как тут еще называли этот народ, облюбовали симпатичный кабак с увитыми зеленью стенами и обширной верандой. Народу, несмотря на середину дня, было изрядно как за столиками на открытом воздухе, так и внутри. Это было видно в открытую настежь дверь.

Поправив вуаль шляпы и убедившись, что подаренный когда-то магичкой защитный перстень-амулет на пальце, я с помощью господина Жаника спустилась с брички и пошла к питейному заведению. Он пытался напроситься со мной, но я не разрешила. Не стоит шокировать прислугу сверх меры. Для них леди – это что-то такое неземное, церемонное и благопристойное до зубовного скрежета. А мои манеры остались на дорогах и тропинках Дагры, на трактах Дагарры и Лицинии. Я могла теперь общаться и с нищими, и с бродягами, и со шлюхами, и с ворами и душегубцами. Они тоже люди, ну или не совсем люди в этой, иной реальности, но суть от этого не меняется. И всегда можно договориться, если знать, как вести беседу.

Медленно приближаясь к веранде, я обвела взором всех, сидевших на ней за столиками. Не то. Не обращая внимания на одобрителный свист, пошлые шутки и похабные возгласы, вошла внутрь кабака и остановилась у порога. Несколько мгновений потребовалось, чтобы глаза перестроились с яркого солнечного света на более спокойное освещение в зале. А

проморгавшись, я сквозь вуаль тщательно осмотрела каждого из присутствующих здесь оборотней.

Выкрики и свист, продолжающие нестись из-за спины с веранды, меня ничуть не трогали. А найдя взглядом подходящую личность, я направилась в самый дальний от двери угол, не реагируя ни на кого, в том числе на озадаченного моим явлением хозяина заведения, стоявшего за стойкой. Спокойно огибала столики. Не давала ни малейшего повода завлечь себя в беседу разговором или заигрыванием. То, что я из высшего сословия, видно по моему дорогому элегантному наряду и манерам, поэтому хоть посетители и вели себя расхлябанно, но границ не переходили. Чревато.

– Приветствую, – обратилась я к сидевшему в том самом углу в одиночестве мужчине около пятидесяти человеческих лет на вид. – Позвольте присесть?

– Присаживайтесь, коли не боитесь. Чем я привлек внимание сиятельной леди? – спокойно взглянул он на меня.

Судя по одежде, не бедствует, но и не богат. Опытный, сдержанный, скупой на эмоции и не падкий, в отличие от своих молодых соплеменников, на женский пол. Меч неплохой, хотя и далеко ему до того оружия, что хранилось в сокровищнице лорда Калахана.

– Вы разбираетесь в лошадях, господин?..

– Рас.

– Так вот, повторю свой вопрос, вы разбираетесь в лошадях, господин Рас? Мне нужно купить одну для себя, но я опасаясь, что обманут и подсунут негодный товар. Поэтому я готова оплатить услугу посреднику, тому, кто выберет то, что мне нужно, и не позволит меня обмануть.

– Сколько?

– Один золотой. К торговцам нас довезут, у меня на улице сопровождающий.

– Сколько?! Не слишком ли много за такую мелочь, леди? – взметнулись брови у оборотня.

– Согласна, золотой – это очень большая сумма. Но я рассчитываю, что именно это не позволит тому, кого я найму, халтурить или пытаться меня душить в сговоре с конезаводчиком или торговцем лошадьми. Так что, господин Рас?

– По рукам! – протянул он мне широкую мозолистую ладонь и с интересом уставился, пожму ли я ее или побрезгую. Все же я благородная леди, а он не пойми кто.

Я не оправдала его ожиданий, так же, как и он, протянула свою узкую ладошку, спрятанную в кружевную перчатку, и ответила на рукопожатие.

– Следуйте за мной, господин Рас, – встав из-за стола, не оглядываясь, пошла я к выходу.

Народ, ставший невольным свидетелем нашей тихой беседы, пусть и слышал не всё, но главное уловил и притих. Ни единого оклика или свиста в мой адрес не последовало.

К тому моменту, когда я еще только подходила к ожидавшему господину Жанику, оборотень успел расплатиться и нагнать меня.

– Как к вам обращаться, сиятельная? – подставил он руку, чтобы я могла опереться и сесть в бричку.

– Леди Рэмина, графиня дас Рези. Господин Жаник, трогайте. Господин Рас любезно согласился помочь нам в покупке лошади.

Мое поведение явно не вписывалось в привычные рамки ни для моего слуги, ни для этого оборотня. Он всю дорогу немного озадаченно меня рассматривал, но разговорами и вопросами не докучал.

Нарушил молчание лишь дважды.

– Прошу прощения, леди, но я никак не могу припомнить ни одного графства дас Рези в Тьяринде. Могу я уточнить, где располагаются ваши владения?

– Я иностранка. Мое графство очень далеко отсюда, – меланхолично ответила я, давая интонацией понять, что больше обсуждать это не намерена.

А еще позднее наемник уточнил, наконец, касаясь предполагаемого дела:

– Сиятельная, я хотел бы узнать ваши предпочтения и требования к лошади. Что именно вам нужно? Скачки вас интересуют? Пожелания к аллюру? Жеребец, мерин или кобыла? Вы юная девушка, вероятно, вам нужна спокойная и покладистая кобылка?

– Вовсе нет. Я отлично езжу верхом, так что норов не важен. Безусловно, внешняя привлекательность и порода мне небезразличны. Но это должна быть умная, сильная и выносливая лошадь, способная на долгие переходы, так как вполне возможно, я буду выезжать не только в город, но и захочу проехаться по стране. Выставлять ее на скачки я не собираюсь. Также меня не интересует, будет ли это жеребец или кобыла.

Покупка лошади неожиданно затянулась. Сначала мы приехали к торговцу, державшему конюшню в городе. Но господин Рас категорически отверг всех продемонстрированных нам лошадей. Причем выбирал он придирчиво, но немного странно: не только осматривал им ноги и зубы, но и обнюхивал, перебирал в пальцах хвост и гриву, что-то шептал им на ухо и

словно к чему-то прислушивался. Я не принимала участия, стояла чуть в стороне, давая понять, что именно я покупатель, но не мешая ни господину Расу, ни продавцу, расхваливающему свой товар на все лады. Бедный мужчина никак не мог определиться, то ли на меня давить, пытаюсь уговорить на покупку, то ли на моего представителя.

Осмотрев всё предложенное, оборотень подошел ко мне и твердо заявил:

– Боюсь, леди, здесь нет ничего подходящего под ваши требования. Лошади хорошие, плохого не могу сказать. Но не лучшие.

Кивнув ему, я поблагодарила разочарованного торговца за потраченное время и, не слушая его отчаянных реплик, направилась к ожидавшему нас у дороги господину Жанику.

Процедура выбора повторилась в другом месте. Для этого пришлось выехать из Тьяры в северный пригород. Там разнообразие было большее, и нам продемонстрировали всех лошадей, выставленных на продажу. Опять я стояла в стороне, прислонившись к изгороди, пока оборотень бегал по конному манежу, покончив с осмотром, ощупыванием и обнюхиванием очередной коняшки.

– Это ваше доверенное лицо? – неслышно подобрался ко мне поджарый темноволосый хозяин этих четвероногих непарнокопытных.

– В данный момент – да, – взглянула я на него сквозь вуаль.

– Но почему у сиятельной молодой леди доверенное лицо – старый оборотень из простых наемников? – несколько озадаченно поинтересовался мой собеседник, внимательно наблюдая за объектом нашего разговора.

– Потому что в данный момент, – подчеркнула я интонацией временные рамки, – мне нужны его услуги. Вы что-то имеете против?

– Ну что вы, леди. Странно просто... Оборотни не идут в услужение даже к благородным. А для телохранителя или тени он слишком стар.

– А я и не говорила, что он мой телохранитель или тень. – Хм. Интересно, а тень – это что такое? Нужно будет узнать. – Но он разбирается в лошадях, а я приехала сюда именно за этим.

Тут к нам подошел господин Рас и подвел светло-гнедого жеребца. Рыже-коричневая шкура его лоснилась на свету, чуть ли не отбрасывая солнечные зайчики, а иссиня-черные грива и хвост были густыми и длинными. Прямо хоть в косы заплетай. Мощный зверь фыркал, мотал головой, пару раз ощерился, но так как никто на него сверху не садился, вел себя вполне терпимо.

– Леди Рэмина, я бы порекомендовал вам присмотреться вот к этому красавцу. Трехлетка, сильный, выносливый, абсолютно здоров.

– Хороший выбор, – кивнул хозяин конного завода. – Только с норовом этот мальчик. Справитесь ли? Он не каждому дастся в руки, многие отказывались от его покупки именно по этой причине. Даже драконам не удалось с ним договориться.

– Сейчас проверим. Отправьте кого-нибудь за седлом, а мы пока потолкуем. Как его зовут?

– Тайфун, – немного обеспокоенно отозвался владелец. – Леди, вы уверены? Вы не выглядите сильной наездницей. Удержитесь в дамском седле?

– О, простите, я не уточнила. Я предпочитаю мужское седло.

Мужчина подавился вопросом, вытаращился на меня, но спорить с потенциальной покупательницей счел неразумным.

Глава 25

Я поняла его изумление. Все женщины, которых я встречала в городе, даже эльфийки, перемещались либо в традиционном дамском седле, либо же в каретах, бричках, ландо^[7]. Да и в брюках я ни одной женщины или девушки не увидела.

Но снова мучить себя я не собиралась. Слишком привыкла к мужской одежде и к мужскому же способу передвижения. А потому уже успела заказать портнихе разные комплекты одежды, в которых планировала осуществлять выезды. Так как не знала, что окажется наиболее удобным, нарисовала три эскиза.

Один с заправляющимися в высокие сапоги обычными узкими брюками. К ним блуза с пышными кружевными жабо и манжетами. И поверх – строгое приталенное платье на пуговицах до пояса, с глубоким треугольным вырезом, в котором будет видно жабо, и с разрезом сзади от талии до самого края подола пышной юбки. Если сесть верхом, то ее раскинувшиеся полы полностью прикроют ноги с обеих сторон.

Второй комплект похож по смыслу, но вместо узких брюк – широкие шаровары с манжетами на щиколотках. Рубашка совсем простая. Зато верхнее платье с замысловатой отделкой по горловине, а его юбка тоже раскидывающаяся, только без складок, а свободно ниспадающая к земле.

И последний вариант, который я хотела поносить и понять, насколько это удобно, – очень широкие и свободные складчатые брюки, больше похожие на юбку, если просто стоять. Облегающая блуза. И верхнее платье больше напоминало простой халат. Без воланов, рюшей, кружев или иных украшений, а также без пуговиц. Оно должно просто запахиваться и перехватываться в талии широким кожаным ремнем, какие носят наемники. Только, разумеется, из более мягкой кожи.

И, разумеется, ткани всех трех костюмов самые лучшие, дорогие и благородные, но при этом немаркие. К каждому из комплектов шляпа, наиболее подходящего фасона, а также перчатки в тон. Утепленный плащ, в котором будет удобно ездить верхом, был один, но с роскошной вышивкой и из пропитанного специальным алхимическим составом материала. Понятия не имею, что это за состав такой, но меня уверили, что к плащу не будут прилипать ни грязь, ни пыль, и даже попасть под дождь в нем не страшно. Меня это полностью устроило.

Если уж выглядеть иначе, чем остальные, то ни малейшего сомнения в

том, что я очень и очень богата, ни у кого не должно возникнуть.

Не знаю, какотреагируют на мое появление в этих нарядах жители Тьяринды. Я ни на ком таких одежд не видела, но и менять свое решение не стала, хотя портниха пыталась меня образумить.

Привыкнут...

Женская мода явление легкомысленное и ветреное, стоит одной даме придумать нечто оригинальное, как спустя время это подхватывают все, и новое веяние разносится как эпидемия. Я наблюдала это еще в Дагре, когда была маленькой. Тогда законодательницей была моя мама. А теперь... Ну что ж, а теперь я буду носить то, что хочу. А остальные – как пожелают.

Впрочем, я отвлеклась. Выпрямившись, я подошла ближе к жеребцу, пристально и мягко глядя ему в глаз, которым он косил на меня, но даже не попыталась протянуть руку. Господин Рас встревоженно наблюдал за мной, готовый в любой момент совладать с упрямым животным, если оно вздумает встать на дыбы или лягнуть меня. А я замороженно прошептала:

Словно солнца луч, Тайфун.
Сила, мощь и скорость ветра...
Нужен друг тебе, наверно?
Подружись со мной, шалун...

Дальше придумать не успела. Жеребец всхрапнул и аккуратно потянулся ко мне. Удерживающий его оборотень напрягся, но так как агрессии не чувствовалось, то он промолчал и даже не дернулся.

Я же позволила фыркнуть себе в лицо, пощекотать горячим воздухом ухо и едва устояла на ногах, когда решивший, что я ему нравлюсь, Тайфун боднул меня в грудь головой, после чего положил ее на мое плечо.

Ох... Я едва не присела, но доверие и симпатию оценила, медленно и осторожно, чтобы не спугнуть, обняла мощную золотистую шею и зарылась пальцами в гриву.

– Меня зовут Рэмина. Рэми, – прошептала, и чуткое длинное ухо передернулось. – Пойдешь ко мне? Станешь моим ветром? Моим Тайфуном?

Он мотнул головой, отчего моя шляпа улетела в сторону, а прическа растрепалась, теряя шпильки. Я погладила его еще раз и отстранилась, желая проверить, вернулся ли хозяин.

– Мы договорились, – откинув с лица волосы, которыми принялся

играть веселый ветерок, сообщила я тому. – Седло не нужно, я не стану больше ничего проверять.

– Леди, вы уверены? – несколько обеспокоенно поинтересовался коннозаводчик. – Он хорошо объезжен, у меня самые лучшие лошади, и я тщательно занимаюсь их воспитанием. Но ведь мало просто поладить...

– Тайфун? – повернулась я к жеребцу. – У нас с тобой будут проблемы? Станешь мне служить?

Вместо ответа меня толкнули бархатным носом в плечо. Остальные не могли считать эмоции этого красавца, но я чувствовала его симпатию, легкое заигрывание и желание пошалить, а также довольство ситуацией и мной.

Отговаривать меня больше никто не стал. Продавцу это невыгодно, господин Рас сам подобрал лошадь, а раз я не только согласилась с выбором, но и настаиваю, остальное их не касается.

Уже когда я расплатилась и мы втроем медленно пошли к господину Жанику, терпеливо ожидавшему нас у въезда на территорию, оборотень не выдержал:

– У вас в роду были оборотни, леди?

– Нет.

– Эльфы?

– Нет.

– Ведьмы?

– Нет.

– Но драконов тоже не было, я ведь вижу. Вы самый простой человек, хотя и с магическим даром. Так почему же вас послушалось животное? Вы умеете с ними говорить, как мы?

– Нет. Возможно, особенность моего дара? Мне всегда удавалось ладить с любыми животными, и дикими, и домашними. Мы дружили в детстве...

– Ну если только так, леди. Магия, она же разная у всех, – принял он объяснение.

Не объяснять же, что я не «самый простой человек», а загадочная сидхе. И что я понятия не имею, почему мне всегда удавалось находить общий язык со всеми живыми существами.

– Где можно купить хорошее седло? Мужское, но которое подойдет для меня? И где вас посадить в городе?

– А где вы проживаете, леди?

– «Музыкальный» дом в западном пригороде.

– Покажу, где хорошие седла продают. Все благородные там покупают. Уже когда мы отъехали, я заново собрала волосы, только теперь в простую недлинную косу, и надела шляпку.

Покончив со всеми делами и покупками, я расплатилась с оборотнем, честно выдав ему обещанный золотой.

– С вами приятно иметь дело, сиятельная.

– Взаимно, господин Рас.

– Меня всё мучает вопрос, леди. А как ваши родители относятся к такой вольности? Молоденькая девушка, а выезжает без компаньонки или гувернантки. Даже без камеристки, лишь в сопровождении немолодого слуги...

– Я сирота. И у меня нет компаньонки, камеристки и гувернантки.

– О! – озадачился наемник. – А телохранитель?

– Хотите предложить мне свою кандидатуру? – остро глянула я на него.

– Нет, ну что вы, леди. Я уже немолод, к тому же мужчина. Вы иностранка, я уже понял. Не хотите нанять себе телохранительницу или тень? Это защитит вас от досужих сплетен и обеспечит безопасность.

– Да, к слову. А что такое эта «тьень»? Я же хотела спросить у вас, но отвлеклась и запаматовала.

Я вопросительно глянула сначала на господина Жаника, внимательно слушавшего наш разговор, а потом на немолодого оборотня.

– Тени – это специально обученные телохранители. Больше, чем телохранители. Они... ну, тени, этим всё сказано, – пожал он плечами. – С ними заключается магический договор, и они преданы своему хозяину до последнего вздоха. Их нельзя перекупить, они не предадут... Мало их только, выпускаются из школы лишь самые лучшие ученики, остальные отсеиваются еще в процессе обучения и идут в простые телохранители.

– Вот как?... – Я задумалась. – А у вас есть кто-то на примете, господин Рас? Женщина, разу-меется. Нанимать телохранителя-мужчину я не стану. Может, вы знаете, господин Жаник? Я же совсем недавно приехала и пока плохо ориентируюсь в обстановке.

– Поузнавать надо, леди Рэмина, – сдвинул на затылок шляпу мой слуга. – Я не в курсе.

– Я бы порекомендовал, сиятельная, да вот только... – Наемник поджал губы и мотнул головой, словно отгоняя глупую идею. – Не подойдет она вам. Но я могу тоже узнать насчет других свободных теней женского пола, если пожелаете.

- Почему мне не подойдет ваша протеже?
- Вы ведь красавица, леди. Такие, как вы, не терпят рядом с собой увечных.
- С чего вы взяли? И что значит – увечных? Ваша знакомая калека? Но как тогда она собирается исполнять обязанности телохранительницы?
- Она – тень, не телохранительница. Только... лицо у нее...
- Господин Рас, почему я должна тянуть из вас информацию клещами? Раз уж начали, то договаривайте до конца. Что не так с вашей знакомой? Я хочу знать все подробности и сама приму решение, подходит она мне или нет.
- Из наших она, из рысей. Только она мне не протеже. Просто знакомы, пару раз сопровождали караваны в одной команде. Проблемы с лицом у девки, вот и не берут ее больше в тени. Мужчины брезгуют, дамы презируют и не желают рядом с собой терпеть уродство... А замуж тоже не выйти, и с мордашкой – беда, и котят не может выносить. Не только внешность пострадала тогда, но и... Не повезло бабе, что уж теперь.
- Я правильно поняла, раньше она работала тенью на кого-то, но потом произошло нечто, изуродовавшее ее, контракт с ней расторгли, и теперь она может найти работу только наемницы в охране обозов и караванов?
- Все верно, сиятельная, – чуть поморщился оборотень. – Так-то она сильная и хорошо обученная тень. Одна из лучших, да только жизнь сломана.
- Сколько ей лет?
- Двадцать семь, леди. Это если на ваши, человеческие, перевести. Не подойдет она вам, вы уж простите меня, глупого, что отнимаю ваше время.
- Я лучше знаю, что мне подойдет, а что нет, господин Рас. – И я чуть слышно вздохнула. Как же несправедливы все разумные и судят о других по себе. – Передайте вашей знакомой, что я согласна встретиться с ней и лично переговорить. По итогам собеседования я приму решение.
- Ее вроде сейчас в городе нет. Последний раз виделся с ней с месяц назад, она собиралась сопровождать купца в охране.
- Ну, значит, как встретите, так и передадите, чтобы приехала в «Музыкальный» дом в западном пригороде и спросила меня, – пожалала я плечами. – Мне не к спеху. Я, собственно, вообще не уверена, а нужна ли мне телохранительница и уж тем более тень. Но раз обещала, то встречусь с ней, а там будет видно.

Вообще, идея не так плоха. Во-первых, при наличии

телохранительницы я буду защищена от... от кого-нибудь. Пока не знаю, какие проблемы и неприятности могут поджидать одинокую девушку в Тьяре и насколько город безопасен в целом. В людских государствах грабители, жулики, мошенники и любители развлечься за чужой счет – это нечто обыденное. Даже в благополучных кварталах всегда нужно держаться настороже и не терять бдительности. Либо обворуют, либо ограбят, либо обманут. А уж в темное время суток девица из благополучного общества решилась бы высунуться на улицу в одиночестве, только надумав покончить с собой.

Во-вторых, присутствие рядом постоянной компаньонки, пусть это всего лишь телохранительница или в данных реалиях – тень, определенно не позволит домысливать ненужное в мой адрес.

Не то чтобы я так уж сильно пеклась о своей репутации. За моей спиной теперь не стоял род, чью честь мне необходимо было бы блюсти. Не имелось родителей, которые были бы недовольны моим неразумным поведением или расстраивались бы из-за сплетен. Да и замуж я не собиралась выходить ни сейчас, ни в перспективе, а значит, меня не волновало, что подумают обо мне потенциально возможный жених и его родня.

Откровенно говоря, меня вообще не заботило, станут ли обо мне распускать сплетни. Поводов для них я не планировала давать, а если бы таковые и появились (поводы, не сплетни), то не думаю, что возникшие досужие разговоры меня сильно расстроили бы. Я вообще стала излишне цинична, как мне начинает казаться. А уж учитывая предстоящие годы, столетия, а то и тысячелетия грядущей жизни... Все равно найдутся причины перемыть мне косточки. Но это не означает, что я буду вести себя всю эту предстоящую вечность точно девица на выданье, которая боится испортить репутацию.

Надо начинать привыкать к мысли, что я, оказывается, не человек, и людская мораль и традиции в отношении незамужних леди на меня больше не распространяются. Знаю точно, что на замужество с обрядом связывания судеб и душ я ни за что не соглашусь. Но и провести жизнь в одиночестве не планирую – рано или поздно рядом со мной окажется мужчина, который станет мне небезразличен. Но... это будет любовник. У мамы, полагаю, таковых за ее неизвестные мне столетия жизни было много.

Плохо это или нет, не берусь судить. Я пока еще не перестроилась с образа мышления знатной аристократки человеческой расы на поведение и менталитет вечноживущих народов – драконов и сидхе. Но рано или поздно

это случится, всю шелуху людского воспитания я откину, оставив лишь вечные ценности.

Возвращаясь же к теме тени, в-третьих, но думаю, не в-последних, всегда хорошо иметь рядом надежное доверенное лицо. Пусть и работающее на тебя за деньги. Дарио ушел, друзей и подруг у меня нет, а новых я вряд ли скоро приобрету. Так пусть хоть кто-то помогает и подсказывает, оберегает и опекает.

Так что я побеседую со знакомой господина Раса. Почему нет?

Обговорив всё и обменявшись любезностями, мы с ним распрощались. Оборотень ушел с честно заработанным золотым, а мы с господином Жаником и Тайфуном, послушно идущим в поводу, отправились домой. Уже позднее до меня дошло, что я даже не спросила имени той девушки, своей потенциальной тени или телохранительницы. Отвлеклась на трагичную историю и сразу не задала вопрос, а теперь уже и не у кого спросить. Не искать же снова в городе господина Раса.

Приехав, я лично отвела жеребца в стойло, поговорила с ним, рассказала о том, какой он красавец и как сильно мне нравится. Угостила яблоками. Пообещала, что стану навещать даже в те дни, когда не буду никуда выезжать. Расстались мы полностью довольные друг другом.

Поев, я наконец перебралась в кабинет и вынула из сумки ждавшее меня в отделении Гномьего банка четыреста лет послание от мамы.

В голове не укладывается. Как так-то? У меня мелко дрожали пальцы, когда я вскрывала конверт и вытаскивала исписанные знакомым аккуратным почерком листы.

«Здравствуй, милое дитя.

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых, либо же я покинула этот мир, уйдя к своему народу.

Я не знаю, как тебя зовут, мальчик ты или девочка, но раз это послание попало в твои руки, ты мой потомок. Позволь представиться, Альенда Шохард. Я принадлежу к светлому и гордому народу сидхе.

Кем родишься ты, мне неизвестно. Возможно, твой отец – дракон, и тогда ты маленький дракончик или драконица? Или же в тебе проявится моя кровь, если я выберу в будущем спутника из эльфов или оборотней? Маловероятно, что я свяжу свою жизнь со смертным человеком, поэтому не питаю надежды, что ты будешь сидхе. Также я не смогу найти супруга из мужчин своей расы, их здесь не осталось.

Я не ведаю, как сложится моя жизнь. В курсе только, что все мои соплеменники ушли, оставив эту жестокую реальность, устав с ней

бороться. Я сделала глупость, наверное. Не знаю. Но я осталась. Я люблю этот край, эти горы и леса, реки и озера. Пытаюсь найти свое место, невзирая ни на что. Уже более шестисот лет я здесь одна, скрываю от всех свою сущность и притворяюсь человеком. Меняю места проживания, перемещаюсь из страны в страну.

Ты, наверное, мучаешься догадками, кому же я пишу это письмо, если пока что у меня нет ни ребенка, ни даже половинки души? Я и сама не понимаю. Но мне было видение, что однажды кому-то из моих потомков очень нужны будут помощь и совет. И некому, кроме меня, дать их. К тому же все, в ком течет хоть капля крови сидхе, рано или поздно приходят к истокам, к отчему краю. Но наш город опустел, там не осталось никого живого. Поэтому я пишу сейчас эти строки и оставлю их в Тьяре, столице драконов, в отделении Гномьего банка. Там оно точно дождет тебя, и когда ты придешь, неважно, через сто лет или тысячу, то получишь мой далекий привет из прошлого.

Я напишу тебе, как открыть волшебную тропу, чтобы перейти к другим сидхе, в ту реальность, где они живут сейчас. Расскажу, как в полной мере овладеть способностями к музыке и поэзии. Не знаю, в курсе ли ты, что моему народу подвластны все стихии? Огонь, вода, земля, воздух, разум. Мы можем управлять ими всеми. Они все, до единой, отзываются на наше волшебство. Ты сможешь потренироваться и развить эти способности у себя, если в тебе сильна моя кровь. Или хотя бы будешь знать о том, что кто-то из твоих предков это мог, если родишься дракончиком.

Во всем же прочем наша магия неотличима от человеческой, драконьей или эльфийской. Ты можешь смело учиться в любой академии, осваивать какое угодно направление. Нам поддаются все виды, нет преград, выбирай по душе. Я увлекаюсь артефактами и алхимией. Что выберешь ты?

Вероятнее всего, ты прекрасно играешь на любом музыкальном инструменте, пишешь стихи и песни, поешь и легко находишь общий язык с животными и птицами? Это у нас в крови. Развивай в себе эти способности. Это наша сила.

Внимательно прочитай и выучи наизусть всё, что я напишу далее. Тренируйся. Осваивай. Не опускай руки, если что-то не будет получаться сразу. Я верю, что тебе, мое неведомое дитя, всё удастся и ты со всем справишься.

Когда всё изучишь, уничтожь это письмо и все инструкции. Сведения о них не должны попасть в чужие руки. Надеюсь, ты понимаешь это и

защитишь свой народ, пусть даже никогда его не видел.

С любовью, твоя мама, или бабушка, или прабабушка Альенда Шохард. Последняя из сидхе, оставшихся в этом мире».

В остальной пачке бумаг были точные и подробные инструкции ко всему тому, что она обещала.

Так странно... Мне казалось, что я хорошо знаю ее... Но сейчас, после всех тех шокирующих открытий о ее истинной личности, у меня язык не поворачивался назвать эту невероятную загадочную женщину просто мамой.

Альенда Шохард. Последняя из сидхе, оставшихся в этом мире.

Точнее, сейчас уже не она, а я – последняя из сидхе, по нелепому стечению обстоятельств очутившаяся тут и читающая сейчас это послание из далекого прошлого.

Конец первой книги

notes

Примечания

Стихотворение написано пожелавшей остаться неизвестной читательницей специально к этому произведению. (*Здесь и далее примечание автора*).

Клавесин – старинный струнный клавишно-щипковый музыкальный инструмент, предшественник фортепиано.

Стихотворение написано читательницей специально к этому произведению.

Лю́тня – старинный струнный щипковый музыкальный инструмент с короткой шейкой и овальным корпусом.

Бричка – легкая дорожная повозка преимущественно без рессор, иногда с открытым верхом.

Соне́тка – комнатный звонок или колокольчик для вызова прислуги, приводимый в действие шнурком.

Ландо́ – четырехместная карета с открывающимся верхом.